

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 31

ПЕРМЬ 2022

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 31

ПЕРМЬ 2022

УДК 882(059)
ББК 84(2Рос-Рус)6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проектов
«Пермская библиотека» и «Литературное Прикамье»
подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).

**ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель»
благодарят Пермское отделение ВОО «Союз художников России»
и галерею «Марис-Арт» за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — О. А. Черняк
Отдел поэзии — В. В. Якушев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2022. — 144 с. — (вып. 31).
ISBN 978-5-6048219-2-3

**В оформлении альманаха использованы работы Константина
НИКОЛАЕВА, члена Союза художников России.**

На обложке — «ВЕСНА НА КОМПРОСЕ», холст, масло, 2004.

На шмуцтитуде части 1 — «ДОМ МЕШКОВА», холст, масло, 2010; «НА
КАМЕ», холст, масло, 2006.

На шмуцтитуде части 2 — «ТЁПЛЫЙ ВЕЧЕР», холст, масло, 2018; «ДОМ
ГРИБУШИНА», холст, масло, 2006.

На шмуцтитуде части 3 — «МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ. КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПЛОЩАДЬ», холст, масло, 2013; «КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ»,
холст, масло, 2006

ISBN 978-5-6048219-2-3

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

*9 мая 2022 года — 77-я годовщина Победы
в Великой Отечественной войне*

Владислав ЗАНАДВОРОВ. КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Стих 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

*9 мая 2022 года — 77-я годовщина Победы
в Великой Отечественной войне*

Надежда ВЕРШНИНИНА. ПЕСНЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ ЖИВА. Рассказ 8

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. ЕКИМ ПЕТУННИКОВ. Рассказ 15

ВРЕМЯ

*9 мая 2022 года — 77-я годовщина Победы
в Великой Отечественной войне*

Андрей ЗЕЛЕНИН. И Я НЕ ПОНИМАЮ.
Глава XX из повести «Правильные» 11

ЗЕМЛЯ

Александр АБДУЛАЕВ. МОЙ РЫЖИК. Рассказ 43

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Игорь ТЮЛЕНЕВ. МИР ЛОМАЕТСЯ, КАК ДОЖДИК... Стихи 35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Галина ШЕСТАКОВА. ШАВКА. Рассказ 64

Алексей МАЛЬЦЕВ. УЙМИСЬ, КОНОПАТАЯ! Рассказ 86

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН. И ЗАВТРА ТАК ЖЕ?... Стихи 70

Наталия ГУМЕРОВА. ПЕРВЕНЕЦ СТУЖИ. Стихи 72

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

КРИТИКА

Владимир ЯКУШЕВ. «ВПАДАЮТ ВСТРЕЧИ В РАССТАВАНЬЯ...» Статья 114

ВРЕМЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир ГЛАДЫШЕВ. ПЕРМСКИЕ ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ,
или СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ. Очерк

119

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ ЗЕМЛИ

Нина БОЙКО. АЛЕКСАНДР.
Главы I-IV из документальной повести

129

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Владислав ЗАНАДВОРОВ

КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Стих

Кусок земли, он весь пропитан кровью.
 Почернел от дыма плотный, мёрзлый снег.
 Даже и привыкший к многословью,
 Здесь к молчанью привыкает человек.

Впереди лежат пологие высоты,
 А внизу — упавший на ко лени лес.
 Лбы нахмутив, вражеские дзоты
 Встали, словно ночь, наперерез.

Смятый бруствер. Развороченное ложе.
 Угол блиндажа. Снаряды всех смели.
 Здесь плясала смерть, но нам всего дороже
 Окровавленный кусок чужой земли.

Шаг за шагом ровно три недели
 Мы вползали вверх, не зная преград.
 Даже мёртвые покинуть не хотели
 Этот молнией опалённый ад.

Пусть любой ценой, но только бы добраться,
 Хоть буравя снег, но только б доползти,
 Чтоб в молчанье страшно и жестоко драться,
 Всё как есть сметая на своём пути.

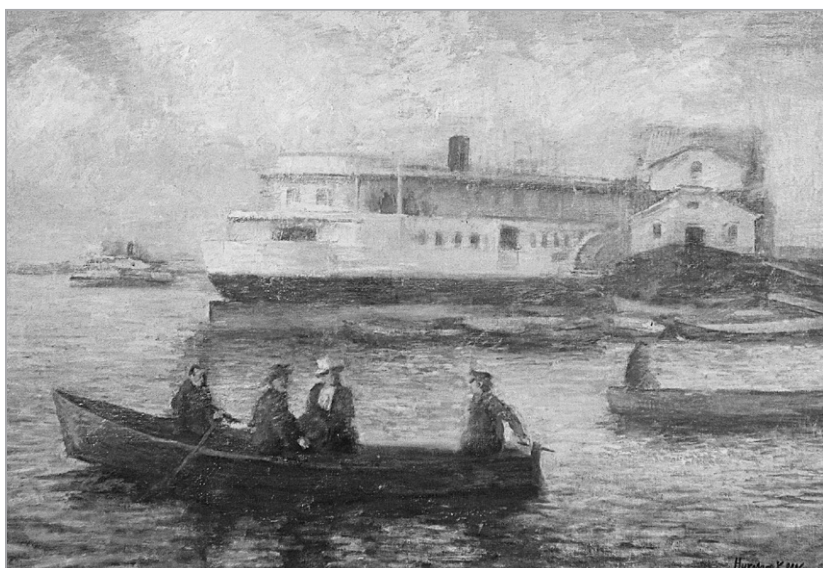
Под огнём навесным задержалась рота,
 Но товарищ вырвался вперёд...
 Грудью пал на амбразуру дота —
 Сразу кровью захлебнулся пулемёт!

Владислав Леонидович ЗАНАДВОРОВ (15 [28] сентября 1914 г., Пермь — 28 ноября 1942 г., Русаково, Ростовская область). Среднюю школу-восьмилетку окончил в Свердловске. Поступил в геологоразведочный техникум. В 1935 году поступил на геологический факультет Свердловского университета, затем перевёлся в Пермь. Окончил Пермский университет, перебрался в город Верх-Нейвинск. Подражая старшему брату Герману, писал стихи и рассказы. Его стали печатать в ленинградских и свердловских журналах. Впервые выступил в печати со стихами в журнале «Штурм» в 1932 году. Стал автором цикла стихов «Кизел», поэмы «Путь инженера» и повести «Медные горы». Входил в группу «Резец», издавался в альманахах «Уральский современник» и «Прикамье». Наиболее полно и ярко его творчество раскрылось в годы Великой Отечественной войны. В феврале 1942 года ушёл на фронт. Геройски погиб под Сталинградом в ноябрьских боях 1942 года. Его фронтовые стихи вошли во многие столичные издания — антологии, энциклопедии, словари. Имя талантливого поэта Владислава Занадворова увековечено в литературной энциклопедии «Русские советские писатели. Поэты» (том 9, М., 1997). О нём рассказывается в книге воспоминаний уральских писателей «Слово о товарищах» (Свердловск, 1980).

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Мы забыли всё... Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли.

Часть 1

Надежда ВЕРШИНИНА

ПЕСНЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ ЖИВА. Рассказ

В краткие минуты ночного затишья, когда в дрёму уходили измученные ранениями солдаты и приглушённо слышались звуки фронта, Кате удавалось ненадолго присесть. Как наяву видела она родную белую хатку с вишнёвым садом. И снова нежная мелодия умиротворяла душу, вселяла надежду на счастье:

*Ноченька лунная, летняя, ясная,
Звёзды так ярко горят.
Выйди, любимая, за день усталая,
Хоть на минуточку в сад*.*

Где-то там, в глубине памяти, звучало слаженное пение матери и сестры Нины о казаке, который гулял по Дону в поисках невесты. Иногда проносились в голове ожившие картинки из песни «Распрягайте, хлопцы, коней» или «Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя»...

В той мирной жизни подружки были озорные. Как только звучный голос выводил «Посылала меня мать...», — тут же вступало многоголосье — «...яровое поле жать». Девчата пели повсюду: рвали вишни в саду или тпиковали буряки на поле — и пели. Сильные, звонкие голоса улетали ввысь над донскими просторами.

Катя все слова знала, про себя напевала, а вслух — стеснялась, больше слушала. Смелость открывалась в ней, когда помогала соседски больным людям, вот и выбрала медицинскую школу в городе.

...Гул вражеских самолётов разрывал небо, а чёткие приказы погрузки раненых быстро исполняли молодые красноармейцы: страх, слёзы прятали от всех девчонки-солдаты. В грозovém июне 1941-го Екатерине Ляшенко исполнилось только 17 лет. Через два года — уже сержант.

Подвижная, бесстрашная, она перевязывала бойца под огнём перестрелки и получила сквозное ранение ноги. Мужество медсестры, находчивость в разных военных переделках были оценены

Надежда Константиновна ВЕРШИНИНА родилась 1 апреля 1950 года в Кунгуре. Окончила Пермский государственный университет, филологический факультет, по специальности «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы» (1973). Работала замдиректора по теоретическому обучению в профтехучилищах Лысьвы. Краеведческие статьи, очерки публикуются в муниципальных и краевых СМИ. Изданы книги по истории общества инвалидов Лысьвы «Союз сильных духом», по составлению древа рода В. П. Астафьева «Расскажу о себе сам...». Исследование «Родословная писателя В. П. Астафьева: поколенная роспись с генеалогической таблицей...» напечатано в Красноярске в первом выпуске ежегодника «Стародуб» (2009). Соавтор справочника «Личность в истории Лысьвенского округа» (2019). В Соликамске в литературно-художественном альманахе «Камская пристань – 2021» опубликован очерк «Колоритный мир Александра Атаманова». Дипломант Всероссийского конкурса литературного творчества «СТИХИЯ Пегаса» (Оренбург, 2021). Член Пермского отделения Союза писателей России (2020). Живёт в городе Перми.

* Здесь и далее — перевод Александра Малинина с украинского языка на русский «народного» варианта стихотворения М. П. Старицкого «Ніч яка місячна».

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

командованием. Медаль «За боевые заслуги» для двадцатилетней девушки — награда за храбрость. За несколько дней в своём медсанбате подлечилась, и снова в строй.

Ожесточённые, кровопролитные бои под Котельниково были победными. Жизнь сотни раненых защитников — в руках медиков: срочная сортировка — кого в госпиталь на операцию, кого на перевязки и уколы. Смерть тяжелораненых, особенно молодых, оседала болью на девичье, ещё ждущее любви сердце:

*Сядем вдвоём под цветущей калиною,
Сами себе господа.
Глянь: серебристый туман над равниною
Спрятал траву без следа.*

Сержанту медицинской службы Е. Ляшенко поручали перевозку раненых в другие санитарные батальоны. Иногда отправляли её в дорогу без пайка — голодно тогда всем было. Солдаты, уважая строгость поведения сестрички, делились сухарями или галетами.

Однажды включили в группу сопровождения немецких офицеров, взятых в плен под Сталинградом. Фашисты оскорбительно ругались, плевались. Только волевой человек, с честью, достоинством смог выдержать унижительные выпады арестованных врагов. Мысли о доме в донских степях, о раздольных песнях подпитывали силы сержанта Ляшенко.

Вспоминались святочные гадания в студенчестве на суженого. И пришёл во сне за ключом, которым символично она закрыла ведро с водой, военный, стройный, в фуражке и с портупеей. «Когда же сбудется тот сон?» — мечтала девушка о нежной встрече.

*Не беспокойся, что босые ноженьки
Вдруг окунутся в росу,
Если захочешь, тебя, моя рыбонька,
Я на руках понесу.*

— слова любимой песни рисовали образ сильного, заботливого друга, которого она не успела разглядеть в суматохе досрочного, в 1941 году, выпуска медицинских сестёр.

В конце войны 90-й запасной артиллерийский полк, в котором служила Е. Ляшенко, перекинули на освобождённую от фашистов Украину. Работа при воинской санитарной части уже напоминала гражданскую обстановку: приходили на перевязку легкораненые.

В её дежурство зачастил проверять своё здоровье старший лейтенант, статный и обходительный. Девушка она была обыкновенная: невысокого роста, фигуристая. Чёрные толстые косы с трудом укладывались на голове, даже медицинская косынка не могла скрыть эту красоту. За сияние открытых изумрудных глаз, за косы полюбил Костя медсестру Катю и увёз к себе домой, на Урал:

*Не опасайся замёрзнуть, лебёдушка,
Тихо вокруг и тепло.
Я обниму и согреет, как солнышко,
Пылкое сердце моё.*

Катерина, как звал её муж полвека совместной жизни, радовалась миру в своём светлом доме, «лесенке» детей. Причёска была неизменной — из пышных, иссиня-чёрных, длинных волос. Смогла сохранить косы в военные годы, почти в полевых условиях, при котелке тёплой воды.

Любовь к медицине как заботу о здоровье людей мама передала сыну, дочери, внукам — врачам от бога, как говорят. Успела и правнуков понянчить. О войне, где кровь и смерть, не хотела вспоминать, сберегая наши ранимые души. Говорила о песне, которая помогала превозмочь фронтовой ужас и приблизила Победу.

Лучшим подарком для мамы была песня в исполнении внучки на пианино:

*Ніч яка місячна, зоряна, ясна!
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай.*

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Андрей ЗЕЛЕНИН

И Я НЕ ПОНИМАЮ. Глава XX из повести «Правильные». Отрывок

Чем отличается автор от писателя? Автор делает ошибки, писатель — опечатки. Возможно, это главное отличие между теми, кто старается создавать различные произведения, пытается либо прославиться, либо поделиться, либо сохранить... — варианты ещё есть. Будучи детским писателем, много лет пишу и о войне. Войне Великой Отечественной. Тема эта вошла в меня давно. Ещё в школьном возрасте во сне я оказался там — в июле тысяча девятьсот сорок первого года. В окружении. Вместе со своим дедом, официально пропавшим без вести, на деле — погибшем в огне войны. Мы погибли с ним вместе, в одном бою — от разрыва одной немецкой мины; только дед погиб навсегда, а я проснулся у себя дома — двенадцатилетний мальчишка, на календаре у которого шёл тысяча девятьсот восемьдесят первый год. Мистика, фантазия — называйте это как угодно, но ветераны, читавшие мои рассказы, не зная меня — даты рождения — говорили: «Это написал человек, побывавший на войне. Он был в окопах...» Дети войны, труженики тыла, читая мои произведения — не зная обо мне — признавали: «Вот человек, который знает, что такое: жить в тылу в войну...» Я пишу о войне на основе воспоминаний настоящих, но, увы, уже ушедших из жизни солдат и командиров, партизан, подпольщиков, тех, кто жил и работал в колхозах, стоял за станками на заводах и фабриках. Пишу на основе документов, архивных материалов, которые мне попадались. Вот только одного факта, одной истории всегда мало — всё равно, чтобы написать точно, нужно знать, понимать, что было в тот момент вокруг, рядом, знать что из чего сделано, что из чего состоит, кто как выглядел... И... я оказываюсь там. Я дышу тем же воздухом, я чувствую ту боль, я держу в руках то оружие, я копаю ту землю, я вижу всё их глазами, слышу их ушами... Я знаю, я видел много страшного. Гораздо страшнее того, о чём написал. Но и того, что я уже создал, хватает. На встречах — на творческих встречах — или когда у меня берут интервью, вопросы практически всегда звучат одни и те же. Ни журналисты, ни дети не отличаются особой фантазией. Это не в обиду, не в укор. В большинстве своём мы в последнее время мыслим весьма и весьма шаблонно. Нас этому научили за годы отсутствия социалистического государства. Поэтому на стандартный вопрос «Почему вы пишете такие страшные рассказы?» у меня всегда готов стандартный ответ: «Я пишу не страшные рассказы. Я пишу о том, что было. Пишу, чтобы вы знали об этом. Чтобы это не повторилось». А на вопрос «А почему вы стали об этом писать?» отвечаю: «Людей, которые могут вам рассказать о том, что было тогда, практически не осталось. А рассказывать нужно, чтобы война не повторилась. Война — это самое страшное, что может быть на земле». И только однажды мне был задан тот самый вопрос, за который я благодарен. Я благодарен мальчишке-семикласснику. Он поднял руку, как положено в школьном кабинете во время урока, и спросил: «А когда вы пишете эти рассказы, вы сильно болеете?» Да, я болею. И очень сильно. Иногда так, что не хватает сил сходить в магазин за хлебом — в магазин, который находится в соседнем доме. Я стараюсь писать о войне в одиночестве: только так я могу — по-настоящему — становиться четырёхлетним мальчишкой, которого фашист, как собаку, посадил на цепь. Только так я могу стать тем пацаном, который мечтал стать Гитлером: «Был бы я Гитлером, взял бы пистолет и застрелился бы. И тогда войны не было бы. И батька мой с мамкой живы были бы». Я могу — по-настоящему — оказаться в блокаде Ленинграда, горящем Сталинграде, воюющей с бесчеловечным врагом Белоруссии, стать шестилетней девочкой, работающей в госпитале, и немцем, который понял, что сотворила фашистская Германия

Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Был главным редактором книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го — руководитель Клуба юных сказочников, который в 2018 году трансформировался в «Семейную мастерскую сказок Андрея Зеленина» при Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). Автор более 40 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2015), Пермской краевой премии в сфере культуры и искусства (2015), первый лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2001). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

на земле Советского Союза... В одном из рассказов я вышел за рамки Великой Отечественной войны (рассказ «Две кружки чая» состоит из трёх частей) и оказался в двухтысячном году — в Грозном — в городе, который наша, уже Российская армия, вместе с сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб, освобождала от современных негодяев, которые вели себя сродни фашистам. Рассказ вошёл в очередной мой «военный» сборник — книга вышла в свет, ушла к читателям... Время спустя ко мне пришёл один человек. Едва увидев его, я понял: передо мной сотрудник органов безопасности. Я обшарил с подобными людьми — офицерами КГБ, ФСБ. Они разные. Одни очень незаметные — и это правильно. Другие заметны — и это тоже правильно. Этот сел напротив меня, взгляд — рентген, и произнёс, тяжело роняя каждое слово: «Я знаю про вас всё...» Сказать, что мне в тот момент стало нехорошо, значит ничего не сказать. И это несмотря на то, что я стараюсь быть честным человеком и каких-то страшных грехов за мной просто нет. А он продолжал: «Вы не были в Чечне в двухтысячном...» Я ответил просто: «Ну да...» Человек взглянул на меня другими глазами: «Я читал ваш рассказ. Чтобы так написать, нужно было быть там, нужно было видеть это! Тот же запах! Если вы там не были, как вы написали об этом запахе? Как вы это написали?! Вель это всё — правда!» «Написал», — ответил я. Подумал: а вдруг человек не поймёт, что я... там всё-таки был. Никуда не выезжая, не покидая свой дом. Не понимаю как, но я там был! И я до сих пор на войне. В первую очередь на Великой Отечественной...

Бегала девчонка быстро. Хотя, если бы не битый бок, Егор легко обошёл бы её и в лесу — местность была не сильно пересечённая, да и маршрут узнаваем — прошлым днём именно здесь шла их группа под руководством Саши.

Впрочем, маршрут девчонка изменила. Не добегая до того места, где ручей превратился в болотце, свернула правее. И лес вокруг стал незнакомым, хотя и не чужим. И странное возникло у Егора ощущение — ощущение радости. Радости от того, что он видит эти ели, сосны, кусты, слышит дробь дятла, слышит повисты невидимых, но — точно! — мелких птиц.

Девчонка остановилась неожиданно, глянула на Егора — улыбнулась, словно прочитав его мысли:

— Мне тоже в лесу нравится. Он как будто родной... — Пригорюнилась, в глазницах что-то сверкнуло; слёзы? — Нет у меня родных теперь...

— А... — начал было Егор — не договорил.

— Давай дальше, — остановила его девчонка. — Теперь туда! — она махнула влево, в небольшой просвет между высокими елями, подпирающими небо. — Тут недалеко. Ну, побежали?

Они бежали ещё, наверное, с полчаса. Может быть, больше. Время странным образом перестало ощущаться. Если бы не боль, вообще всё могло казаться сном.

За рыжей от времени, по сути умершей, елью открылось небольшое чистое пространство.

— Болото! — предупредила девчонка. — Шагай след в след и старайся не шлёпать, чтобы тропинку не выдать.

Метров двадцать, и они снова оказались на сухом месте. Миновав ряд чахлах берёзок, непонятно как выросших здесь, оказались в густом ельнике.

— Это остров, — улыбнулась девчонка; обернулась, взялась за узел платка, стянула с головы серую клетчатость. — Здесь у нас перепуток... — Глянув на Егора, улыбнулась ещё раз: — Ты чего рот открыл?

Егор, будто загипнотизированный, медленно поднял руку — стоял рядом — и задел чужие короткие волосы:

— Это... седина или краска?

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

— Какая краска? — девчонка дёрнула плечами, увернулась от руки парня, перестала улыбаться. — Седая я. Что, седых не видел? — Детей — нет, — Егор отрицательно качнул головой. — Седых детей не видел.

— Я не дитё... — девчонка вздохнула — глубоко-глубоко. Не стала продолжать — погладила живот, через платье: — Поесть бы. У нас тут... — И замерла — в глазах появился испуг: — Не поняла!

— Что? — спросил Егор.

— Землянка... — прошептала девчонка.

— Где землянка? — Егор закрутил головой, но тотчас же его повело, ели закружились перед глазами, и он обессилено рухнул на землю — на многолетний ковёр из хвои, старой и свежей.

В себя он пришёл от того, что услышал плач.

— Землянка... — рыдала девчонка. — Завалило... Гриша должен был здесь... Меня... Ждать...

— К-какой Г-Гриша? — зубы у Егора чакали.

Девчонка стояла на коленях, спиной к нему — редела, но рыла землю — под еловыми лапами, рядом со стволом лесной великанши, рыла руками.

— К-какой Г-Гриша? — повторил Егор.

— Да из нашего отряда! — девчонка не обернулась — продолжала своё дело.

— Из какого отряда? — Егор с трудом сдержал дрожь, чтобы перестать заикаться.

— Какого-какого?! — девчонка развернулась лицом. — Имени Сталина! — Глядя на бледнеющего Егора, спросила — дрогнувшим голосом: — А ты? Ты откуда? Из какого отряда?

— Из поискового, — Егор смотрел на неё, и понимал — медленно, но понимал, что в мире что-то происходит не так, как должно было бы происходить.

— Кто у вас командир? — девчонка поднялась, в ботинках у неё захлюпало, и Егор сообразил, что, пройдясь по болоту, ни она, ни он ещё не снимали обувь, у обоих теперь ноги сырые. — Кто у вас командир? — повторила девчонка строже.

— Майор Генералов, — стараясь сдерживаться, произнёс Егор. Предложил: — Давай обувь снимем. Надо обсушиться. Вообще-то.

— Я не слышала о майоре Генералове, — взгляд девчонки становился жгучим.

— М-мы ищем п-партизан, — Егора всё-таки передёрнуло. — М-мы з-здесь в-второй д-день. Р-ребята с-с к-командиром в-в л-лесу.

— Десантировались? — взгляд девчонки не стал добрее, но голос немного изменился — в лучшую сторону.

Егор снова стиснул зубы, чтобы не чакали — процедил сквозь стиснутое:

— Можно сказать и так. — Попросил: — Собери костерок, замёрзнем.

— Разжечь нечем, — мотнула головой девчонка. — В землянке оставалась зажигалка. Немецкая. Но землянку завалило. Почему-то.

— У меня спички есть, — выдохнул Егор. Полез во внутренний карман защитной куртки, достал коробок: — Д-держки.

Девчонка долго смотрела на коробок — на голубой биплан, на три слова: два над самолётиком, одно — под ним.

— Не по-русски написано! — Перевернув, удивилась: — Что такое ООО?

— Общество с ограниченной ответственностью, — расшифровал Егор.

— А эСэФ?

— Никогда не интересовался. Возможно, какой-то филиал.

— Россия, — прочитала девчонка дальше. — А почему не РСФСР?

— Потому что в тысяча девятьсот девяносто третьем году РСФСР не стало, — Егор начал вспоминать всё, что читал в учебниках, в книгах. — СССР прекратил существование, республики стали самостоятельными, вместо РСФСР была образована Российская Федерация.

— Как?! — девчонка округлила глаза, встала над Егором, сжала кулаки — треснул коробок, на хвою посыпались спички. — Врёшь!

— П-погоди! — Егор предупреждающе поднял правую руку, указательным пальцем ткнул в девчонку. — П-погоди!

— Что?!

— К-какой с-сейчас г-год?

— Сорок второй!

— Т-точнее.

— Тысяча девятьсот сорок второй!

— И ты не артистка?

— Я партизанка! А ты?

— А я — Егор. Член поискового отряда. Мы ищем место партизанской стоянки. Чтобы сохранить память о прошлом.

— О каком прошлом?!

— О тысяча девятьсот сорок втором годе. О Великой Отечественной войне. О партизанах. О тех, кто нашу Родину защищал.

— Ничего не понимаю!

— И я не понимаю. Но знаю точно: в этом году мне исполнилось четырнадцать лет. И этот год — две тысячи девятнадцатый!

— Како-ой?!

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ЕКИМ ПЕТУННИКОВ. Рассказ

В Ирнинской церкви народ собирался разный. Но главным образом, конечно, здесь были купцы, фабричные и неизменные для всякой церкви старухи, которые бог знает чем и где существуют. Приезжали и господа. Но господа селились неохотно вокруг Ирнинской церкви, потому что ни Елохово, ни Покровское не просто не отвечали господским привычкам, но даже и принадлежности своей стольному граду не выдавали ничем, отличаясь, напротив, какой-то чрезмерной простотой обычаев и нравов.

Ирнинская церковь, как все, конечно, знают, памятна героическим своим клиром. И вскоре после того, как французы оставили Москву, поползли по Басманной и дальше по Покровке, расползлись во все переулки и подворья самые необычайные слухи о сокровищах святой Ирины. О тех самых сокровищах, в поисках которых французы перевернули церковь вверх дном. Но так и не найдя ни полушки, запрягли старого дьякона в тележку, дабы перевозить таким немилосердным способом воду, дрова и всё, что было потребно.

Время, ещё более немилосердное, чем французы, уничтожило давно и дьякона, и самого попа — отца Стефана. А люди, влекомые рассказами о золоте, шли нарочно к святой Ирине, чтобы своими глазами увидеть сокровища и услышать их историю. Впрочем, в этой истории нет ничего особенного. А потому не стоит и останавливаться на ней особо. Разве что так, к слову. Да к тому же и позднейший дьякон — отец Андрей — наговорил столько небылиц про Ирнинскую церковь, что, если бы не Домна Карповна, пришлось бы схватиться за голову от этой цветущей небывальщины. Стоит, пожалуй, сравнить рассказ отца Андрея, который, как какой-нибудь кулик, горазд хвалить только своё болото, и Домны Карповны, правдивее которой нет никого на Москве.

Итак, едва только стало понятно, что неприятель со дня на день займёт Москву, как ирнинский настоятель отец Стефан и дьякон отец Василий, запершись вдвоём в церкви, разобрали пол, выкопали на том же месте яму и, сложив предварительно в ящик, спустили туда все церковные ценности, включая иконы, оклады, утварь и приношения

Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате Казахской ССР (ныне город Алматы Республики Казахстан). Детство прошло на берегу Карского моря, в посёлке Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон». Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), защитила диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Кавалер ордена Достоевского I степени. Отмечена благодарностью Министерства культуры РФ.

благодарной паствы. Отец Андрей, впрочем, утверждает, что не в яшике, а в мешке хранились сокровища.

Яму, конечно, тут же засыпали, плиты вернули на прежнее место, и принялись ждать. Точнее, старый и вдовый дьякон решил переждать нашествие дома, ни на секунду не сомневаясь, что это краткое и временное неудобство. Сам же отец Стефан, обременённый семьёй, вынужден был покинуть столицу.

Нет ничего удивительного, что объявившиеся вскоре французы первым делом затребовали у отца Василия ключи от церкви, а вторым — добровольной сдачи церковного имущества. Домна Карповна рассказывает, что старый дьякон ключи закопал, и неприятелю пришлось ломать церковные двери. А вот отец Андрей совершенно необоснованно утверждает, будто бы отец Василий собственноручно отпер французам церковь. Далее, правда, разногласия сглаживаются, и рассказчики проявляют единодушие, живописуя тёмные дни, наступившие для отца Василия. Не то злобясь за открытие сокровищ, не то скучая в обезлюдевшей столице, но только незваные гости принялись измываться над стариком. Седой и высохший дьякон, никогда и прежде не улыбавшийся, с восхитительным смирением сносил новые свои несчастья. Несчастья, впрочем, закончились, как только закончилось пребывание иностранцев в Москве. Поняв, что загостились, заграничные гости спешно покинули город, унеся с собой всё, что только успели схватить в суете сборов. И в то время, как Москва была обчищена как какой-нибудь плодоносящий сад, Ирининская церковь вернулась к прежней жизни во всём своём великолепии.

И снова дьякон отец Андрей наговорил пустяков: будто бы отец Василий по отходу супостата лишился ума, вообразил себя бесогоном и стал приставать к прихожанам с намерением изгнать из каждого «легион французов». Так что иные из прихожан ходили жаловаться к настоятелю. Ну не вздор ли?..

Хорошо ещё сегодня мы знаем, кому следует верить. А что было делать тогда, спустя полвека после нашествия? Ведь Домна Карповна не вошла ещё в силу и не рассказывала того, что знает. Потому и приходилось, не разбирая, верить любому вздору.

Как бы то ни было, Ирининская церковь по воскресеньям была полна. Люди случайные, возможно, и не знали Петунниковых. Но местным была хорошо известна петунниковская печаль — не так давно пропал у купцов единственный сын. Ещё на Святой отбыл в Старую Руссу, прожил там с неделю, а дальше — как не было. До Руссы Еким Петунников добрался вполне благополучно и даже обустроился у Боговых — в семье отцовой сестры, о чём Боговы тут же и отписали в Москву. Но по прошествии нескольких дней Еким пропал. След его обрывался в гостинном ряду, где в последний раз Еким был замечен теми немногими рушанами, кто успел проведать о нём от Боговых или же заприметить как человека нового и, возможно, небезынтересного по торговой части. При себе, отправляясь в Руссу, Еким имел триста рублей, что и подтолкнуло к мысли о грабеже и насилии. Во всяком случае, отец семейства — Влас Терентьевич — после нескольких дней напряжённого ожидания объявил, что «оно тут, пожалуй, всё ясно будет: нет в живых Екишки». И хотя иные из домочадиц заахали и даже стали подвывать тоненькими голосами, Фёкла Акинфеевна сохранила спокойствие. Прежде всего потому,

что перечить супругу она не любила, а кроме того, несмотря на каждодневные с некоторых пор тайные слёзы, ждать она не переставала. Уверенность, что Екиша жив, пребывает в здравии где-то неподалёку и очень скоро явит себя миру и родителям, никогда её не покидала.

* * *

О Старой Руссе мечталось Екиму давно. Лет двенадцати довелось ему провести лето у тётушки Василисы Терентьевны, и с тех самых пор то и дело возвращался мыслями Еким на Дмитриевскую улицу. Снилось ему Перерыгица — тихая, безразличная ко всему речка, снилось что-то непонятное и бесформенное, но определённо рушанское. Снилось отведённая тётушкой комната, пахнувшая сухими цветами и закрытая от солнца ёлкой, круглый год топырившей ветки, словно и в самом деле не желавшей подпускать никого к окну. Снилось Екиму тишина, снился прохладный сумрак, снился покой чужого дома, где предоставлен был Еким сам себе, где не было отцовых строгостей. Что отец? То недоволен, то смотрит с жалостью. Да ещё ввернёт невзначай: «Дурачок ты у нас, Екишка, как есть — дурачок. Какой уж коммерсант из тебя...»

Словом, прошло уж лет семь с той поры, как гостил Еким в Старой Руссе, а всё памятен был ему рушанский уголок. Как вдруг от тётки пришло письмо. Василиса Терентьевна поздравляла семейство «дорогого братца» со Светлым Христовым Воскресением, заверяла, что не смогла бы радостно провести праздничные дни, если бы «замедлила изъязвить своё почтение» и под конец жаловалась, что торговля идёт из рук вон плохо и денег нет. После несколько даже прямолинейно намекала, что ни сама она, ни супруг Парамон Митрич от братовой помощи никогда не отказывались и впредь не собираются. А чтобы поправить дела, нужен хоть маленький, да капитал, «а капитал, дорогой братец, по нынешним временам товар редкий. И ежели не от близких людей, то помощи и ждать не приходится, потому как прийти неоткуда».

Петунниковы и не слыли богачами — куда уж до Кокоревых! Но отослать сестрице денег — это Влас Терентьевич вполне позволить себе мог. Когда же вечером за ужином Влас Терентьевич зачитывал семейству письмо и домочадцы, отдуваясь от жары и проснувшихся недавно мух, тянули чай, пропуская горячую струю сквозь зажатый в передних зубах кусок сахара, Еким вдруг понял, что если он сейчас не предпримет чего-то необычайного, то потом будет поздно. Еким заволновался, заёрзал, словно стул вдруг сделался под ним горячим. А потом, перебив отца, степенно рассуждавшего о том, что «помочь-то сестрице можно», заговорил не своим, одеревеневшим голосом:

— Если бы... того... я бы... того...

Отец умолк, а все, кто был в маленькой, тёмной столовой, пропахшей ладаном, с любопытством, испугом и недоумением повернулись к Екиму. Во-первых, никто не мог понять, что значат все эти «того». Во-вторых, влезать в разговор, а тем более перебивать отца было не в правилах семейства Петунниковых. А в-третьих, волнение Екима было слишком заметным и непонятым, чтобы не обратить на него внимания.

Странности не укрылись и от внимания Власа Терентьевича да и, вероятно, поспособствовали тому, что Влас Терентьевич не стал

прибегать к нравоучению, но сделал попытку разрешить сына от томившего бремени.

— Ну?.. — сказал он, уставившись на Екима, точно хотел назидать его на свой взгляд.

Но Еким, потупившись, молчал.

Фёкла Акинфеевна перекрестилась и забормотала что-то молитвенное. Влас Терентьевич нахмурился и со словами «ну, ну...» стал медленно и тяжело, точно выпрастываясь из пелён, подниматься из-за стола. Поднявшись и упершись правой рукой в спинку стула, а левой — о край столешницы, он повернулся к иконе Спасителя в углу. Стол под тяжестью его руки пискнул тихонько, домочадцы зашевелились, поспешно отодвигаемые стулья завизжали. Ужин завершился.

* * *

Ночью было душно. Сны толпились как овцы в загоне. То и дело Еким просыпался, но и явь караулила его. Едва открывавшему глаза Екиму становилось страшно всего — отца, Старой Руссы, тётки, судьбы. Потом он снова погружался в сон, и снова встречали его беспокойные грёзы. Потом опять просыпался навстречу ужасу, и пробуждение всякий раз походило на рождение, когда мироздание, призвав к себе человека, смеётся над его беспомощностью и малостью. Рассвет разогнал ночные страхи. Ещё оставаясь в постели и разглядывая, как сонмы пылинок резвятся в солнечном луче, пересекающем комнату, Еким подумывал, а не поговорить ли, в самом деле, с отцом. Отчего бы не подойти и не рассказать всё, как есть... Правда, что именно «есть» и что стоило бы сказать, Еким не знал, в сознании Екима мысль не всегда встречалась со словом, отчего порой и не обретала законченных черт. Однако и не имея чётких очертаний, томила и нудила.

За завтраком, а домочадцы собирались в столовой трижды на дню, Влас Терентьевич вдруг сказал:

— Вот что мыслю... Собирайся-ка ты, Екиша — поедешь к сестрице. Письмо отвезёшь, — тут он как фокусник извлёк откуда-то и выложил на стол письмо, перевязанное крест-накрест бечёвкой, концы которой, затянутые в узел, топорщились как тараканьи усы. Поверх же письма опустил широкую ладонь с толстыми, прямыми пальцами, поросшими у оснований кустиками чёрных волос.

— С письмом-то, смотри, осторожно, — продолжал Влас Терентьевич, — с тебя спрошу... Да, и вот ещё что... Дам я тебе денег... триста рублей... Поживи ты пока у сестрицы и попробуй сам, своим то есть манером, торговлю завести... А получится или нет... Ну уж как Бог даст, так пусть и будет...

Влас Терентьевич был, конечно, купцом, но купцом по установленному порядку, именно потому, что так «Бог дал». Он был не просто умён и расчётлив, но внимателен и чуток, к тому же был лишён той грубости и самодурства, что отличали порой представителей его сословия. Супруга же Власа Терентьевича была умна сердцем. Она ничего не требовала и ни на что не жаловалась, назначение своё мыслила исключительно в исполнении семейного долга, состоявшего, по её мнению, в заботе о доме и полнейшей покорности мужу. И потому, даже не желая расставаться с Екишей, она, узнав о его отъезде,

только прошептала: «святители», и в следующую секунду уже думала о том, как бы получше снарядить Екишу в дорогу.

Что до Екима, то для него с этой минуты началась какая-то новая и небывало приятная жизнь, продолжавшаяся до тех самых пор, пока однажды он не обнаружил себя в тихой сумрачной комнате, хранящей терпкий запах сухих цветов — в комнате дома Боговых по Дмитриевской улице Старой Руссы.

Но судьба, как это часто бывает, зло подшутила над Екимом, подманив посулами и тут же крепко ударив. И вскоре после того, как Еким оказался на Дмитриевской улице, как расцеловался со всеми Боговыми, как ответил на все тёткины вопросы, не забыв передать конверт с письмом, вспомоществованием и усиками из бечёвки, случилось нечто совершенно невероятное и не имеющее никакого объяснения. Настолько невероятное, что могло показаться, будто сама судьба взяла Екима за шиворот и что есть мочи встряхнула.

* * *

На другой же день по приезде своём в Старую Руссу Еким, отдохнувший и полный радужных предвкушений, решил отправиться в гостиный двор. Ему не терпелось пустить в оборот свои триста рублей. Казалось, что если один раз повезло и сбылась самая потайная мечта, то, быть может, отныне всё будет получаться и все самые дерзновенные замыслы найдут своё воплощение. Главное же — надлежало приумножить капитал и не оплошать при этом. Еким предоставлена была свобода решить, спросить ли совета у Боговых или самому взяться за дело. Он не знал ещё, как поступит, но прежде положил осмотреться в городе и прицениться на торгу.

И вот, выйдя из дому, Еким повернул налево к Никольскому мосту и, перейдя через речку Порусью, оказался на Пятницкой улице. А когда уже возле синагоги хотел свернуть направо к Торговой площади, вдруг вспомнил о своей любимице — Перерытице, беспечной и ленивой речке, не то дремлющей, не то о чём-то мечтающей. И Еким пошёл по Пятницкой прямо. Он прогулялся взад и вперёд по набережной, потом спустился ближе к воде и уселся на травку. Жизнь была хороша. И единственное, пожалуй, что отравляло её в это мгновение, был доносимый откуда-то ветром отвратительный запах. Еким безотчётно повернулся, словно пытаясь отыскать источник разрушающего гармонию обстоятельства, и тут только заметил, что в нескольких шагах от него сидит человек и с каким-то тревожным любопытством его, Екима, рассматривает. А рядом с человеком лежит огромный мешок. Еким справедливо слыл тихим и малообщительным мечтателем, но сейчас он чувствовал себя другим, и ему хотелось вести себя по-другому. И он нарочно, как будто он был не Еким, а кто-нибудь другой, заметил со всей непринуждённостью, на какую только был способен:

— Какой большой мешок!

Хозяин мешка кивнул и ничего не ответил. Так они сидели молча, время от времени поглядывая друг на друга. Еким заглянул в большие тёмные глаза незнакомца и отметил, что где-то на самом их дне застыло выражение непреходящей скорби.

Народу вокруг почти не было. Только поодаль мальчишки бросали камушки в воду, отчего река лениво, сонно булькала и чмокала.

Екиму надоело сидеть, он спустился к воде посмотреть на лодки, легко, словно колыбели, качаемые Перерытицей, на солнечные блики, седлавшие мелкие волны у самого берега. Хотелось смотреть и смотреть на реку, чьё течение напоминало дыхание спящего, но нужно было идти, и Еким побрёл неохотно к Торговой площади. Проходя мимо скотопригоньевского рынка, он подумал, что, должно быть, отсюда ветер доносил неприятный запах, и вспомнил о незнакомце с мешком. Но перейдя Тихвинский мост и завидя впереди Торговую площадь, Еким уже позабыл о недавних впечатлениях.

Он прошёл Цепную и Кожевенную линии, когда вдруг показалось, что в толпе мелькнуло что-то знакомое. Еким остановился и принялся ощупывать глазами толпу, стараясь понять, что же это было такое. Вдруг в одной из арок Гостиного двора он увидел давешнего незнакомца с мешком. Незнакомец, кажется, тоже узнал Екима и наблюдал за ним. Екиму сделалось отчего-то не по себе, но он всё же кивнул незнакомцу, после чего поспешил смешаться с толпой. Бродить по рядам он больше не стал и отправился домой.

На другой день Еким вновь отправился к рынку и, прохаживаясь неспешно по лавкам Железной линии, опять увидел незнакомца. Тот, сутулясь, брёл между рядами, волоча за собой мешок и поминутно озираясь, точно отыскивая кого-то в толпе. Еким, сам не зная зачем, шагнул навстречу незнакомцу. Тот заметил Екима, улыбнулся ему как приятелю, но тут же отвернулся. То выражение скорби, которое Еким подметил вчера в его глазах, только усугубилось и вот-вот готово было смениться отчаянием. Внезапно, словно заметив что-то в толпе, незнакомец выпрямился и в следующее мгновение бросился, насколько позволял ему мешок, куда-то в сторону, где, должно быть, мелькнула для него надежда.

После полудня, когда Еким по дороге домой расположился на травке, наслаждаясь солнцем, безветрием и безмятежностью, источаемой рекой, кто-то вдруг подошёл и, шумно вздохнув, сел рядом. Это был незнакомец. Вид у него был такой, как будто они договорились с Екимом о встрече именно на этом месте. Мешок был с ним. Появился и вчерашний запах.

Еким молча разглядывал странного своего товарища. Тот выглядел уставшим и, казалось, даже осунулся с последнего их свидания. Усевшись, он обхватил руками колени и погрузился в раздумье.

— Да, — вдруг сказал он, глядя перед собой и кивая, как заведённый, — да. Стоило ждать этого.

Потом, повернувшись к Екиму, спросил:

— Где я теперь их найду?

— Кого? — не понял Еким.

— Кого... — ухмыльнулся незнакомец и, не спрашивая, желает ли Еким его выслушать, повёл рассказ. Многие из того, о чём рассказывал незнакомец, осталось для Екима непонятным. Но и то, что он понял, потрясло его.

Из рассказа незнакомца следовало, что жил он с рождения в Новгороде. И там же, в Новгороде, водил знакомство с неким Бравлином.

— Да ты знаешь, может? — справлялся он у Екима. — Беспалый... пальца большого на правой руке недостаёт...

Но Еким не знал беспалого Бравлина из Новгорода. И незнакомец продолжал, рассказывая о том, что как-то раз он ссудил

Бравлину триста рублей. Бравлин же, взяв деньги, долг отдавать не спешил. В довершение же ко всему — умер. По мнению рассказчика, это выходило очень подло. С живого Бравлина он непременно получил бы свой долг, но с мёртвым выходили затруднения. Тем более никто из родственников Бравлина не захотел взять на себя долговые обязательства. Но и прощать долг мертвецу кредитор тоже не захотел, с чем и явился к родственникам. Однако родственники, вместо того чтобы уладить дело миром, передав если не деньги, то хотя бы ценные вещи, пустились в препирания с кредитором. Сначала у них дошло до крика, потом до рукоприкладства, и напоследок бравлиновы родственники спустили на кредитора собак. Собаки разодрали ему штаны, и он, едва прикрывая наготу свою, позорно бежал под улюлюканье уличных мальчишек. За свой позор кредитор твёрдо решил отомстить жестоковым и лживым родственникам, но пока он раздумывал о способах мести, родственники сбежали. Нашлись добрые люди среди соседей и сообщили, что уехали они в Старую Руссу. О деньгах, правда, посоветовали забыть. Но заимодавец Бравлина не желал забывать ни триста рублей, ни обиду. И отправился в Старую Руссу. Во что бы то ни стало положил он найти своих обидчиков и взыскать с них, будь они «хоть в Старой Руссе, хоть в Новой, хоть на краю света». А чтобы иметь верное средство к осуществлению своего замысла, он, недолго думая, решился потревожить вечный сон Бравлина. С чем и отправился на кладбище. Раскопав могилу, он вытащил тело Бравлина, завязал его в мешок и отправился в Старую Русу.

— Уже три дня хожу здесь, — жаловался он Еким, — а толку — йок. Не обманул ли сосед... старый чёрт... Этот-то, — и он кивком указал на мешок, — уже смердит. Иду по улице — собаки увязываются, лошади шарахаются... А спать рядом с ним, думаешь, какво?

— Так... это что же... у тебя в мешке... того? — спрашивал Еким, с ужасом косясь на мешок.

— Он самый... — вздыхал незнакомец, — Беспалый...

— Что же ты думаешь с ним делать?

— Что мне и делать? Искать надо... Я бы продал его, — и он снова кивал на мешок, — да кому?.. На что он сгодится?..

— Что ты? — шептал Еким, крестясь. — Как это можно христианина продать?.. Упокой, Господи, его душу!.. Его... того... схоронить надо. Слышишь?.. В земле ему самое место, а не на ярманке... Ты... того... ты домой поезжай... а его на место верни. Вот когда вернёшь на место, что взял не по праву, такое, брат, облегчение бывает, что слаше и представить нельзя... Вот я... взял я как-то у маминьки из шкапчика...

Но незадачливый кредитор перебил разговорившегося Екима:

— Куда!.. Обрато... Я его при жизни одалживал, а теперь после смерти — катай его?.. Ишь ты!.. Отыскался вояжёр! — и он погрозил мешку кулаком. — Так думаю: день-другой похожу ещё. И если не повстречаю — так брошу. Вот прямо у дороги как есть и брошу... А то ещё в воду спущу — хлопот меньше...

* * *

Ночью приснился Еким Бравлин. Он плакал, умолял купить его у злого заимодавца и обещал отблагодарить. А наутро, чуть свет,

Еким отправился на поиски своего нового знакомого, чьё имя он так и не выяснил.

Еким волновался, ему всё казалось, что он может не успеть и опоздать куда-то. Что если он больше не встретит человека с мешком? И как узнать тогда: вернулся ли Бравлин в могилу или отправился на дно Перерытыцы? Богобоязненному Екиму делалось страшно, что псы или речные рыбы съедят христианина из Новгорода, а он, Еким, зная о готовящемся беззаконии и кошунстве, ничем не воспрепятствовал. А ведь теперь, проговорившись Екиму, гробокопатель, возможно, опомнится и захочет отделаться от преступной своей ноши. Еким думал было поговорить с Боговыми, но решил до поры этого не делать, поскольку сам он всё же никакого Бравлина не видел. Словом, Еким был готов действовать, но не совсем ещё понимал, что именно следует делать. Он знал только, что непременно должен найти человека с мешком. А дальше... О том, что будет дальше, он даже не думал.

Вся эта невозможная история с мертвецом в мешке тут же перестала быть невозможной, как только Еким погрузился в неё. Напротив, как нечто совершенно обычное, она требовала теперь своего разрешения, к чему, со всей горячностью, и приступил Еким.

Первым делом Еким отправился к Перерытыце, где впервые повстречал своего странного знакомого. День выдался хмурым, дождь шелестел, на воду легла рябь, словно река недовольно морщилась, берег был пуст.

Тогда Еким пошёл на Торговую площадь и долго ходил по рядам, высматривая, не мелькнёт ли где сутуловатая фигура с большим мешком. Он пробовал даже спрашивать у торговцев, но его подняли на смех, объяснив, что искать на рынке человека с мешком — всё равно что искать снежинку в сугробе. Проблуждав без толку по рядам, Еким, не зная толком города, свернул с площади направо и оказался на улице с каменными двухэтажными домами. Он ещё раз повернул направо и долго шёл по улице с протяжённым забором. Потом снова свернул направо и... понял, что находится в Большом Дмитриевском переулке, то есть совсем недалеко от дома. Такое неожиданное возвращение показалось ему неслучайным, и он стал подумывать об оставлении поисков. Но вспомнив слова Писания о взыскании с тех, кому много вверено, он снова решил отправиться на Торговую площадь. Подходя же к Никольскому мосту, вдруг увидел того, кто был ему нужен. Он стоял на деревянном тротуаре моста и, свесившись через перила, напряжённо всматривался в воду. Еким вздрогнул и остановился. Но тут же заметил мешок.

Разыскивавший весь день своего знакомого, Еким теперь растерялся и не знал, с чего начать разговор. Между тем знакомец сам увидел Екима, оторвался от перил и заговорил так, точно они расстались не далее как час тому назад:

— Нет, — сказал он, — нет... Видно, обманул проклятый...

С этими словами он снова перегнулся через перила. Еким подошёл ближе, остановился рядом с мешком и подумал, что пройдёт не так уж много времени, и человека с мешком можно будет отыскивать по запаху.

— Никого нет, — услышал Еким. — И этого аспида никто здесь не знает.

Он снова выпрямился, кивнул на мешок и легонько пнул его.

— Ну? — громко обратился он к мешку. — Где мои триста рублей? А?... Молчит!.. Уж я тебя!..

Он опять пнул мешок и погрозил ему кулаком.

— Ты смотри... — продолжал он. — Ты не думай, что стану таскать тебя за собой повсюду. Ежели ты ни на что не годен, так и таскать тебя даром мне нужды нет.

Тут он расхохотался, а Еким, приоткрыв даже рот, как зачарованный стоял и слушал этот монолог, обращённый непонятно к кому или чему.

— Каково!.. — смеялся и от смеха раскачивался хозяин мешка, держась одной рукой за перила моста. — Ну каково!.. Видано ли такое?... Он и при жизни остался мне должен, так уже и по смерти долгов наделал! Ну где это видано, чтобы мертвец долгов наделал?! А этот...

И он в который раз уже пнул мешок. По счастью, прилегающий к мосту участок Пятницкой улицы был пуст в тот час. И лишь одна старуха, повязанная платком с синими огурцами, прошла мимо них по Никольскому мосту. Любопытство не просто заставило её остановиться, но и подтолкнуло выяснить, что это лежит в таком большом мешке. Хозяин мешка взглянул на неё страшно и сказал:

— Мертвец.

Потом, проводив взглядом крестящуюся и спешащую прочь старуху, он посмотрел на Екима и зашептал горячо:

— Ночью — решил — сброшу его в реку.

— Не надо, — сказал Еким. И добавил робко: — Лучше... того... отдай его мне.

Еким ждал, что знакомый в ответ удивится и станет его отговаривать. Но никогда и ничему не удивлявшийся заимодавец только покачал головой и произнёс в задумчивости:

— Он мне должен. Пусть платит.

— Ну вот, — обрадовался Еким, — вот и я... того... Отдай... я заплачу за него.

И снова бравлинов кредитор не выразил ни малейшего удивления.

— Пусть платит мне триста рублей, — кивнул он на мешок, — или пусть умрёт ещё раз.

— Я!.. Я заплачу за него, — проговорил, волнуясь, Еким и снял с головы картуз. — Я заплачу... Только... того...

Настала очередь Екима кивать на мешок.

— Это, правда?... того...

— Бравлин-то? — невозмутимо переспросил незнакомец. — А то кто же!

С этими словами он стал развязывать мешок, приговаривая что-то о честности, о том, что товар надо показать лицом и о том, что покупать в мешке что бы то ни было, конечно, неправильно. Он немного провозился с узлом, но затем, освободившись от пут, мешок осел, и на Екима пахнуло сладковатым запахом тлена. Еким скосил глаза, и от увиденного ему стало нехорошо. Он поморщился и отступил.

* * *

— Что я — выжига какой или душегубец?... Стану я мертвецами торговать!.. Мне бы долг вернуть... — с этими словами кредитор

Бравлина пересчитал деньги, которые Еким извлёк откуда-то из недр своего картуза, а пересчитав, попятился, словно опасаясь, что повернись он спиной к Екиму, как тот немедленно на него бросится. Потом повернулся и кинулся прочь. Но Еким и не думал бросаться или бежать следом. Он долго ещё оставался на мосту, обдумывая, как и что теперь делать. Прежде всего, рассуждал Еким, старавшийся не ужасаться тому положению, в которое поставил себя сам, прежде всего, необходимо закопать мешок. И сделать это лучше всего ночью и, конечно, не в городе. В самом деле, не в огороде же у тётки его закапывать! А дальше... Дальше нужно было возвращаться домой. Но не к тётке, а сразу к отцу. Объяснить что-либо тётке представлялось Екиму затруднительным. А уж тем более объяснить, зачем он вместо галантерейного товара скупает по городу мёртвые тела. А вот отец, если и не поймёт его, то пусть уж сам узнает всё, как есть, и сам наказует.

Денег у Екима больше не было. Занимать же у тётки, которой он сам привёз вспомоществование, было делом невозможным. К тому же такой заём повлёл бы и неперенные объяснения. И Еким решил прямо с Никольского моста отправиться в Москву, а Бравлина предать земле где-нибудь по пути. Он взвалил на плечо мешок и пошёл в сторону тёткиного дома, потому не раз слышал от неё, что если идти по Дмитриевской улице, то можно прийти в Москву.

* * *

Куда бы русский человек ни шёл, он всё равно придёт в Москву. Даже если улица уходит совсем в ином направлении. Так что нет ничего удивительного, что Еким так смело выдвинулся в дорогу с покойником за плечами.

Едва закончился город, и все постройки, включая овины и самые жалкие лачуги, исчезли из виду, Еким свернул в лес. И выйдя скоро из душной тьмы леса на опушку, опустил свой мешок в какую-то яму, которые всегда почему-то имеются в лесах во множестве. Яму он засыпал землёй и поставил в изголовье крест, связанный из двух сучьев. На этом свой долг по отношению к новгородскому христианину Еким счёл исполненным и поспешил вернуться на дорогу.

Стоит только взглянуть на карту, чтобы признать, что на пространстве между Москвой и Старой Руссой может сгинуть даже бывалый человек. Особенно если он один, пеший да к тому же о направлении имеющий представления самые смутные. Уже не одну звёздную ночь провёл Еким на земле под открытым небом. И не одна ночь заставляла его по деревенским дворам, куда, при случае, просился Еким на постой. А он всё шёл и шёл, куда указывали ему добрые люди, и не знал в точности, долго ли ещё идти.

И вот как-то жарким безоблачным полднем оказался Еким на распутье, где на большом сером камне, напоминающем кабанью голову, сидел, вытянув вперёд правую ногу, какой-то человек. Когда же Еким поравнялся с ним, он сказал:

— Здравствуй, Еким.

Еким в ответ поздоровался и, не заметивший в первое мгновение странности, хотел пройти мимо. Но тут же остановился. Не успел он обернуться, как незнакомец сказал, ухмыляясь:

— Не смотри, не узнаешь. Когда ты ещё был в Руссе, я видел тебя. В самом деле, человека на камне Еким не знал. К тому же лицо

его было слишком обычным, незапоминающимся, каких много во круг — светлые волосы, серые глаза с прищуром. Было в нём что-то знакомое, но Еким не понял, что именно.

— А я, Еким, тебя ожидаю, — сказал незнакомец. — Ведь я тебе должен... Ну, пойдём, что ли?..

Он поднялся с камня, а Екиму показалось, будто кабанья голова что-то прохрюкала.

— Тебе сюда, — и незнакомец указал на дорогу, что уходила влево. — А там, — он кивнул направо, — там тупик.

Еким ничего не понял из того, что сказал ему незнакомец, но расспросы счёл неуместными, потому что деваться ему всё равно было некуда. Ведь даже если перед ним лихой человек, то наверняка множество глаз наблюдают за ними из леса. А взять с Екима всё равно нечего. И Еким, рассудив, что чему быть, того не миновать, пошёл рядом с незнакомцем по мягкой от серой пыли дороге. А поскольку спутник Екиму достался молчаливый, то Еким вскоре совсем позабыл о нём, погрузившись в грёзы, к которым так привык в последнее время. Дело было в том, что Еким любил дорогу. Он оглядывал листики, слушал птичек и приходил в совершеннейшее умиление. Мысли Екима растекались как сироп, и Екиму было сладко. В карманах Екима было пусто, и Еким ничего не боялся. Не нужно было пещься о завтрашнем дне и далеко думать — каждый день сам давал ему пищу. Вставшему на дорогу трудно бывает с нею сойти. Ведь тот, кто идёт, всегда имеет свою цель. А значит, идущий счастливее стоящего на месте. Даже если всё равно, куда идти, рано или поздно придётся сделать остановку. И тогда станет понятно, что всегда нужно идти до следующей остановки.

— Мы сейчас, Еким, в одно сельцо придём, — сказал вдруг незнакомец. — И попросимся ночевать. Только уж ты во всём меня слушайся.

Еким очнулся от грёз и успел удивиться тому, что идёт не один. Он посмотрел на своего спутника и ничего не сказал. Они снова пошли молча. Скоро впереди действительно показалось село, обозначившееся шатром колокольни. Птичьи голоса сделались тише, зато собачьи возобладали. Вот и первый тын, и первая рябина в цвету. А вот и первая изба из тех, что при ярком солнце не обращают на себя внимания, но серой осенью нагоняют тоску и скуку. К такой избе и подошёл Еким вслед за своим спутником. Они вошли на двор и увидели, как из дома навстречу им ковыляет хозяин — старик, наскоро, казалось, склеенный из праха и обещавший вот-вот рассыпаться. Старость не просто сковала его члены, но и стёрла черты лица. Так что сказать, какой это был старик, каким был его нос или лоб, не было решительно никакой возможности.

— Вы кто таковы пожаловали? — проскрипел он незванным гостям. — Чего зандобилось?

На голос старика выполз из конуры пёс, под стать хозяину: дряхлый, бесформенный, с облезлой белой шерстью. Но завидев гостей, заворчал, оскалил жёлтые зубы и ретировался. Несколько кур суетились тут же.

— Пусти нас, дединька, переночевать в маленькую сарайку, — с усмешкой проговорил незнакомец. — А мы тебе золотую монетку дадим.

— Сам ты... нелюдим, — обиженно сказал дед и пошамкал ртом. — Чего надоть, говори.

— От ведь... тетерев, — усмехнулся, обращаясь к Екиму, незнакомец. И повернувшись к деду, не закричал, но проговорил так громко, что Еким поёжился и отступил на шаг.

— Ночевать пусти — заплатим.

— Так бы и говорил, — прошамкал дед.

Он и впрямь отвёл их в сарай, немногим больше собачьей конуры, да к тому же так немилосердно покосившийся, что и заходить в него было страшно, не то что оставаться на ночлег. Еким хотел было объяснить попутчику о своих опасениях, но не успел он и рта раскрыть, как тот уже ответил:

— Не бойсь! Не здесь тебе смерть свидание назначила. Да и не теперь ещё.

В сарае, куда Еким последовал за незнакомцем, хранился всякий хлам: короткая лавка, две низенькие кадлушки, ковш на длинной ручке, а из ковша глядела мутовка. В углу валялись детские ходули, зыбка, мешки, на стене мостились два дырявых тулупа. И именно тулупы, разостланные незнакомцем на полу и занявшие собой всё свободное место сарая, послужили постелью путникам. Хотя дух, источаемый тулупами, казалось, прогнал бы и самый сон, не хуже ночного кошмара, тем не менее, стоило Екиму опуститься на тулуп, как веки его сами собой склеились, а голову заволокло туманом.

Пробудившись под вечер того же дня, Еким не сразу понял, где он. Когда же наконец вспомнил, как очутился в маленьком сарае на зловонном тулупе, его поразило новое неприятное открытие: спутника не было рядом. Еким подумал, что незнакомец всё же ограбил его и скрылся. Потом, зевая, припомнил, что взять у него нечего. Потом подумал, что одному всё-таки лучше, как вдруг услышал голос своего попутчика — тот о чём-то спрашивал хозяина, а чтобы дед мог услышать и понять, чего от него хотят, приходилось говорить громко. Вот почему Еким услышал не только голос незнакомца, но и всё, о чём он просил старика.

— А что, дединыка, — вопрошал незнакомец, — скатерть-то у тебя в доме есть небось?

— Скатерть? — скрипел дед. — Как не быть!.. Ещё старуха...

— А куличик-то святил на скатерти?

— Как не святить!.. Дык нынче дочка приносила... а так оно... всей деревней на скатертях... Ещё старуха моя...

— А продай-ка мне, дединыка, ту скатерть...

— Скатерть-то?.. А тебе на что моя скатерть?

— А уж это, дединыка, моё дело. Твоё дело — мне скатерть продать. А моё — делать с ней что заблагорассудится... Ну так как?

Старик молчал.

— А петушок есть? — снова раздался резкий голос незнакомца.

— Кого тебе ещё? — недовольно проскрипел дед.

— Петух, говорю, имеется?

— Петух?.. Как не быть петуху!..

— Ну так продай мне, дединыка, скатерть пасхальную и петуха.

— Да ты поди хочешь моего петуха на моей же скатерти слопать...

— Так продашь, что ли?

Екиму казалось, что от этого голоса гудит воздух.

Дед снова замолчал. Немного погодя Еким вышел из сарая. Незнакомец с неизменной своей ухмылкой стоял возле ступенек крыльца, поджидая, очевидно, хозяина. Наконец старик показался, держа в руках какую-то ветошь.

— На вот, — сказал старик. — Ещё старуха...

— А петух?..

— Петуха погодь, — и старик снова удалился.

Еким, которому отчего-то не доставляло удовольствия наблюдать за совершаемой сделкой, вернулся в сарай. Вечер уже наступал. Усевшись на тулуп, Еким видел в дверной проём, как небо, ясное прежде, кутается тучами. Где-то, пока ещё далеко, простучал гром, и короткая зарница блеснула как нож, словно чья-то невидимая рука попыталась вспороть невидимое одеяло.

— Хорошо? — услышал Еким рядом с собой голос незнакомца. — Хорошая ночька выдастся. Знаешь ли ты, какая сегодня ночь?.. Рябиновая, Еким, сегодня ночь. И время нам с тобой собираться. Путь у нас неблизкий, а дело непростое.

— Слышь-ка, — к ним ковылял старик, державший в руках тошего петуха с хвостом, более напоминавшим пук полевой травы, нежели петуший хвост, — гроза, я чай, будет... Вот тебе петух...

— А тебе, дединька, денежка...

Еким не видел, что за денежку незнакомец передал старику. Но сумма, должно быть, оказалась чрезмерной, потому что старик, исследовав монеты, видимо, смутился и сказал:

— А ты... за петуха-то?..

— Ступай, дединька, гроза будет, — прогремел в ответ незнакомец.

— Так, может, оно... петух, что ли, мой хорош?..

— Ступай, дединька...

Дед помолчал, пошамкал и, бормоча что-то о золоте и петухах, поковылял к дому.

А незнакомец обратился к Екиму:

— И нам пора.

Екиму стало тоскливо и страшно.

— Куда? — впервые заговорил он с незнакомцем.

В это время гром, как стальной горох, рассыпался где-то рядом.

— Да уж найдётся дельце, Еким, — усмехнулся незнакомец.

— Нет у меня ничего, — потупился Еким, — взять с меня нечего.

— А мне, Еким, ничего и не надо. Это тебе надо.

Еким поднял глаза на незнакомца. А тот продолжал:

— Ты в Москве у папильки триста рублей взял? Чтобы в Руссе товару купить и с прибытком воротиться... А заместо товару приобрёл ты вещь сомнительную да вдобавок от тётки сбёг... Ну так как?.. Продолжать, что ли?..

— А ты при чём? — хмуро спросил Еким, помолчав.

— Я-то? Да как будто и не при чём. А вроде как и при чём. Обещался я. Так что если пообещаешь ты меня слушаться, то вот тебе моё слово, что вернёшь ты папильке и триста рублей, и сверх того... Ну так как?

Пока он говорил, Еким думал, что это, должно быть, необычный человек, если всё знает. К тому же было очень интересно, что ещё может произойти, ведь Еким был в том возрасте, когда опасность не

просто не пугает и не сдерживает, но, скорее, подталкивает к совершению поступков ненужных и бессмысленных. Еким наблюдал, как незнакомец усадил затем петуха в мешок из сарая, как отправил туда же ветошь, которую старик называл скатертью, как, наконец, сломал длинный рябиновый прут. И все эти приготовления казались Еким странными и страшными. Но когда незнакомец спросил его: «Ну так как? Идём, что ли?», Еким отвечал: «Идём», и они вышли со двора.

В это самое время гром ударил уже над их головами. Казалось, кто-то бил палкой по пустому ведру. Еким вздрогнул и втянул голову в плечи, а незнакомец, не обращая никакого внимания на небесную колотушку, свернул с дороги и зашагал в сторону леса, недружелюбно черневшего впереди. Блуждавшие где-то зарницы подобрались ближе, и молния вдруг ударила перед путниками, точно намереваясь преградить им дорогу. Еким снова вздрогнул, незнакомец как ни в чём не бывало продолжал путь.

Но по-настоящему Еким испугался, только когда они вошли в лес. Всё живое спряталось от грозы. И лес, угрюмый, затаившийся, встретил их молча. Лишь наверху слышался тревожный шум, словно деревья перешёптывались и не то жаловались, не то предупреждали о чём-то. Вдруг шёпот стал тревожнее, гулче, как будто и самый лес наполнился страхом. А следом Еким ощутил на лице влагу — начался дождь.

Но ничто не могло остановить их. Он всё шли и шли, пока наконец не оказались в таком глухом месте, откуда, казалось бы, невозможно было и выбраться. Деревья здесь были так высоки и разлаписты, что совсем закрывали небо, даже дождь почти не ощущался здесь. То и дело грохотал гром, а молнии освещали им путь. Свет же их был так ярк, что слепил глаза даже под смежёнными веками.

Неохватные стволы, верхушки которых можно было увидеть, только задрав головы, валежник и ковёр кочедыжника — таково было место, где спутник Екима остановился, положил свой мешок на землю и сам уселся рядом.

— Видишь? — глухо спросил он Екима.

Еким не сразу понял, но вдруг среди листов кочедыжника заметил огонёк. Потом ещё один и ещё. Огоньков становилось всё больше — красные, белые, синие огоньки.

— Ночь сегодня особенная — рябиновая, — пояснил спутник Екима. — Ты иди, иди... положи под цветок скатерть и жди. А упадёт цветок — торопись, заворачивай...

С этими словами он сунул в руки Екиму ветхую скатерть, которую они купили у старика. Ничего не понимающий, не на шутку струсивший Еким взял скатерть, но от страха никак не мог сообразить, о чём говорит ему незнакомец и что же следует теперь делать.

— Да, главное — чуть не забыл!.. На-ка вот, возьми рябиновый прут и, как встанешь, обрисуй им круг, да так, чтобы сам в круге был. Понял ли? Чтобы в круге стоял... Ну давай, — и он слегка подтолкнул Екима, — давай, не бойсь. Меня послушаешь — не пропадёшь... Давай... торопись — полночь близка.

Еким ни жив ни мёртв пошёл на огоньки. К этому времени разыгралась настоящая буря — ветер выл, слепили молнии, дождь уже не жалобно шелестел, но шипел злобно в ветвях, в ударах грома слышался Екиму хохот. И вот уже явственнее хохот, кто-то кричит

и словно бьёт по земле хлыстом. А цветки светятся как свечки, всё ярче их пламя, всё шире свет от него. Всё громче и отчётливее шум вокруг Екима. Поднял Еким глаза и обмер: Бог мой, что за чудиша! Тянут кто языки, кто руки с когтями, гогочут, свистят, шипят, бьют по земле хвостами. Даже не думал Еким, что бывает так страшно. А где же попутчик? То ли сожрали его, а может... Может, бросил он тут Екима? Нет, не разбойникам отдал — хуже. Продал нечистой силе, и не выйти живым теперь из рябинового круга. И только подумал об этом Еким, как потеснилась вся компания, и выплыл навстречу сгусток тьмы, бесформенный и колышущийся. И понял отчего-то Еким, что это Смерть перед ним. Но тут раскрылся белый, не больше одуванчика, цветок, сорвался со стебля и упал на скатерть. Бросился Еким его заворачивать, и... раздался крик петуха. Разом исчезло наваждение: и Смерть, и чудиша — всё пропало. От расцветших цветов стало светло. И Еким увидел, что попутчик его сидит всё там же, где и сидел, и сжимает в руках старикова петуха. И вновь, силясь вырваться, прокричал стиснутый петух. И в третий раз.

Дождь поутих, гроза отправилась дальше — гром стучал уже в стороне. Обессиленный, опустился Еким на мокрую землю, прижимая к себе скатерть с дорого доставшимся и непонятым сокровищем.

— Что, Еким, — подошёл к нему со всегдашней своей усмешкой попутчик, — ты хотел потрудиться, папинеке прибыток явить — так вставай, мы ещё только полдела сделали... Этих не бо-ойсь! Теперь не тронут! Да цветок-от держи — не ровён час выронишь...

И они снова — впереди незнакомец с петухом в мешке, следом Еким с завязанной узлом скатертью, из которой огоньком светился цветок, тронулись в путь. И снова продирались сквозь лес, ставший после дождя парким и душным, снова ломали тьму и заросли, спотыкались о корни и пни, пока наконец не оказались у подножия холма, на который невозможно было вскарабкаться, не разодрав лицо и одежду о колючий кустарник. Здесь вдруг попутчик Екима остановился.

— Доставай, — сказал он. — Доставай цветок.

Еким достал из узла светящийся белый цветок, а незнакомец, приладив его к картузу Екима, шагнул к холму и потянул за собой Екима. И как только приступил Еким к колючим, разросшимся по холму кустам, как случилось ещё более невероятное, чем то, что видел Еким в полночь. Холм, словно вышитые петухами занавески на кухне, раздвинулся на две стороны, и перед Екимом открылась камора, где стояли котлы, короба, большие и малые корзины. И отовсюду смотрели на Екима монеты и яркие разноцветные камни.

— Что смотришь? — ухмылялся незнакомец. — Бери!.. Что унесёшь — всё твоё. Вот тебе и прибыток...

Еким, не веривший глазам, вошёл в сокровищницу.

— А ты? — обернулся он к своему спутнику, не проявлявшему интереса к драгоценному блеску и остававшемуся как бы снаружи холма.

— Бери!.. Мне золото уже ни к чему.

Всё сверкало вокруг Екима. Но взгляд его упал лишь на кольцо с ярко-красным камушком. Еким поколебался и взял из котла, наполненного множеством бесценных вещей, одно только это кольцо. Он мог бы взять с собой корзинку с золотом, но вместо этого Еким

стянул с головы картуз и насыпал в него монет, после чего поспешил прочь, чувствуя себя неудобно в этой странной каморе. Но не успел он выйти, как холм вдруг зашевелился, закричал по-стариковски, и две его половины стали медленно, но неуклонно съезжаться. Екиму пришлось поторопиться, чтобы не остаться навеки внутри холма подле корзин с золотом.

И словно бы ничего не было: в утренних сумерках Еким видел, что соединились как ни в чём не бывало разорванные было кусты, как дуб, разделившийся на две доли, сошёлся в единое целое. И ничто, кроме золота в картузе и кольца на пальце, не напоминало о несметном богатстве, заключённом внутри заросшего лесного холма.

— Цветок!.. Цветок где?.. — воскликнул незнакомец.

Еким помнил, что цветок был на картузе. Они стали осматривать и ощупывать картуз, но цветок исчез.

— Обронил, должно... — виновато бормотал Еким. — Там, верно... когда золото ссыпал...

— Эх ты, башка из табачного горшка!.. золото он ссыпал, — весело сказал незнакомец. — А впрочем, с тебя и того довольно будет. Пойдём уж — дединьке петуха надо вернуть. Да и тебе восвосяи пора — будет шататься-то.

— Ты же петуха купил, — сказал зачем-то Еким.

— А на что он мне? Он свою службу сослужил, — и незнакомец легонько потряс мешком, откуда донеслось недовольное квохтанье. — И деньги мне ни к чему, и петухи с курами... А дединьке недолго радоваться — пусть его...

И в третий раз за ночь отправились они в путь. Уже совсем рассвело, когда подошли они к старикову двору. Отпущенный петух немедленно провозгласил новый день. А Еким, не в силах даже вспомнить того, что произошло с ним ночью, упал на зловонный тулуп, показавшийся ему в тот миг шёлковой периной.

* * *

Когда Еким проснулся, день уже близился к своему закату. Незнакомец, очень довольный, где-то раздобыл уздечку и поджидал, когда проснётся Еким.

— Ну, теперь у нас одна печаль, — говорил он Еким, — домой тебя спроводить. С таким грузом ты далеко не уйдёшь! — и он кивал на картуз.

Только сейчас Еким понял, что золото в самом деле может оказаться плохим попугачиком. Во всяком случае, до Москвы с картузом, наполненным золотыми монетами, он вряд ли дойдёт. И Еким начал подумывать, что оставит себе несколько монет и, пожалуй, кольцо с красным камушком. Остальное же отдаст незнакомцу — в конце концов, если бы не он, и денег-то не было бы. А значит, такой делёж вполне справедлив.

— Да не возьму я твоих денег! — ответил на мысли Екима незнакомец. — Сказал же: без надобности. А запонадобятся — без тебя обойдусь. Ишь, благодетель выискался... Я же тебе говорил, Еким: станешь меня слушаться — бояться нечего... Скатерть ты, пожалуй, себе оставь — для памяти. Золото в неё пересыпь — надёжней... Дальше ты верхом поедешь. Уразумел? В общем, знай — узел держи.

— Как это — верхом? — не понял Еким. — На ком это?

— Не на мне — это уж будь любезен... — хмыкнул по своему обыкновению незнакомец. — Достанем тебе сегодня коня вороного — нет ничего проще. Сейчас, Еким, такие ночи, что всё можно... Ну... ну или... много. Только ты меня слушай...

Сумерки медленно наполнили, где-то по кустам соловей зашёлкал. Ночь обещала быть ясной, месяц светил приветливо. И вспоминая вчерашнюю ночь, Еким думал, что всё это, должно быть, ему приснилось. Но узел с золотом не позволял сомневаться.

Они распрошались со стариком и, сопровождаемые его кряхтением, вышли со двора. Но повернули не направо, чтобы пройти деревню, а налево — в ту сторону, где встретились недавно у камня. Не успел Еким отметить про себя эту странность, как незнакомец, не глядя на Екима, ответил ему:

— Где встретились, Еким, там и спрашиваемся.

И больше за всю дорогу не сказал ни слова. Вскоре уже показалась росстань. А вот и похожий на кабанью голову камень, на котором поджидал Екима его теперешний спутник. И опять на камне сидит кто-то. А Еким со спутником всё ближе, и вот уже видно, что сидит на камне простоволосая старуха в каком-то чёрном балахоне. И странно Екиму, что шли они, оказывается, именно к этой старухе, потому что его попутчик подошёл к ней и самым учтивым образом с ней раскланялся:

— Здравствуй, бабинька. Здравствуй, красавица.

— Здравствуй, голубок, здравствуй, коль не шутишь. — Тебя к нам зачем занесло? Чего хочешь? Кого к тебе звать: лесных, полевых, рижных, овиных, домовых, баенных, водяных, болотных? Или свои какие есть на примете? А может, с собой привёл? — и она засмеялась икающим смехом. — А может, и впрямь красавицу хочешь? — продолжала старуха. — Говори, любую сюда доставлю: белую, чёрную, сиястую, ногастую, стыдливую, распутную...

— Зачем, бабинька? — перебил её незнакомец. — Зачем, когда ты есть...

Старуха довольно засмеялась.

— Сгожусь, сгожусь и по этой части, ежели не побрезгуешь.

— И не то что побрезгую — за честь почту... Только вот дельце сначала...

— Говори!

— А мне бы, бабинька, кобылку достать, не то — конька... В Москву съездить...

— Кобылку, говоришь? — заикала старуха. — Будет тебе кобылка...

Она что-то бросила на дорогу, и том месте вдруг оказался конь — чёрный, тонконогий. Еким ахнул.

— Ну? Как тебе кобылка?

— А это мы поглядим, — ответил попутчик Екима и накинул на коня ту самую уздечку, что принёс с собой из деревни. И тотчас вместо коня оказалась лягушка, а уздечка упала на дорогу.

Старуха захохотала.

— Плоха твоя кобылка, бабинька, — сказал попутчик, — далеко на ней не уедешь.

— Какой ж тебе надобно? — усмехнулась старуха.

— А вот какой, — с этими словами он набросил уздечку на голову

старухи, и вместо старухи перед ними встала чёрная коза. Камень обернулся кабаном и с визгом завертелся на месте.

— Вот так лошадка, — сказал незнакомец, держа под уздцы козу и разглядывая её со всех сторон. — Ай да бабинька...

Коза меж тем бляела, била копытцем и смотрела на них лукавым жёлтым глазом.

— А впрочем... Ты, Еким, я чай, не гусар... Чего тебе коза?.. Садись и помни: ни за какие посулы узды с неё не снимай, не то поквитается, старая ведьма. А как сойдешь с неё, скажи только: «Аминь, аминь, рассыпья!» Она и сгинет.

Еким взгромоздился на козу, одной рукой прижимая к себе узел, другой — уцепившись за уздечку.

— Ну давай, Еким, прощаться, — сказал незнакомец, кладя на плечо Екиму правую руку. — Бывай... Папиньку слушай... Ну и... благодарствуй...

— Что ты! Тебе спасибо! — отвечал Еким. — Озолотил меня.

И что-то опять кольнуло Екима, какое-то странное сходство, что-то такое в этом странном человеке, что Еким подметил сразу, на этом же месте во время их первой встречи. Подметил, но так и не понял.

— Что, бабинька? — наклонившись тем временем к козе и поглаживая её между рожек, проговорил незнакомец с деланной лаской. — В Москву?.. В Москву!..

Коза мотнула головой, как будто желая сбросить с себя руку, встала на дыбы и пустилась карьером.

И вдруг Еким понял. Неизвестно, почему именно в эту последнюю минуту он ухватил мысль, которая раньше ускользала от него: вот сейчас, когда незнакомец гладил козу, Еким точно видел, что на правой руке у него не хватает большого пальца.

— Как тебя звать-то? — крикнул Еким, но коза уже несла во весь опор, и ответ незнакомца не долетел до слуха Екима.

* * *

В тот же день, да притом, кажется, и очень скоро, Еким был в Москве. Как именно они добрались, он не мог потом объяснить. Оказавшись вдруг в Сокольниках, где-то посреди Грабиловки Еким спешился. Нужно было что-то сказать козе, но Еким запомнил и силялся вспомнить. Коза тем временем уставилась на Екима. Он перепугался и забормотал первые пришедшие на ум слова:

— Чур, чур меня... развались...

— Дурак, — сказала коза старухиным голосом, плюнула в Екима и растаяла.

А Еким уже беспокоился, как бы поскорее покинуть место, куда, должно быть, нарочно доставила его коза. Будучи наслышан о встречах местных дачников с обитателями грабиловской чащи, Еким отнюдь не желал столь бесславного конца своим похождениям. Место было глухое, под ногами вилась кем-то вытоптанная тропа. До ближайшего тракта или хотя бы посыпанных песком дачных дорожек предстояло ещё добраться. И Еким снова тронулся в путь. Но не прошёл он и десяти шагов, как остановился — в траве у самой дороги он заметил камень. Обыкновенный серый камень, размером с небольшую сковороду, на которой у Петунниковых пекли блины.

Примечательным казалось то, что камень был плоским. Такие камни, разве что поменьше, во множестве устилают речное дно или морской берег, о котором, к слову сказать, Еким не имел представления, не быв даже и в Петербурге, море же видел только на картинках. Но как попал эдакий голыш в Сокольничий лес, можно только догадываться и строить всевозможные предположения. Да и то при условии, что кому-то придёт охота размышлять о судьбе серого камня. Вот и Еким, подивившись камню, не остановился мысленно на его происхождении, но предался раздумьям совсем иного рода. Подойдя к камню, он присел перед ним на корточках, погладил гладкую тёплую спинку и сказал мечтательно:

— А ведь маменька о тебе давно мечтает... А ты... того... лежишь тут... Да знать бы — давно бы пришли за тобой! Маменька ещё по осени говорила: «Камушек бы гладенький на капусту — в маленькую кадучечку не хватает камушка». Заместо тебя, брат, маменька чугунок с водой ставила... А камушек, говорит, лучше был бы... А ты — вот он где!

Еким с каким-то даже умилением снова погладил камень и сказал: — Ну собирайся, брат — со мной пойдёшь. К маменьке...

Не без труда оторвал он вросший в землю камень, под которым осталась неглубокая ямка, служившая пристанищем целому сонму жуков, червей и каких-то непонятных, но схожих с ними существ. Вся эта гвардия тотчас расползлась и разбежалась, и только полусгнивший осиновый лист одиноко оставался лежать во влажном следе, оставленном камнем.

Отряхнув находку и прижав к себе сухой стороной, Еким подхватил узелок и поспешил вернуться на оставленную тропу. Но не успел он пройти ещё десятка шагов, как случилось то, чего ещё недавно он сам опасался и чему сам же, возможно, и поспособствовал своей чрезвычайной задержкой.

На тропу, непонятно откуда, а по всей видимости, из-под ближайшего разросшегося куста, шагнул некто курбатый, изрядно обросший и оборванный, с поленом в руке. Поленом он, как будто разгоняя комаров, помахал перед самым носом у Екима, после чего сказал отрывисто, точно выстреливая словами:

— А ну... стой! Эй... ты!

Требование было излишним, потому что Еким и так уже остановился, с ужасом глядя на курбатого и замирая в предвкушении неминуемой развязки встречи.

— Что несёшь? — выстрелил курбатый и протянул огромную волосатую ручишу к узелку.

— Вы... того... — пролепетал Еким, пятясь и отводя руку с узелком от тянувшихся к нему растопыренных пальцев. — Я... того... я тут не один. За мной вон... три товарища следом идут.

Но курбатый в ответ захохотал и, поблёскивая маленькими глазками сквозь тёмные, упавшие на лицо пряди давно не стриженных и нечёсаных волос, объявил:

— Ну так и я... не один! Со мной вон... семеро товарищей... по кустам сидят!

И снова захохотал, любуясь испугом и замешательством Екима. Но тут Еким, даже не понимая, что делает, размахнулся маменькиным камушком и метнул его в самую физиономию курбатого. После

чего, прижимая к груди драгоценный свой узелок, понёсся вскачь по лесной тропе туда, где начинались, по его предположению, дачи.

За спиной у себя он слышал стон и ждал, что выскочившие из кустов «семеро товарищей» вот-вот настигнут его и затопчут, так что и следов не останется. Но стоны мало-помалу стихли, а никто так и не настиг Екима. Правда, вместо дач он выскочил к Пятницкому кладбищу, перебежав через которое в считанные минуты оказался на Троицкой дороге. И тут только вздохнул он свободно и даже позволил себе отдых, но не потому, что кончились глухие места. Просто знал он, что уж здесь-то Троицкий игумен нипочём не даст его в обиду.

В самом деле, ничего особенного не произошло больше в тот день с Екимом Петунниковым, и обедал он уже дома. Причём обеденный стол украшала гора золота, а Еким с необычайной для себя бойкостью рассказывал о своих похождениях. Рассказал он и о покупке мертвеца в Старой Руссе, и о походе своём в лес за чудесным цветком, и о каморе с золотом, и о чёрной козе, и даже о сером голыше:

— Я, маменька, — с отчаянием даже говорил Еким, — ещё камушек хотел принести вам в кадушечку. Да разбойники, окаянные, напали, отняли камушек-то!..

Само собой, рассказом о камушке он привёл в совершенное умиление как Фёклу Акинфеевну, так и тех домочадиц, чьи головы были заняты исключительно кадушечками и прочими вещами в том же роде.

Влас же Терентьевич сына выслушал молча и ни перебивать, ни попрекать не стал. Но однако, слушая рассказ Екима, он то и дело мотал головой и тёр себе лоб, из чего можно было заключить, что думал он примерно следующее: «Эко врёт Екишка...» Тем не менее горка золота посреди стола красноречивее всего свидетельствовала в пользу Екима. Эта же горка и примирила Власа Терентьевича с возвращением и рассказнями блудного сына. И только уже перед сном, оставшись один на один с супругой, он позволил себе высказаться в том смысле, что вот же де свезло дураку. А потом прибавил задумчиво:

— Хоть и врёт, не говорит, откуда золото взял — а всё свезло!.. Вот кабы только греха с ним не было — разбойники какие-то... Камушек, говорит, забрали, а золото оставили...

Но Фёкла Акинфеевна только заметила, что «хоть бы и дурак, а шапку золота принёс», и дальнейший разговор поддерживать отказалась. Влас Терентьевич признал, что «оно и правда», золото прибрал и говорить о нём запретил. А если потом и просачивались наружу новости, если спрашивали его о золоте, Влас Терентьевич называл эти разговоры вздором и уверял, что Еким по святым местам ездил.

И ещё кое-что совсем незаметное случилось по возвращении Екима Петунникова в Москву. В Ирининской церкви на каменной фигуре Спасителя, что стоит в нише под аркой и украшается множеством крестиков, образков, и прочих мелких вещиц, приносимых благодарной паствой, появилось золотое колечко с красным камушком. Никто не смог бы сказать, откуда оно появилось. Да никто, наверное, и не заметил его появления.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

МИР ЛОМАЕТСЯ, КАК ДОЖДИК... Стихи

* * *

А мама так и не узнала,
 Что сын любимый стал поэтом!..
 Но не об этом, не об этом
 Я рассказать хотел сначала.

У мамы скоро годовщина,
 И у отца не за горами.
 Отец — на то он и мужчина,
 Что уступает место даме.

Такое мыслей напряженье,
 Наверно, знаете вы сами.
 У мамы скоро день рождения —
 Где облака под парусами!

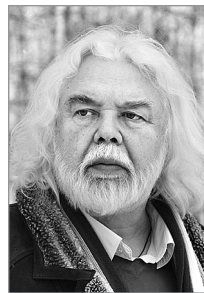
Вдали залаяли собаки.
 Охотники ворвались в рощу!
 Меня звала ты забиякой...
 Быть забиякой было проще!

РУСОФОБАМ

Есть у меня Россия! А у вас
 России нет, вы даже не гадайте.
 Зубами шёлкайте, от зависти рыдайте,
 Пустой башкой ломайте унитаз!

Господь и Богородица — за нас!
 За не предавших и не павших духом.
 Я ж обращаюсь к вашим повитухам:
 — Кто русофобский пропустил балласт?

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском Нытвенского района ныне Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973). Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве — «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/России (1989). Секретарь правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. международных. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

Нас тьмы и тьмы!.. Но это не про вас.
 Про вас дурдом и под замком палаты.
 Ну а Россия выживет, ребята,
 Как выживали с ней мы сотни раз!

СЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Ночь. Изба. Да глиняная печка.
 Дым свалился в шубе из трубы.
 В доме бабушка, козлята да овечка.
 На полатах сушатся грибы.

Я программу школьную листаю,
 А читаю сказы про Илью!
 И других богатырей я знаю...
 Молока топлёного налью

С пенкой из державной русской печки,
 Что пытит как белый пароход.
 У иконок восковые свечки —
 Православный бабушкин приход!

Я не спорю с бабушкой о Боге,
 А хотя вожатая велит...
 Я стою на жизненном пороге —
 Русский подвиг душу тормозит!

* * *

Помидоры набивают
 В валенки и рукава.
 Помидоры дозревают,
 Как зелёные слова!

Дед да бабка проверяют
 Спелость — лезут под кровать.
 Помидоры дозревают
 И краснеют, словно рать!

Что огнём прошла сквозь город —
 Блещут отблески в глазах.
 Дед опять, как прежде, молод,
 Бабка в шлеме-бигудях.

Тоже хочет быть красивой,
 Будоражить деду кровь!
 Снова хочет быть счастливой,
 Вспомнив... как её... любовь...

* * *

Сердце радостно забилося
 В тесной клетке костяной.
 Будто бы освободилось
 Вместе из тюрьмы со мной.

Пульс наполнен. Слава Богу!
 Есть волнение крови.
 Молодцу пора в дорогу,
 Чтоб погибнуть от любви.

* * *

Пуля медленно в гору летит,
 А ракета, подпрыгнув, пропала!
 С Украиной Генштаб говорит,
 И она, закачавшись, упала...

Укр с хохлом под завалом лежат,
 Хоть у нас с ними те же святые.
 Русской воли принять не хотят —
 Оселедцы у них завитые...

Кровь смывается Духом Святым,
 Он уже пострадал за убитых...
 Справедливость сильна в московитах —
 Страх клубится над укротом как дым!

Дым в Европу пополз по земле,
 Убивая живые растенья.
 Потому что он зачат во зле,
 И ему не дожидаться спасенья.

УКРАИНКА

Ты сидишь напротив, недотрога.
 Плавает в черновиках перо...
 Знаю, что таких, как ты, немного.
 Что тебя в Россию привело?

Родины обманутой запреты,
 Суржик олигарха, «вырви глаз»!
 Выдыхаю — Господи, мой Светы,
 Что брожение не коснулось нас!

Нелегка домой твоя дорога
 Мимо президентов и бомжей.
 Недотрога, отдохни немного
 От войны, беды и грабежей.

Верь мне, что наступит день счастливый,
Завтра перебесится страна.
Ты вернёшь душою сиротливой
Золотые русские слова.

* * *

Я вчера в Москве потискал золотую медалистку
И у друга на Арбате нам устроил я ночлег!
Поутру в гремящий поезд прыгнули на остановке,
Лес в окне мелькал да степи и рабочий человек!

В поезде стихи любили так, что строчки забывали,
И они как махаоны парусили над столом.
Так в клубах свободной воли путешествовать умчались,
Пили всё, что попадётся: водку, виски, шнапс и ром!

Кто поборник демократий — уж давно смотался в Польшу.
Пшеки пришлых «уважают», спесью пробивают лоб
И выкачивают разум с каланчи пожарной помпой!
Мы уж за стеной Кавказа прятаться не станем, чтоб

Нас ни в чём не обвиняли, тридцать денег не совали.
Разве мы кого-то звали? Проклянём вас, ё-моё!
Но зато в плакатном классе на гитаре поиграли,
В круге жизни песни пели, и неважно, что старьё...

Мы всё время песни пели, несмотря на убежденья
Полусонных пассажиров, что сидят на багаже!
Потому-то в этой давке не следил произношенье
Здесь в душе нам подпевали даже люди без души.

Видишь, как скучает время! — Ты когда меня обнимешь?
Мир ломается, как дождик, отразившийся в стекле...
Хоть стихов почти не пишешь — мощно Родиною дышишь,
Ловишь за окошком слово после дождичка в четверг!

Но от всей литературы посланы гонцы надежды.
Языком срезая ветки, кто-то слышал про меня?
Не в Пекине, не в Париже, не в Москве, не в Петербурге,
А на бабушкиной печке, где я мчался без коня!

СИВКА-БУРКА

Листики календаря летят за плечи:
— Ату его! — доносится с трибун.
Не потому, что выпал чёт иль нечет —
А потому, что прожил наобум!
Не вписывался ни в какие рамки,
Пугая толстосумов и хапуг,

О, как тебе хотелось на тачанке
 Ворваться с пулемётом в красный круг!
 Повелевать возницей и прицелом,
 Не замечая ничего вокруг,
 Чтоб незаметно так за ратным делом
 Наматывала жизнь за кругом круг!
 Хотя повсюду что-то происходит,
 От плахи отскочила голова.
 И время стрелки на часах разводит
 И сводит, словно в море острова...
 Соседствует юродство и уродство,
 Горбатому не отстегнуть свой горб.
 И у шута с царём такое сходство,
 Что можно положить их в общий гроб!
 Всё зарастёт быльём и трын-травой,
 И кто был кем — уже не угадать!
 Тысячелетие стоит перед тобою
 Его б, как Сивку-Бурку, оседлать!

ПЕЧКА

На печку, как Иван-дурак,
 Забрался и сажу.
 Мне всё не то, мне всё не так!
 Куда ни погляжу.
 Стихи? Как можно их писать,
 Когда есть Кузнецов!
 Он приказал нам жить на ять!
 Вздохнул и был таков...
 Любовь? С рожденья бабы врут,
 Им дай потрогать уд...
 И если уд, как кремь, крут,
 Девицы тут как тут.
 А дружбы ноша тяжела,
 Не всяк её несёт.
 Она меня ждала, ждала,
 Вдруг поняла — не тот!
 Но остаётся Страшный Суд.
 И с неба — Божий знак:
 — А люди-то куда бегут?
 — На Страшный Суд, дурак!

ГЛАДИАТОРЫ ЛЮБВИ

Мы гладиаторы любви,
 Амур наш цезарь-бог.
 Возрос на славе и крови
 Сей лучезарный слог.
 Рви криком воздух, спину рви,
 Ломая коготки...

Любую гадость говори —
 Твои слова сладки!
 Я смог бы акробатом стать
 И акробаткой ты.
 Откуда эта рысья стать
 И тонкие персты?
 Скользит по языку язык,
 Нырря в глубину.
 Ты мой перехватила рык,
 Прижавшись ртом ко рту.
 Пускай кружится голова
 Не только от вина.
 И прорастают сквозь слова —
 Златые письма.

МОЙ ПУТЬ

Как всегда, не поздно и не рано,
 Поезд мой от снега серебрист.
 Тормозит у каждого стакана
 И у каждой рюмки тормозит.

Жаль, что в детстве нету остановки,
 Где в лицо швыряют мишурой...
 Тормозит у каждой шалашовки
 И у каждой тупости людской.

В чём и дело — разве не обидно? —
 Роши голы и пусты поля...
 Машинист, не вляпаться чтоб, видно,
 Катит мимо Думы и Кремля!

Мимо рынка, мимо лавки рыбной,
 Мимо криков продавщиц: «Постой!»
 Скрыл Господь себя под знаком Рыбы
 Не затем, чтоб тушей стать съестной.

Звёзды в небе, словно шестерёнки,
 Зубьями друг дружку зацепив,
 Крутят Ось земную — работёнки
 Я б себе такой не попросил.

Просто всё у нас — колёса, рельсы,
 Закольцован беспросветный путь...
 А во сне пытаются сидельцы
 Страшным храпом время отпугнуть.

Я не сплю, смотрю на непохожих,
 На любых прохожих за окном.
 Мне славянские милее рожи,
 Где ж они? И я, мой друг, о том!

Знать, пока скитался и бродяжил
 И на нарах в КПЗ лежал,
 Князь не тот тогда над нами княжил
 И не те в нас гвозди забивал!

О стекло вагонное расплюшит
 Лики — беспричинная тоска...
 Жизнь, как видишь, ничему не учит —
 Ни поэта и ни босяка.

ЧАША ЛЮБВИ

Я склеил разбитую чашу любви
 Берёзовым клеем.
 И гаркнул тому, кому надо: — Смотри!
 Не зная, умеем
 Глаголы швырять до небесного лба
 И бездны кукожить.
 Знай, ты не богиня мне и не раба
 Из мяса и кожи.
 Я чашу любви о башку разобью,
 Как дзен-каратисты!
 Ты любишь меня? — Я тебя не люблю!
 — Не любит он, ишь ты...
 Прошай, говорливая речка души,
 Чужое сердечко.
 В следах моих ты никого не ищи...
 Сгоришь, как овечка.
 За левым плечом и за правым плечом
 Твой плат, словно пламя.
 Пока я свободен, мне всё нипочём —
 И ты, и другая...

* * *

Хватит пить на халяву коньяк,
 Удить девок на статус поэта.
 А иначе всё дело — табак!
 Не начавшись, закончится лето.

В левом ухе грохочет попса,
 В правом ухе — пасхальная служба.
 Пулю сшибла пчела у виска —
 Прошевай, ненадёжная дружба!

Но покуда не хлынет с высот
 Свет — всё будет мышинового цвета.
 Я не знаю, кто к власти придёт,
 Но он станет мишенью поэта.

Пьяный в стельку лежит Тохтамыш.
Увезли в вырезвитель Мамаю.
Ермака не пускает Иртыш,
Ведь кольчужка на нём золотая.

Проглотил наши гроши дефолт,
А орда проглотила столицу.
Я не пью, ты не пьёшь, он не пьёт...
Отчего ж меркнут русские лица?

И уже нет меж нами иных...
В клочья порван классический парус...
Только Пушкин живее живых,
А не Ленин, не Троцкий, не Парвус.

Александр АБДУЛАЕВ

МОЙ РЫЖИК. Рассказ

— Вставай, соня, хватит дрыхнуть! — меня настойчиво трясёт за плечо жена Тома. Я отмахиваюсь как от назойливой мухи, стараюсь оттолкнуть её руку.

— Ты вчера во сколько домой пришёл? — уже в ухо почти кричит жена.

И чтобы ей ответить, я поворачиваюсь неохотно на спину, протираю глаза и смотрю на нависшие надо мной большие мягкие и сладко пахнувшие груди — сероватого цвета ареолы с гладкими небольшими сосками. Они выпали у неё из лёгкого халата. Мне показалось, что они снились мне ночью. Сглатываю набившиеся во рту слюни, облизываю сухие губы и протягиваю руки с почти счастливой улыбкой на лице к сладким самаркандским дыням.

— Ну вот ещё что придумал, трогать меня! Руки быстро убрал и встал на счёт три! Время для тебя пошло.

Когда моя жена разгневана, она превращается в злую фурию, и спорить с ней в это время бесполезно, она, как ураган, может снести не только меня, но всю нашу мебель в квартире. Деваться некуда, шансов повалиться в выходной не было, и я скидываю одеяло с себя и потягиваюсь всем телом так, что хрустнуло в позвоночнике.

— Ты мне, сокол ясный, так и не ответил, во сколько ты явился домой! — всё настойчивее допытывается до меня Тома. Её голос звучит твёрдо. Она отошла от дивана и стоит посередине комнаты, упёрлась руками в бока. Она вся ладная, линии тела мягко перетекают с плеч на талию и дальше на бёдра. Каштановые волосы слегка выют на голове и стелются мягко на плечи. Глаза сегодня гневные, извергают молнии, а так обычно — озёрной синевы. Яркий свет падает из окна прямо ей на голову, и они переливаются медным цветом.

— Да, я — нехороший человек, мой Рыжик! — честно сознаюсь ей в этом. — Постараюсь исправиться.

Рыжиком я называю жену, когда она нервничает, и, чтобы притушить огнедышащий вулкан в её душе, почти с трепетом произношу.

— Ты же знаешь, как я тебя люблю! — говорю почти фистулой, и даже не узнаю свой голос.

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан). Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве) — «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2014). Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Тома хмыкает, в глазах пробегают искорки, уголки красивых губ поднимаются вверх. Это значит, что я почти прощён.

— А где Ванька? — спрашиваю, так как не слышу утренней беготни нашего сына по комнатам, ему семь лет, — шустрый не по годам паренёк.

— Бабушка приходила и забрала на весь день его к себе. Она и шанег напекла. Давай вставай, будем завтракать. Считай, что ты прощён, но это в последний раз. Понял?!

Молча киваю головой и делаю виноватое лицо. Я не так часто выпиваю, моё позднее возвращение домой жене явно не нравится, и она хмуро сводит брови-луки.

Вчера ближе к вечеру, когда солнце закатилось и уже стало смеркаться, я почти столкнулся со своим старым корешем Виталькой Онучкиным возле дома культуры. Он шёл навстречу мне, наклонив голову, размашисто шагая длинными ногами, немного сутулясь из-за высокого роста — это была его старая привычка. На нём надет модный летний пиджак и светлые брюки. Мягкие волосы на голове немного растрёпаны и закрывают большой лоб. Увидев меня, он остановился, откинул волосы со лба, стал всматриваться в лицо, потом подошёл ближе и протянул грабастые руки, сильно притянул к себе, похлопал по спине, так что у меня отдалось в груди. Виталька отодвинул меня от себя, стал смотреть прямо в глаза.

— Артур, старина, как я рад тебя видеть! А ты всё такой же, хотя мы с тобой не виделись, наверное, уже сто лет.

На его лице блестела неподдельная улыбка во весь рот.

— У тебя время есть? — быстро спросил он меня, словно опасаясь, что я могу отказаться от его предложения.

Я согнул руку в локте, посмотрел на ручные часы, — нужно было идти домой.

— Ладно, старик, на часы смотреть! Пошли, посидим часок-другой в кафешке, немного выпьем, вспомним нашу беззаботную, удалую молодость. Помнишь, как в пионерском лагере жгли ночью костёр и чуть лес не спалили? — он громко рассмеялся, откинул голову назад.

Мы с ним после восьмого класса поехали летом отдыхать во вторую смену в лагерь «Топтыжка». Он находился в сосновом лесу недалеко от города, рядом с ним протекала светлая мелководная речка с песчаным пляжем, заросшая по пологим берегам кустарником. Вода летом хорошо прогревалась, и купаться было просто одно удовольствие. Отряд приходил сразу после завтрака. На берегу все раздевались, вожатая Ирина считала нас по головам, и мы бежали по мелкой воде, пока не находили место, где поглубже. Я набирал полную грудь воздуха, нырял и открывал глаза в чистой воде, смотрел на песчаное дно, на мелких серебристых рыбок, стайкой промелькнувших рядом. Отталкивался от дна ногами, когда уже сдавливало грудь.

Виталька, рослый, широкогрудый парень с пушком над верхней губой, выглядел старше своих лет. И там, в пионерлагере, на него положила глаз Ира, практикантка из педучилища, невысокого роста, остроносая и постоянно улыбающаяся, словно ей кто-то нарисовал улыбку на лице.

Она сразу выделила Виталика из нашего старшего отряда и вечерами приглашала к себе в комнату попить чай с сушками и помочь составить план работы. Так случилось, что Виталька, однажды не

выдержав физиологического влечения, отдался практикантке, потерял свою девственность, и об этом не жалел. Он пришёл под утро, когда только стало светлеть небо и сквозь сосны просматривались тонкие облака. Лицо немного опухшее, верхняя губа вывернута, видимо — от жарких поцелуев. На шее пониже скулы краснел засос Иринкиных жарких губ, он выглядел как знак качества. Я не спал в тревоге всю ночь, поджидая возле окна своего друга, всё порываясь сбегать к Иринуному домику. И как только он появился, мы сразу прошли в умывальную комнату, где он поведал тайну своей инициации. Я сидел на подоконнике, положив голову на колени, и внимал каждому Виталькиному слову. Когда он подошёл к кульминации рассказа, я стал ревновать Ирину всеми фибрами своей души. Виталька, увидев моё грустное настроение, по-дружески похлопал меня по плечу:

— Ладно, Артур. Рано или поздно все проходят через это... Да не делай трагедии, Ирина клёвая девушка.

— Ты женишься на ней? — спросил я потухшим голосом, и мне показалось, что мои глаза затягиваются слезливой пеленой.

— Конечно, как и полагается джентльмену, мне нужно её вести под венец, но, мой друг, я оставляю эту приятную процедуру и буду готов, когда подрасту. Впрочем, и она ещё не жаждет вступить в этот священный союз, — он хмыкнул, подошёл к крану, наклонился и стал губами ловить струйку прохладной воды. Потом вытер рот ладошкой, пригладил взлохмаченные волосы. — Ты иди, мне хочется побыть одному.

Когда наша смена заканчивалась, по традиции вечером готовились разжечь большой костёр на лесной поляне. Толстые ветки были уложены конусом вверх, а внизу торчали куски бересты. Мы стояли поодаль, ожидая старшего вожатого Аскольда Павловича, он немного задерживался. Звёзды ярко сияли на тёмном небесном провале, было тихо, только слышалось, как в недалёком лесу невидимая птица испуганно вскрикивает. Наконец он появился из темноты. Стоял торжественно в белой рубашке с коротким рукавом и повязанным на шее красным галстуком. Его худошавое и волевое лицо с тяжёлым подбородком и вся фигура напоминали римского императора. В глубоких зеленоватых глазах отражалось пламя факела. Директриса лагеря Ксения Филаретовна — женщина сухая, костистая, с седой копной волос на голове и сероватым лицом, отрывисто скомандовала:

— Зажечь костёр!

Аскольд Павлович поднял голову к звёздам, громко отчеканил:

— Есть зажечь костёр!

Держа торжественно факел на вытянутой руке, подошёл ближе к костру и сунул его в сухие ветки.

Мы радостно захлопали в ладошки.

Костёр сначала робко разгорался, потом языки пламени стали подниматься вверх. Ветки пылали, снопы искр, подхваченные горячим воздухом, взмывали в небо, и оттуда сыпался на наши головы сероватый мягкий пепел. Сначала мы ходили вокруг костра, взявшись за руки, и пели песню:

*Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры — дети рабочих!*

*Близится эра светлых годов
Клич пионеров: «Всегда будь готов!»*

На баяне нам играл Лев Петрович с грустными цыганскими глазами и большой лысиной на крупной голове. Инструмент держал на правой ноге. Баянист раскачивался почему-то вперёд-назад, норовя упасть со стула. Возможно, он находился в облачности своих экзистенциальных воспоминаний.

Потом нам эти детские забавы надоели, и, когда воспитатели куда-то ушли, мы с Виталькой и ещё с одним пареньком из нашего отряда взяли горевшие сухие ветки из пылающего костра, стали бегать по лесу, крича, словно мы североамериканские индейцы племени апачи. Нашего друга звали Стриж, сокращённо от фамилии Стрижов. У него был почти абсолютный музыкальный слух — после отбоя он играл на гитаре песни Высоцкого, мучительно хрипел, подражая его голосу. Лицо друга было щедро обсыпано веснушками, они были даже на носу.

Виталька, наш признанный лидер, бежал впереди. Он обернулся, чтобы окликнуть, но споткнулся о корень ели, пробороздил носом землю, ветка выпала из руки. Сухая хвоя быстро загорелась, и огонь пополз по низу леса. Все сбежались, испуганно взмахивая руками. Мы с Виталькой первыми бросились тушить ногами огонь, другие вместе с вожатыми ветками прибивали его к земле, а баянист Лев Петрович торопливо нёс в руках два ведра с водой. Тушили до самого утра. Так мы, чумазые, с волдырями на ногах, пришли в спальный корпус и, даже не умывшись, крепко уснули.

У Стрижова жизнь не очень удалась. Он окончил музыкальное училище, оттянул армейскую лямку в ансамбле песни и пляски где-то в Сибири, после дембеля преподавал музыку детям. Когда в стране началась ломка социалистического строя, он не получал месяцами заработную плату, стал выпивать дешёвую водку в грязном подвальчике возле своего дома. Там собирались в основном люмпены и бомжи. А когда в Москве из танка стали стрелять снарядами по Белому дому, душа у него совсем надломилась, и он подумал, что пришёл конец света. Вся его тонкая музыкальная сущность противилась происходящему развалу в стране, и он, протестуя, стал по ночам поджигать мусорные баки во дворах своего микрорайона. Несколько дней у него получалось пустить огонь и со стороны наблюдать на всю суету пожарных, но потом всё же его изловили и отправили в психдиспансер на лечение.

Я поступил в шарагу сразу после десятого. В институт не пошёл, хотя мать договорилась со старой приятельницей о моём приёме, та работала преподавателем. Но я ни в какую:

— Не пойду поступать по блату, пойду лучше в шарагу получать рабочую специальность.

Мать сразу в слёзы, давай причитать:

— Для чего тебя растила, чтобы ты землю на стройке кидал?!

Я хладнокровно выслушал и привёл почти железный довод, что и землю кидать тоже нужен ум и сноровка, и без этого не обойтись.

— Делай как хочешь! Видимо, ты уже стал совсем взрослым, — раздосадованно, с горечью в голосе высказала мне она и ушла в свою комнату, отгородившись от меня молчанием на два дня. Утром

готовила завтрак и уходила на работу, не проронив ни слова. Меня это действительно мучило и я, не поев гречневой каши, брал учебники и уходил в шарагу постигать законы хаотичного движения электронов.

— Пойдём, только на часик, а иначе мне дома... — я показал рукой на горло.

— Понял, понял... — усмехнулся он, смахнул рукой нависшие волосы на слегка выпученные карие глаза.

Мы развернулись и пошагали почти в ногу в сторону кафе, через полчаса быстрого хода были уже там. Засиделись и выпили чуток лишнего. А так всё хорошо начиналось и не предвещало ничего экстраординарного.

В кафе мы заняли столик возле окна и, пока ждали заказ, от нечего делать равнодушно созерцали деревья парка, примыкавшего почти к питейному заведению. Раньше кафе называлось «Островок», там обычно назначали встречи влюблённые, и спиртного там не продавали. Но началась перестройка, стали открываться первые кооперативы, и «Островок» со временем превратился в забегаловку, где можно было выпить водки или разливного красного вина с нехитрой закуской в виде винегрета или салата из квашеной капусты. По вечерам там крутили по видеомангитофону зарубежные фильмы, и народу было полно. Всем запомнилась «Греческая смоковница». Для нас это было открытие, фильм не порно, но близко к этой теме.

Держал эту забегаловку наш знакомый Пашка Кокин, его ещё в школе прозвали Паханом за твёрдый характер, крепкие, большие кулаки и дедуктивный ум. Он иногда в туалете разбирался со своими недругами. Когда началась перестройка и разрешили открывать частный бизнес, Пашка, быстро сообразив, собрал деньги с родственников, взял в банке безвозвратный кредит, купил по дешёвке кафе, и дела пошли. Он раскрутился, налогов в то время никто не платил, и всю прибыль оставлял себе. Пригнал из Германии подержанный, серебристого цвета «мерседес», стал носить красный пиджак на вырост, на пальцах засверкали золотые печатки, дружбу завёл с блатными, платил им десятину с выручки и его никто не трогал.

Тогда народу стали выдавать по одному ваучеру: так национальное богатство поделили на всех, и один лукавый рыжеватый кремлёвский чиновник с нерусской фамилией по телевизору обещал, что на него можно купить две машины «Волга». Красная цена тому ваучеру была десять тысяч рублей. Его можно было продать за пару бутылок дефицитной водки. Пашка Кокин стал скупать их. Потом вложился в сомнительный бизнес «шахер-махер» и прогорел. Только кафе «Островок» приносило небольшой доход.

Каждое воскресенье на небольшой сцене в самом углу появлялась белокурая стройная девушка в чёрной маске и в нижнем белье. Её гибкое гимнастическое тело вращалось возле металлического шеста, она поднимала высоко стройные ноги и руками держалась за него, потом мягко съезжала на пол в шпагате. Были и другие пируэты. Изрядно подвыпившие мужчины подходили ближе к сцене и, наклонившись вперёд телом, тянулись к ней рукой с зажатой купюрой, засовывали под резинку узких трусиков. В последний момент свет в зале притухал, и на девушке пистолетным выстрелом слетал лифчик на пол, она стыдливо прикрывала небольшую грудь и исчезала в дверях.

В зале раздавались аплодисменты, и кричали на бис. Пахан как-то пооткровенничал и назвал мне имя девушки-стриптизёрши. Для меня это было громом в ясную погоду. Когда это услышал, лицо окаменело, и мне показалось — я перестал дышать. Прозвучало имя Ленки Моргуновой, первой школьной красавицы. Ей прочили блестящую карьеру артистки, она обладала дивной природной красотой. Небольшая голова, обсыпанная светлыми волосами, чёрные пронзительные глаза в обрамлении длинных ресниц. Она с первого класса ходила на занятия в гимнастическую секцию и в десятом уже была мастером спорта. В девятом классе весной со мной случился любовный приступ к Ленке, и я сгорал от невиданного доселе чувства. Ходил как чумной в школу, знания не хотели укладываться в моей голове, стал приносить в дневнике двойки. Мать по своим каналам узнала о моих сердечных страданиях, и дома состоялся разговор при включённом свете, чтобы уберечь меня от любовной печали.

— Артур! — начала она серьёзным тоном. — Хочу с тобой поговорить, потому что это касается не только тебя, но и меня. Сядь, пожалуйста, в кресло. Ты уже взрослый человек и должен воспринимать объективность такую, какая она есть — без всяких иллюзий.

Послушно сажусь, подгибаю ноги. На коленях вытертые до белизны джинсы фирмы «Левис», костюм привёз из Неаполя дядя Игорь, материн брат, он плавал механиком на торговом судне и побывал во многих портах мира. Наверное, вся школа сбежалась на большой перемене оценить мой джинсовый костюм, это была настоящая американская фирма. Я ходил по школе именинником, и моя физиономия блестела, словно её натёрли жиром. И когда он приходил к нам, приносил целый пакет апельсинов, вытаскивал из бокового кармана модного пиджака небольшую плоскую бутылку, раскупоривал и наливал себе в стакан кубинского рома. Я делал ему бутерброды со шпротами и сидел рядом с открытым ртом и слушал его рассказы. Приходила мать с работы, и дядя Игорь прятал остатки рома обратно в карман, пожимал недоумённо крутыми плечами.

— Ты мне парня не спой, — полушутливо говорила она, убирая остатки его пиршества со стола.

— Да он у тебя почти взрослый, — дядя Игорь с виноватой улыбкой глядит на меня.

Я сижу в кресле и смотрю на мать, на её усталые коричневые глаза, тонкие брови и под глазами появившиеся морщины. Она любит меня, хотя редко показывает это, а мне не хватало её заботы и внимания. Она поджала губы, немного подалась вперёд и ровным без вибрации голосом стала говорить:

— Тебе осталось учиться в школе один год, а дальше уже начнётся самостоятельная жизнь, без подсказок взрослых.

Я пока не понимал, о чём она разговор затеает, но на всякий случай покорно согласился. В голове ничего стоящего не было, и я пока не мог развить свою защиту. В школе всё шло нормально, я был сильным и твёрдым троечником, с поведением тоже всё гладко.

Мать сидела скрестив ноги, они у неё красивые, тонкие шиколотки, в меру развитые голени. После развода с моим отцом, а это произошло пять лет назад, она ни с кем любовных отношений не заводила. По крайней мере, так мне казалось. Правда, однажды она

пришла после работы с незнакомым высоким и плотным мужчиной с серой лохматой шевелюрой и острым крючковатым носом. От него пахло резко мужским парфюмом. В руке он держал кожаный коричневый портфель, который поставил возле самой двери. Туфли, обданные серою пылью, аккуратно примостил рядом. В облике мужчины проглядывалось что-то хищное: профиль ястреба-тетеревиатника.

— Да вы проходите, Сидор Викентьевич, в кухню, — вежливо пригласила его мать, а сама зашла в ванну помыть руки.

Этот Сидор Викентьевич зашёл в нашу небольшую кухню в шесть квадратов и, словно шкаф, загородил окно. Он, видимо, чувствовал себя как слон в посудной лавке.

Мать суетливо зашла в кухню, взяла чайник и собралась налить воды из-под крана.

— Присаживайтесь, Сидор Викентьевич, сейчас будем чай пить с вареньем. Я совсем недавно сварила — вишнёвое. Вы его любите? — поинтересовалась мать, открывая старенький холодильник, который нервно и шумно тарахтел компрессором.

Мужчина вяло пожал покатыми плечами, склонив голову набок:

— Даже и не знаю. Доставайте, попробую вашего варенья, хотя я не любитель сладкого. Может, немного выпьем? У меня в портфеле бутылка коньяка есть: хороший армянский — пять звёздочек. — Он посмотрел на мать исподлобья.

Мать натянуто улыбнулась, покачала головой, потом вышла в дверной проём, спросила меня:

— А ты будешь с нами чаёвничать?

— Нет, — сердито буркнул я и тихо стал ревновать свою мать к мужчине. Он мне сразу не понравился: у него были сырые большие губы.

Когда Сидор Викентьевич стоял уже одетый в полутёмной прихожей, они вполголоса с матерью разговаривали. Я подошёл на цыпочках ближе и стал прислушиваться, прикрыв глаза, так, говорят, слух усиливается.

Мать почти шёпотом говорила:

— Ну, не нужно этого, Сидор Викентьевич! Сын может зайти, и получится неудобно. — Послышалось шарканье ног. — Отпустите же... Я решил помочь матери и судорожно стал кашлять.

Вскоре наружная дверь хлопнула, выпускающая мужчину. Больше я его не видел. Видимо, он приходил свататься к матери.

— Я просто хочу тебя предостеречь от всяких глупых ошибок, они порой происходят в молодости.

— Какие это ошибки? — не понял я и почему-то облился краснотой. Лицо и уши горели. Мне стало жарко, и я непроизвольно провёл рукой по щекам.

— Может, тебе воды принести? — поинтересовалась мать. Она сидела с прямой спиной и непроницаемым лицом. — Хочу спросить о твоих отношениях с Леной Моргуновой.

— Да никаких нет! Проводил её пару раз после школы до дома, и на этом всё, — выпалил я, всё ещё не понимая, к чему мать клонит разговор.

— Понимаешь, сын, в жизни можно сделать неудачный выбор, и потом всё покатится не в ту сторону. Я говорю сейчас о Лене,

она не подходит для выстраивания любовных отношений. Да, любовных, — утвердилась в своей правоте мать и посмотрела на меня острыми глазами, в которых стояла немая грусть. — Я не ошибаюсь и могу привести примеры, когда первая влюблённость заводит молодых людей в глухие тупики. Она красивая девушка, но красота порой бывает обманчива. Мне говорили, что она водит дружбу уже со взрослыми мужчинами. Её поздно вечером подвозит какой-то дядечка.

— Это всё глупости, мама! — почти со стоном выпалил. — Нам всего по шестнадцать лет. И какие у Лены могут быть мужчины? Я ничего не понимаю! — твёрдо сказал и отвернулся к окну, насулив брови.

Наступала летняя ночь. В распахнутое окно были видны слабые звёздочки на небе, и луна желтоватого цвета одним боком заглядывала к нам в комнату.

— Уже поздно и пора спать, тебе завтра на работу, — сказал, чтобы как-то прервать затянувшийся разговор по душам, встал с кресла и, опустив голову, пошёл в свою комнату. В моей душе всё горело и полыхало, и я был готов прямо сейчас ринуться к Ленке и объясниться с ней...

Услышал в спину глухой голос матери:

— Ты хорошо подумай, сын.

Я остановился как бы в размышлении:

— Ладно. Обязательно подумаю, времени предостаточно. Утро вечера мудренее, — сказав, вышел из комнаты.

Всю ночь мне снился чернявый грузин с пушистыми усами на красных «жигулях». Он подвозит Лену до подъезда и на прощанье целует её в губы. Утро встретил на мягкой подушке и с головной болью.

Походил по квартире, делать было нечего, часы показывали одиннадцать. Несколько раз подходил к телефону набрать Ленкин номер, но, взяв трубку, бросал её обратно, словно она обжигала мне кисть. Всё же решился и, посчитав в уме до ста, решительно стал крутить пальцем диск телефона.

Трубку долго никто не брал, и только хотел отключиться, как на другом конце что-то щёлкнуло, и я услышал сонный голос Лены.

— Слушаю. Кто это говорит?

Я упорно молчал, словно у меня язык отнялся. Ноги почему-то стали мягкие, нагнулся и рукой притянул невысокий пуфик, опустился на него.

— Привет, Ленчик! — поперхнувшись, поздоровался с ней. В горле было сухо, и хотелось выпить хотя бы глоток воды.

— А, это ты, Артур, — как-то с ленцой проговорила Лена, и мне послышались нотки её недовольства.

— Какие у тебя планы на сегодняшний вечер? — спросил, особо не надеясь на встречу. Мне хотелось увидеть её, поговорить о наших школьных делах да о разных пустяках, которые не имеют особого значения. Только побыть с ней, настолько она тянула к себе невидимыми нитями.

— Да сегодня вечером мы с мамой идём в гости к её знакомой, Глафире Леопольдовне. Это старая мамина подруга, она недавно приехала из Парижа.

— А как она оказалась в Париже? — в наше время выехать

за рубеж было большой удачей. Обычно высылали политических диссидентов.

— Глафира Леопольдовна поехала вместе с мужем работать во Францию. Он в посольстве кем-то работал, и сейчас они вернулись в Союз. Так что не получится, Артурчик, не обижайся. Встретимся как-нибудь в следующий раз.

В моём понимании обещание «как-нибудь» означало только «никогда». Я проглотил слюну, языком пошарил во рту. В душе стояла после разговора горечь, я зашёл в ванну, включил во весь напор холодную воду, сунул под неё разгорячённую голову. Так стоял, утёршись руками в край чугунной ванны, пока не стал от холода болеть затылок.

Дождавшись вечера, когда густые сумерки перешли в аспидную ночь, я стоял напротив Ленкиных окон на втором этаже. Они были без света. Меня немного знобило. Засунув руки себе под мышки, сел на детской площадке, как раз сквозь зелёные кусты хорошо просматривался подъезд. Свет падал квадратом на асфальт из квартиры на первом этаже. Окно не было зашторено, и по комнате ходил лысый мужчина в майке. Он что-то говорил и взмахивал руками, словно дирижируя оркестром. Было тихо, только шелестели кусты. В проулке мелькнули огни машины, я встал с места и зашёл в кусты, чтобы меня не было видно. Сердце бухало в груди, готовое вырваться наружу. Автомобиль, мигнув несколько раз красными стоп-сигналами, остановился недалеко от светлого пятна, где была сплошная темень.

Раздвинув колючие кусты руками, я пристально стал всматриваться в окна машины. Ничего не было видно, и я, решившись на отчаянный шаг, пошёл к «жигулям». В салоне сидела Лена с мужчиной, они целовались, он обхватил голову Лены и прижимал к себе. Во мне вспыхнула внезапно доселе неизвестная ярость, и я с размаху пнул два раза по заднему колесу, в тот момент мне хотелось разнести машину на куски. Передняя дверь распахнулась, и показалась мужская голова с усами, они пошевелились, и грузин грубо выразился:

— Тэбэ чаво надо? По морде захотел получить, что ли? Отойды от машина, а то сейчас выйду, надаю по кумполу.

В шараге я один год тренировался по контактному карате. Тренировал Вадим Шутиков — взрослый парень. Он каким-то чудом познакомился в Хабаровске с корейцем, который с детства занимался этим видом спорта. Тренировки проходили в спортзале ГПТУ, обычно дежурные приходили раньше, брали тряпки и мыли пол к нашему приходу. Занятия были тяжёлые, по три часа. Я возвращался домой еле живой, наскоро перекусив и приняв душ, быстро шёл спать. Если бы возникла драка с напористым мужчиной, я, наверное, смог бы постоять за себя. В зале мы на каждой тренировке проводили поединки меж собой, а на улице не приходилось драться и применять приёмы. Тренер говорил, что надо избегать любых уличных драк, но если возникнет угроза жизни, то нужно дать отпор.

Я набрал полные лёгкие воздуха, почти крикнул:

— Ну дай, если сможешь, хрен усатый! — руки у меня подрагивали, как и ноги, в голове стучали боевые тамтамы. Я был готов, как мазандаранский тигр, броситься вперёд, вцепиться этому мужлану в горло.

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, если бы Лена не вышла из «жигулей». На ней была короткая юбка и обтягивающая майка. Она недовольно скосила лицо:

— Вы разбирайтесь сами меж собой, а мне пора домой, — покачала головой, укоризненно посмотрев на меня, скользнула тенью тихо в подъезд, только дверь хлопнула.

После этого ночного случая наше знакомство прервалось, и я с болью выкинул её из сердца. Так я вылечился от первой неожиданной любви.

Мужчина с усами недовольно посверлил меня глазами, видимо вступать в единоборство со мной не входило в его планы, смачно сплюнул себе под ноги, повернулся на каблуках, быстро забросил своё тело в «жигули». Он стал сдавать назад резко, чтобы развернуться и выехать из проулка, я еле успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под задние колёса. Но всё же успел пнуть на прощание ногой по багажнику.

Ленкины родители получили новую квартиру в другом районе, она перевелась из школы, и мы с ней не виделись, наверное, лет десять, до того как я её увидел в стриптиз-баре танцующей полуголой в чёрной маске.

Потом я закончил шарагу, получил профессию электрика третьего разряда, и осенью мне вручили повестку в армию. Сходил в парикмахерскую «Люкс» на соседнюю улицу, там работала моя знакомая девушка Юлия. Худенькая, с большими, немного испуганными глазами, костяшки ключиц торчат из-под халата. На скуластом лице остался налёт детской наивности. Увидев меня в зале, она улыбнулась глазами, приветливо помахала рукой.

Пахло мужским одеколоном. Возле стены стояло несколько стульев, и был виден зал. Привалившись спиной к стене, я подождал, когда она подстрижёт своего клиента — лохматого парня с ноздреватым носом, у него на груди распахнута синеватая рубашка, в разрезе виден серебряный крестик на цепочке.

— Проходи, Артур! Сейчас я освобожусь и подойду к тебе. — Юлия, наклонив голову, пересчитывала деньги клиента, потом взяла электрическую машинку и встала за спиной. Я смотрел на себя в большое зеркало, висящее передо мной. — Как подстричь тебя? — робко, еле слышно спросила Юлия, растягивая синеватые губы наподобие улыбки.

Повернув голову набок, потом на другой, кисло сказал:

— Подстриги меня наголо, через неделю уйду в армию служить.

— А можно я к тебе приду на провода? — совсем неожиданно спросила она, и от волнения, охватившего её, на щеках появились белые пятна, она заморгала пушистыми ресницами.

— Конечно, приходи, места всем хватит за столом, — согласился я, — можно начинать стричь под Котовского.

У неё было трудное детство. Училась она неплохо и ходила с портфелем с ободранной ручкой в тужельках со сбитыми каблуками. Отец примерно сорока лет, с зачёсанными назад волосами, с широкой грудью и сильными волосистыми руками, работал кладбищенским землекопом, сильно выпивал, возвращался домой поздно, и летом из открытого настежь окна доносился его грозный рёв. После этого из подъезда выбегала женщина, высокая и плоская, с растрёпанными

волосами, она прижимала к себе Юльку, а за ними выскакивал шуплый и наголо постриженный брат Васька. Первый раз он сел по малолетке за воровство из магазина: украл из кассы деньги, пока сонная продавщица ходила за товаром. Потом его уголовная жизнь закружилась. Одна ходка, затем вторая. Освободившись, он начинал куролесить и пил по-чёрному, как его отец, видимо гены сказались. К тому времени предок умер, захлебнувшись в своей блевотине и оставив семью без гроша денег.

Юлия довольно шустро работала электрической машинкой, и вскоре я разглядывал себя в зеркало и удивлялся переменам со мной. Закончив стричь, Юлия повесила машинку на крючок возле зеркала, провела салфеткой по голове:

— Может, тебе её помыть?

— Нет, спасибо. Дома помою с мылом.

На меня смотрел парень с упрямым подбородком, прямым хрящеватым носом, голубоватыми глазами и пшеничными бровями. Уши с небольшими светлыми мочками торчали, словно они были лишними на моей голове.

На проводы в армию я пригласил двух бывших одноклассниц Ольгу и Ингу, которых случайно встретил, когда возвращался из парикмахерской. Они сначала не узнали меня, потом заулыбались и сказали, что обязательно придут. Дома у меня они сидели рядом на стульях, прислонившись плечами друг к другу, молчали и только поводили глазами в разные стороны. Короткие причёски залачены, и волосы топорщились в разные стороны. Мать, увидев их, только покачала головой.

Гришка Москвин, с ним я учился вместе в шараге и тренировался карате, — хороший парень. Ему в армию идти весной будущего года. На приписной комиссии его определили в ВДВ. Повезло ему! Невысокого роста крепыш, с льяными волосами и выразительными карими глазами, по такому важному событию надел сероватый костюм и белоснежную рубашку. Тонкий чёрный галстук затянут на крепкой шее. Ему под столом мешали мускулистые руки, и он их положил на столешницу. Девушки, увидев его мозолистые кулаки, набитые на костяшках, молча переглянулись, почему-то вздохнули. Гришка изредка подглядывал за девушками, ухмыльнулся, помял губами, поинтересовался:

— Вы родные сёстры?

Девушки ответили почти враз:

— Нет, мы не сёстры, — и захихикали, прижав ладошки ко рту.

— А похожи, как две капли воды.

— Да, нам многие так говорят, — они снова хихикнули, блестя глазами.

Пригласил соседа дядю Пашу. Он когда-то воевал во Вьетнаме, оказывал военную помощь нашим социалистическим друзьям. Жил один, жену похоронил несколько лет назад. Дядя Паша проходил срочную службу в приморской бригаде ГРУ. И вскоре, как началась война, несколько солдат с офицерами переодели в гражданку, отправили грузовым судном к далёким азиатским берегам. Больше всего ему не понравился тамошний климат и змеи, ползающие, как ему показалось, везде. Днём обливался липким потом, а ночью задыхался от невозможной духоты. Жили в бунгало из бамбука.

Вместе с вьетконговцами он ходил глубоко в тылы противника, взрывали склады с оружием.

Он рассказывал, что, когда они возвращались с задания, остановились отдохнуть на небольшом болотном острове. Ближе к вечеру начали над ними летать два американских «Фантома». Здесь находился лазарет для раненых, а под большим раскидистым деревом — бамбуковый стол, возле которого стояли две медсестры и худощавый хирург делал срочную операцию, низко склонившись над больным, не обращая внимания на самолёты. «Фантомы» сделали круг и снова вернулись со стороны красного диска солнца. Зачастила замаскированная зенитка, ведя огонь по самолётам. Они сбросили несколько кассетных бомб и улетели.

Дядя Паша имел советскую и вьетнамскую медали. Они лежали у него в деревянной резной шкатулке, он почти ни разу не надевал их.

Принёс с собой бутылку водки и поставил её на стол, хотя недостатка в выпивке не было. Юлия сидела между сервантом и столом, она была грустная и бледноватая, задумчиво свела тонкие бровки на переносице. Как мне показалось, она переживала, словно меня не в армию провожают, а в далёкий, неизведанный, холодный космос с билетом в один конец. Мать сделала по такому случаю причёску и подкрасила корни волос, там пробивалась седина. Металась из кухни в комнату и обратно, потом села за стол, вздохнула глубоко, и на её глазах появились слёзы.

Когда все расселись по местам за столом, встал дядя Паша, он держал в крепких пальцах рюмку водки, рука слегка подрагивала, выдавая его волнение. Посмотрел на меня, немного закинул крупную голову назад:

— Артур, все мы собрались проводить тебя в армию. Служба испокон веков считалась почётной. Защищать родину и даже выполнять военные задачи за границей — это сугубо мужское дело. Служи честно и выполняй все приказы командиров, — он замолчал, видимо, собираясь с мыслями, потом досадливо крякнул и поднёс рюмку к губам, будто хотел почувствовать её вкус, выпил, втянул сероватые щёки.

Я посмотрел на маму, она вытирала с уголков глаз слёзы, натянуто улыбнулась, в глазах стояла грусть расставания.

Потом по очереди говорили: Гришка, он почему-то сжал перед собой мощные кулаки и сказал, что я был хорошим спортсменом и надёжным другом, и два года пролетят быстро. Одноклассницы, хлопая от волнения ресницами, признались, что будут писать мне письма и в школе я был клёвым парнем. Для меня это стало неожиданностью. Видимо, они сказали так больше для порядка.

Юлия сидела тихо, подняв плечики, она за столом промолчала, но подошла ко мне в комнате, поднялась на носочки и почти прошептала на ухо:

— Я хочу с тобой о важном поговорить, — она взяла мою руку, — только наедине.

— Лады, — соглашаюсь с ней, и мы вышли на лестничную площадку.

Там полутемно и тихо. На коврике возле соседской двери сидела пёстрая кошка. Она приветливо муркнула и пошла ко мне, но, увидев со мной девушку, вернулась обратно и смотрела на нас.

Слышно было, как от ветра хлопает входная подъездная дверь. Сделав шаг вперёд, Юлия подошла вплотную, я даже почувствовал, как её маленькая и твёрдая грудь упёрлась мне в живот. Она жарко дышала полуоткрытым ртом:

— Артур, можно я тебя буду ждать? Буду письма писать каждый день, если ты хочешь.

Она страдала, и это было видно по её лицу, глаза с верностью смотрели на меня.

Мне стало как-то неловко от такой откровенности, я прокашлялся в кулак:

— Пиши, конечно, лично я не против. Адрес можешь узнать у матери через месяц.

Юлия улыбнулась, подняла вверх руки, обхватив мою лысую голову, жадно впилась в губы. Целоваться она не умела, и я был, наверно, первым в её практике. Обмусолив их, она укусила мою верхнюю губу. В это момент дверь нашей квартиры распахнулись, на пороге стояла мать. Она окинула нас быстрым взглядом, лицо слегка дрогнуло, повернулась и, шелестя платьем, зашла обратно.

На сборном пункте толпились призывники, все ждали «покупателей» из воинских частей. Небо немного просветлело, хотя дул порывистый северный ветер, жёлтая листва кружилась над стриженными головами, наводя тоску. На плацу, втянув головы в плечи, стояли и мёрзли новобранцы, с тревогой ожидая, когда назовут их фамилии.

Артур поднял жёсткий воротник осенней куртки, надвинул почти на самый лоб клетчатую фуражку, смотрел, как важно ходит ворона недалеко от высокого, со впалыми щеками капитана. Он, заложив руки за спину, неторопливо прохаживался вдоль неровного строя, вглядываясь небольшими острыми глазами в лица призывников, выискивая нетрезвых парней. Из-за красного пожарного шита, на котором висели конусное ведро, лопата и топор, почти выбежал въерошенный прапорщик, его одутловатое лицо было напряжено, черноватые усы уныло свешивались к уголкам губ. Фуражка на лысоватой голове сбилась в сторону почти на самое ухо. Он остановился возле капитана, козырнул как-то вяло, приложив руку к голове, стал ему говорить, жестикулируя левой рукой.

Я, услышав свою фамилию, раздвинул руками двух парней в первой шеренге, шагнул из строя, поставил рядом с ногами серо-зелёный рюкзак, когда-то с ним ходил в походы по окрестностям вместе с классом. Рядом возник прапорщик, от него пахло свежим перегаром. Он упёрся тяжёлым взглядом в меня, словно гипнотизируя.

— Литвинов?

— Точно, я, — ответил холодными губами, думая поскорее исчезнуть с плаца куда-нибудь в тепло.

— Пошли со мной, я сейчас заберу твои документы, и сразу на вокзал.

— А куда мы поедим? — не устоял от соблазна узнать, в какую сторону двинемся. Повернул голову от колючего ветра и спрятал лицо в воротник курточки.

— Будешь служить в славных железнодорожных войсках. Часть располагается недалеко от Волги в городе Эн. Тебе разве не сказали, в каких войсках будешь служить?

— Мне всё равно, где воинский долг отдавать, — равнодушно ответил я.

Прапорщик всё больше не нравился мне. Какой-то скользкий тип, я бы с ним в разведку точно не пошёл.

Поправив фуражку и сдвинув её почти на самые брови, он кисло усмехнулся:

— Давай, шевелись в сторону вон того здания, — рукой с пухлыми пальцами показал, в каком направлении я должен двигаться.

Стою и поджидаю прапорщика возле кирпичного здания, он исчез за дверью за документами. Я поднял голову и стал рассматривать низко плывущие, почти чёрные облака. Сквозь них появляются кусочки синеватого неба. Кто-то ткнулся в левый ботинок: небольшая дворняга смотрит на меня, как на своего спасителя. Вытянутая мордочка с повисшими ушами и небольшими заплывшими глазками. Нагнулся к своему рюкзаку, пошарил, нашёл круг копчёной краковской колбасы, не жалея, отломил кусок и положил на сырой асфальт. Собака благодарно повизгивала, на прощание помахала отвислым грязным хвостом, жадно схватила колбасу и побежала в сторону бетонного забора, где рос кустарник. От осеннего холода и ветра листья у него облетели, торчали голые ветки ржавого цвета. Как раз в это время из двери, обитой жестью, вышел мой сопровождающий. В руке держал изрядно потёртый коричневый портфель с большой никелированной застёжкой, в котором были мои документы.

— Держи, — великодушно сказал он, прокашлялся, проводя рукой по горлу, и протянул мне его.

Я перехватил из его скользкой и потной руки портфель. В нём что-то подозрительнобрякнуло.

Прапорщик сердито нахмурился, недовольно покачал головой:

— Неси осторожно, в нём стратегический груз.

На железнодорожном вокзале мы сели в плацкартный вагон и покатали на юг. Поезд набирал скорость, стуча колёсами, вагон слегка покачивало.

Как оказалось, у прапорщика была фамилия Мухин. Можно сказать, он выдал мне военную тайну. Вокзал и перрон остался позади, Мухин открыл портфель и извлёк початую бутылку водки, заткнутую плотным слоем газеты, банку свиной тушёнки и буханку серого хлеба, который был плотный, как кирпич. Покрутив бутылку в руках и открыв рот с большими передними зубами, стал жадно глотать. Выпирающий кадык на горле ходил вверх-вниз.

Напротив прапорщика сидели две седенькие старушки с морщинистыми от времени лицами, удивлённо созерцая это действие с тихим ужасом. Их лица, похожие на иконные лики, посуровели, в глазах поселилась тревога. Они переглянулись меж собой и осенили себя сухонькими перстами. Вдохнули и стали смотреть безразлично в окно, за которым тянулись пожелтевшие поля и голые пролески. Они были верующими и ехали в храм помолиться, и никак не ожидали встретиться с прапорщиком-попучником, он словно чёрт из табакерки появился.

Прапорщик Мухин с удовольствием крякнул, вытер пальцами уголки губ и обвёл старушек стеклянным взглядом. Они испуганно вздрогнули, словно увидели привидение, и снова перекрестились.

— Ты вот что... — он сделал мучительную паузу, вспоминая мою

фамилию, поскрёб сальный подбородок. — Как у тебя фамилия, я что-то подзабыл?

— При рождении был Литвинов, а сейчас я просто новобранец в доблестную железнодорожную часть, — ответил упрямо, глядя в его начинающие пьянеть глаза.

— Ты мне не дуркуй, а то жизнь покажется суровой. В армии не таких зубоскалов ломают, — он, видимо для наглядности, сунул мне кулак под нос. — Доставай, что у тебя в припасах есть, будем ужинать. — Мухин повернулся в сторону старушек: — Надеюсь, гражданские лица не против?

Старушки промолчали, только поджали свои сухонькие губы.

По вагону шла молоденькая, чернявая проводница. Она вихляла узким тазом и как-то странно выворачивала наружу колени. Подошла к нам, наклонив голову вперёд, моргнула синими веками, сухо спросила:

— Чай, кофе, что вам принести?

— А како у вас будет? — сипло спросил прапорщик Мухин и не вовремя икнул.

Проводница не оценила его тонкий армейский юмор, подёрнула левым плечом:

— Товарищ военный, а како нужно возить с собой.

Старушки дружно закивали головами, словно соглашаясь с ней. И снова упёрлись глазами в окно.

Через час она вернулась и принесла серое, непросохшее постельное бельё. Один мой знакомый рассказывал, что проводники порой не сдавали в прачечную использованное пассажирами бельё, а слегка смачивали и клали обратно в мешки, используя повторно — небольшой бизнес.

Мы ехали уже около двух суток, и прапорщик Мухин не «просыхал» всё это время. Выпив всю водку и съев мои продовольственные запасы, он спал на нижней полке, не раздеваясь и прижимая к толстому животу портфель, в котором лежали мои документы. Изредка он постанывал и дёргал ногами. Возможно, ему снилась военная служба.

Старушки с ласковыми глазами сели поужинать. Они достали из сумок варёную курицу, пару яиц и пирог. Я отвернулся, чтобы не смотреть на стол. Одна старушка в сером платке встала, поправила плотную юбку, положила свою тонкую, почти невесомую руку мне на плечо:

— Поешь, касатик, с нами. Поди голодный?

Второй раз мне не пришлось предлагать, прыгнул со второй полки, надел ботинки и пошёл за чаем.

Поезд грохотал на стыках, в окно промелькнули далёкие огни. Состав мчался вперёд сквозь ночь, раздвигая аспидную темень.

Проводница сидела у себя в купе и читала газету «СПИД-Инфо». Увидев меня, подняла голову с глазами-щёлками, острый подборок вопросительно поднялся вверх.

— Можно три стакана чая? — вежливо попросил её.

— Сейчас принесу. Идите на место, — сухим голосом ответила она и стала продолжать читать газету.

Я съел большой кусок варёной курицы, потом меня старушки угостили пирогом с грибами. Под утро они вышли, оставив дорожный провиант мне.

Прапорщик Мухин проснулся и стал смотреть красными глазами на верхнюю полку, видимо вспоминая, где находится в настоящее время. Потом потряс головой в разные стороны, приводя себя в порядок. Молча сунул мне портфель на верхнюю полку и исчез в качающемся коридоре. Поезд прогрохотал колёсами по железному мосту. Я свесив голову, смотрел на мутную воду реки.

...И вот мы в части. Быстро пролетел месяц, за это время наша учебная рота научилась быстро бегать, есть строго по команде и отбиваться тоже. Присягу принимали на батальонном плацу. Седоватый и рослый комбат майор Зелёнкин стоял, широко расставив ноги в начищенных до блеска сапогах. Рядом с ним стол, покрытый красной тканью, и мы принимаем воинскую присягу. Автомат Калашникова передавали друг другу, когда подходили к столу, на нём лежал текст присяги.

Первое утро в части отметились неприятным событием для меня. После подъёма ко мне подошёл долговязый, с угольными глазами азиат и, скаля маленькие редкие зубы, сказал, чтобы я заправил его кровать, а сам ушёл в курилку. Видимо, для молодых солдат это обыкновенно, но я решил нарушить традицию — не стал заправлять скомканную постель и пошёл умыться, прихватив зубную щётку и мыло из своей тумбочки. Вернувшись обратно, азиат, увидев своё скомканное одеяло на кровати, подбежал ко мне, сделал яростное лицо и, размахнувшись рукой, врезал кулаком в левую челюсть. Меня пошатнуло в сторону, но я устоял на ногах. К голове прилилась кровь, я уже плохо соображал, что бить «дедов» в армии нельзя, они там словно священные коровы в Индии. «Дед» стоял близко от меня, самодовольно лыбился, я пробил ему кулаком в солнечное сплетение и по шее ударил ребром кисти. Азиат посмотрел на меня удивлённо, рот у него широко открылся, и он стал судорожно по-рыбьи глотать воздух. Потом упал на колени, держась за живот. В казарме стояла почти мёртвая тишина.

Вечером после отбоя, когда в ротном помещении притушили свет, в дальнем углу, где висели рабочие бушлаты, началось хождение. Там старослужащие держали военный совет, и было принято решение проучить молодого и неоперившегося солдата в назидание другим. Я не спал, лежал на боку, подложив руку под голову, готовый к любому развитию событий. Тенью рядом возник солдат — посыльный от «дедов». Он настойчиво потряс меня за плечо и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Пошёл в кальсонах и в нательной рубахе босиком по прохладному полу.

Как только я оказался в тёмном углу, куда не проникал дежурный свет, сразу получил удар кулаком сбоку по скуле. В голове зазвенело. Били меня трое, в том числе азиат, я отбивался как мог, но силы были неравные. «Деды» ушли перекурить, оставив меня лежать на полу с разбитым лицом, из носа капала кровь. Хотели ещё вернуться. С трудом поднялся и, прихрамывая, двинулся в умывальню обмыть лицо. Языком проверил во рту зубы, на мою тихую радость оказались целы. Левый глаз ничего не видел, его затянула большая красная гематома. Правое ухо немного надорвано, сочилась кровь по щеке. Дневальный по роте, костлявый солдат Петраков, увидев меня, с испугу вытянулся конопатым лицом, побледнел, и его узкая челюсть отвисла. Он что-то хотел произнести, но только раздавалось

непонятное мычание. Мы с ним были одного призыва. Он прошлой ночью читал стихи, стоя на тумбочке в казарме, театрально разводя в разные стороны руки, выдерживая паузы, недаром в школе посещал кружок художественной самодеятельности.

*Дембель стал на день короче,
Дедушки! Спокойной ночи!
Пусть вам снится дом родной,
Девки бегают гурьбой...*

Утром на построении командир роты, старлей Механошин, плотный телом татарин с кривыми ногами и скуластым лицом, проходя мимо, остановился возле меня. Правая чёрная мохнатая бровь поползла вверх, он склонил голову, набычился и несколько секунд разглядывал меня.

— Через полчаса зайдёшь ко мне, — приказал твёрдым голосом и пошёл к дверям, покачиваясь телом.

Возле меня возник старослужащий Прохоров, рыжеватый, с толстым подбородком и неуклюжий парень. Он постоянно что-то жевал во рту, словно страдал хроническим голодом. Проглотив содержимое большого рта, он взял меня за пуговицу хэбэ:

— Ты вот что! Ротному не вздумай вякать, что тебя немного помяли для воспитания, — и предупредил, сжав губы: — Только откроешь рот — тебе совсем несдобровать. Намотай себе на ус: салабону против «дедов» не нужно переть, а иначе... — Он закатил глаза, наклонив голову к плечу, высунул большой язык. Дал понять, чем может обернуться для меня откровенный разговор с комроты.

Старлею я сказал, что упал случайно с койки и разбил лицо. Одним словом, полёт был неудачным. Язык во рту распух и плохо шевелился. Старлей пожал плечами, отбил крепкими согнутыми пальцами по столу, кивнул крутолобой головой:

— Иди, служи дальше, если так. И сходи в санчасть, скажи, что я направил.

После этого случая «деды» меня больше не трогали, а азиат, проходя мимо, косил желтоватыми глазами и цокал языком.

Первое время очень скучаешь по гражданской жизни, и письма из дома — душевная радость. Мать мне писала часто, из писем я узнавал о наших многочисленных родственниках, о том, что происходит у неё на работе. От бумаги исходил домашний запах. Я особо с ней не откровенничал, зачем расстраивать по пустякам.

Юлия сначала часто писала, но потом от неё всё реже и реже стали приходиться надушенные письма, она же работала в парикмахерской...

Под новый 1989 год вечно хмурый армянин Пашанян, наш батальонный почтальон, принёс письмо от Гришки. Он писал как курица лапой, но суть я понял. Оказалось, Юлия связалась с цыганами — торговцами наркотой. Сначала сама продавала всякую дурь, стояла на точке возле городского рынка, а потом её посадили на героиновую иглу, и она оказалась на самом дне. Прочитал письмо, и мне стало жаль её, так беззащитная девушка потеряла свои ориентиры в бушующем жизненном мире.

У нас была строительная часть, и мы занимались возведением различных объектов. К концу лета коробка трёхэтажного дома для

офицеров была готова, оставались отделочные работы. Предстояло завершить благоустройство. Я служил электриком третьего разряда и пришёл к дому подключить электрошиток на первом этаже. Возле здания работал гусеничный красный трактор ДТ-75 и двое солдат совковыми лопатами разравнивали землю. Один из них, долговязый с длинными руками, увидев что-то в земле, испуганно отбросил в сторону лопату, замахав руками трактористу, громко закричал:

— Стой! Стой!

Тракторист, ефрейтор Николай Ковалёв, белообрый, крупный солдат, высунулся из кабины, остановил трактор, легко соскочил с гусеницы, сделал два шага вперёд и остановился возле отвала словно вкопанный.

В песке лежала мина зелёного цвета, ребристая, с ручкой на боку корпуса. Возле него стояли два солдата, наклонив головы вниз. Они, увидев мину, побледнели и не знали, что делать. Тракторист присел на корточки, внимательно рассматривая корпус, он хорошо сохранился в сухом песке и выглядел почти как новый, без налётов бурой ржавчины.

Костистый солдат с небольшим светлым пушком над губой испуганно захлопал носом:

— Слушай, Колька, ближе не нужно подходить. Вдруг рванёт? Так что мало всем не покажется. Сейчас до взводного сбегая, он где-то рядом ходил, пусть решает. Я сейчас быстро обернусь, ты только ничего не делай. Понял?!

Он шустро развернулся на каблуках, размахивая руками по сторонам, будто помогая себе, и, забрасывая ноги назад, побежал сломя голову в сторону зеленоватого вагончика.

— Ты вот что, отпрыгни на несколько метров, а лучше совсем исчезни, я сейчас мину буду вытаскивать из земли, — Ковалёв повернул голову в сторону долговязого солдата.

— Может, я с тобой постою рядом? Вдруг что-нибудь случится? — как-то неуверенно предложил он.

— Я такие мины находил до армии у себя в деревне. У нас там бои шли тяжёлые с немцами. Это противопехотка. Мы из снарядов тол выплавляли — рыбу в речке глушить. — Он поднял голову и посмотрел на бледного солдата: — Ты не дрейфь, ничего не будет, а лучше ноги в руки и давай отсюда — так, на всякий случай.

Солдат в нерешительности постоял немного, посмотрел по сторонам, словно ища кого-то глазами, чаяя ногами, быстро скрылся за углом дома.

Ефрейтор Ковалёв осторожно счистил песок с корпуса, потом взял руками мину, подержал, словно взвешивая, поднял с колен и успел сделать только пять шагов в сторону своего трактора, как увидел, что к нему бежит его взводный, придерживая фуражку на затылке. Он что-то неразборчиво кричал и махал рукой. За ним, быстро перебирая ногами, не отставал солдат. Больше он не увидел ничего: мина, поставленная на механизм замедления, взорвалась у него в руках. Взрывной волной разбило все стёкла в доме, а меня оглушило, показалось, что взорвался кислородный баллон. Я видел его возле входа в подъезд.

Здесь, в степях, шли жестокие бои с немцами, и бились обе стороны за каждый овраг, за каждый перелесок. Много было

убитых. Немцы, отступая, минировали свои отходы. Советская армия катилась вперёд, сминая передовые части неприятеля. Вот на такой противопехотной mine и подорвался ефрейтор Николай Ковалёв.

После этого ЧП в нашу часть нагрянула грозная министерская комиссия из Москвы. Комбат и ротный ходили смурные, посерели лицами. Москвичи уехали, и зачастую проверяющие рангом пониже.

Всё когда-то заканчивается. В октябре вышел приказ министра обороны СССР маршала Дмитрия Язова об увольнении в запас. Сборы были короткими. Нас, дембелей, торжественно проводили в части, мы помахали руками, сели в машину с открытым верхом и поехали на железнодорожный вокзал. Холодный, пронизывающий ветер обдувал наши горячие лица, но мы не чувствовали его. Мы были уже гражданскими людьми.

Я окончил институт и стал работать мастером на городской электростанции. В стране происходили видимые перемены. Народ хотел свободы, демократии и продовольственного изобилия. Но такого не случилось, экономика рухнула в пропасть, некогда прибыльные предприятия почему-то стали убыточными, и рабочих сокращали. Шахтёры приехали в Москву и стучали касками возле Дома правительства. В воздухе витала гроза.

Институт матери закрыли, и она подрабатывала, давая частные уроки по математике. Несколько её знакомых стали мотаться в Турцию за тряпками на продажу. Они возили огромными сумками и торговали на стадионе. Дела у некоторых шли в гору.

Соседа по площадке дядю Пашу стал видеть редко, он прибаливал и больше сидел дома. Я видел в окно, как к нему ночью несколько раз приезжала скорая помощь. Потом его увезли в больницу.

Вечером в пятницу сидел за компьютером. Слышу звонок телефонный, не подхожу, подумал, что звонит Сима, подруга матери, она любила часами обсуждать депутатов и политику. В комнату заглянула мать:

— Это тебя спрашивает Виталий.

И вернулась на кухню допивать кофе (это была её традиция). В материнской походке стала проглядываться усталость, а в глазах — нескончаемая грусть. Мне было её жалко, она красивая женщина и не смогла устроить свою личную жизнь. Наверное, кавалеры были у неё, но она скрывала, видимо, стесняясь меня. Я уже взрослый и понял бы её.

Слышу Виталькин отдалённый глухой голос:

— Ты чего, старик, дома сидишь? Так прокинуть можно. Есть предложение, — голос настойчивый. Виталька мог любого, как мне кажется, убедить в чём угодно, даже что земля плоская и стоит на трёх китах. Он был манипулятор сознания.

— Какое? — интересуюсь и скашиваю глаза на настольные электронные часы.

— Пойдём на ночную дискотеку! Недавно новую дискотеку открыли — «Звёздная метла» в бывшем детском кинотеатре. Вход сегодня бесплатный, и коктейль за счёт заведения. Давай, думай оперативно! Буду ждать через полчаса на автобусной остановке.

Телефон отключился.

В просторном зале под самым потолком крутится большой зеркальный шар, его подсвечивают несколько небольших прожекторов,

играет громко музыка, люди танцуют. Мы сели возле барной стойки, выпили по бесплатному коктейлю, который мне показался со странным привкусом кислого яблока. Потом мы решили выпить по сто граммов водки «Абсолют». В меру охлаждённая, она проскочила в живот и стала там жечь. Алкоголь одурманивал мозг, и мне казалось, что не так шумно в зале и у всех приветливые, улыбчивые лица.

Возле нас вполоборота стояли две девушки. Одна рыжеволосая, с красивым нежным абрисом лица и стройными ногами, в узком обтягивающем платье цвета спелой сливы, а другая худощавая, с короткой стрижкой, без лифчика, в платье с глубоким вырезом на спине, через кожу выделяются позвонки. Девушки стояли в растерянности и смотрели по сторонам, видимо — ища своих знакомых.

Виталик повернул голову в их сторону, посмотрел оценивающе на обеих, показал незаметно большой палец, наклонился ко мне и почти прошептал:

— Та худенькая — моя, а твоя — рыжеволосая, — и протянул руку закрепить нашу договорённость.

Мы почти одновременно встали и подошли к ним. Девушки смутились и хотели уйти, но Виталик — прожжённый ловелас, взял худенькую девушку сразу под острый локоток, повёл танцевать. Мне ничего не оставалось делать, я немного в растерянности потоптался на месте, не зная, что предпринять, но всё же, решившись, пригласил на танец другую девушку.

В зале было полутемно, на лицах отражались зеркальные зайчики от шара. Музыка ритмично бухала, и мне показалось, что я не чувствую себя. Я несмело притянул девушку к себе. Она сначала напряглась телом, потом подчинилась моим рукам, и я почувствовал её запах. Лёгкий цветочный аромат. От девушки исходили невидимые глазу флюиды.

— Как вас звать? — я осмелился спросить у неё имя. Особого опыта ухаживания за девушками не было, и от волнения ладони покрылись потом.

— Тома, — она подняла на меня свои глаза, в синеве которых я сразу утонул. Сердце глухо затрепыхалось в груди, мне показалось, что девушка может его услышать. Возникло ощущение, что меня прошило током высокого напряжения. Танец закончился. Я проводил Тому к подруге, которая стояла рядом с улыбающимся Виталиком. Он даже пританцовывал ногами. Все вместе ещё немного выпили. Около двенадцати ночи девушки попросились домой, и мы, как истинные джентльмены, поймав частника на машине, их отвезли.

С Томой мы часто вместе проводили свободное время, она работала техником в конструкторском бюро. После работы я встречал её, и мы гуляли по городу, разговаривая обо всём. Я предложил ей выйти за меня замуж, когда мы стояли в подъезде и целовались.

Тома жарко прижалась ко мне всем телом, и это было молчаливым знаком согласия. Этому событию мы были рады, и особенно моя мама. Мне показалось, что она даже изменилась и посветлела лицом, стала более улыбчива.

Через год у нас родился сын, назвали его Ванюшей в честь Томиного дедушки. Я люблю свою жену, и она об этом знает, хотя не часто об этом ей говорю.

Часть 2

Галина ШЕСТАКОВА

ШАВКА. Рассказ

Пётр Семёныч ненавидел собак. Да и кошек тоже. Просто они попадались гораздо реже. И были увёртливей, чем собаки.

Ровно в семь часов вечера он выходил гулять во двор для моциона, поглазеть на людей и в очередной раз убедиться, что люди, в сущности, ничем не лучше собак и кошек.

Гулял он ровно час, не здороваясь с соседями. Они тоже давно перестали с ним здороваться. А смысл? Если Пётр Семёныч всё одно не отвечает. Проходит мимо, даже не повернётся.

— О! — как всегда, при встрече с Петром Семёнычем, закатывала глаза Светлана Ивановна и декламировала: — И не повернув головы кочан, и чувств никаких не издавав, Семёныч идёт по своим делам и не смотрит на нас, дармоедов!

— Дура, — невежливо отвечал, если было настроение, Пётр Семёныч, — хоть бы что новое придумала.

— А на тебя слова тратить смысла нет, Семёныч, — желчно отвечала Светлана Ивановна. — Лучше я своим ученикам что-то полезное расскажу.

— Что ты можешь полезного рассказать? Что полезного в твоей литературке? Дураки пописывают глупости, почитывают такие же дураки, — хмыкал Пётр Семёнович и гордо удалялся, не опускаясь до дальнейшей беседы с учительницей литературы Светланой Ивановной.

А Светлана Ивановна начинала кипятииться и плевать, как чайник.

— Поганец! — она выпускала воздух из носа с таким звуком, что если б она была драконом, то точно спалила бы всю растительность вокруг. И не только растительность, но и самого Петра Семёныча в придачу. — Поганец! — конечно, она знала и много других разных ругательных слов, и далеко не таких литературных, и ей очень хотелось сказать их Петру Семёнычу, но Светлана Ивановна сдерживалась, поскольку она была педагогом, несущим доброе и вечное в массы, и не могла опуститься до нелитературных слов.

А потом она целый вечер ходила и бормотала про себя достойные ответы этому Семёнычу, про то, как важна литература, сколько глубины и мудрости во всех книгах, которые она, Светлана Ивановна, прочла за эти годы. И если б этот чурбан, Семёныч, прочитал в своей

Галина Геннадьевна ШЕСТАКОВА родилась 22 декабря 1967 года в городе Перми. Училась в школе N 92, окончила Пермский финансово-экономический колледж (1994), Уральский институт экономики, управления и права (2003). Работает в ООО «Садово-парковое хозяйство» главным бухгалтером. Пишет повести и рассказы, публиковалась в литературно-художественных журналах. Член ПКОО «Союз писателей России» (2019). Член Союза писателей России (2022). Живёт в городе Перми.

жизни, хоть одну такую книгу, глядишь и был бы нормальным человеком, а не... не... поганцем!

А Пётр Семёныч, получив свой моцион, возвращался домой, довольный и умиротворённый. В очередной раз он убедился, что люди не стоят его внимания, что они глупы, беспомощны, отвратительны и ничем не отличаются от этих тварей — кошек и собак. Если ему попадалась какая-нибудь собачонка, он небрежно поддавал ей ногой под зад и шёл домой в прекрасном расположении духа.

Дома он ужинал и включал телевизор. Смотрел только политические программы и иногда что-нибудь техническое. Но и там все эти копошащиеся людишки не отличались умом. Но хотя бы занимались нормальным делом.

Так происходило день за днём много лет.

Этим летом Светлана Ивановна наконец оставила свою школу и вышла на пенсию. Хотя она бы, конечно, ещё поработала, потому как считала, что литература — это практически самое важное в жизни. И только человек читающий, а следовательно, думающий способен расти, развиваться и быть цельной личностью. А также доброй, умной, талантливой и... у неё было много эпитетов, но на пенсию всё ж таки пришлось выйти.

На это было две причины.

Первая — в школу взяли нового литератора, и Светлане Ивановне прозрачно намекнули, что она, конечно, молодец и любимый педагог уже не первого поколения школьников, но пора и дать дорогу молодым.

А вторая — у Светланы Ивановны появилась внучка. Точнее, внучка Ксюшенька у неё появилась пять лет назад. Но сейчас Ксюша стала жить у Светланы Ивановны в квартире. Нет, с родителями внучки было всё в порядке. Просто родителям предложили работу за рубежом, в развивающейся стране, а это совершенно точно не место для маленькой девочки.

И с этого лета у Светланы Ивановны в квартире поселилась любимая и обожаемая внучка Ксюшенька со своей обожаемой собачкой Пусей. Хорошо, что собачка была маленькой, потому что Светлана Ивановна к собакам, в принципе, относилась хорошо, но не в своей квартире. Но с любимой собачкой любимой Ксюши она смирилась.

И сейчас они вдвоём с Ксюшей выгуливали Пусю три раза в день.

— Прогулки на свежем воздухе полезны, — сказала сама себе Светлана Ивановна и успокоилась.

И потом, Светлане Ивановне нравилось гулять с Ксюшей, девочка она любознательная и весёлая. За время прогулок они успевали обсудить много интересных вещей. Познакомились со всеми собаками в микрорайоне. Пуся оказалась такой же любознательной, как и её хозяйка.

Теперь на прогулке Светлана Ивановна увлечённо беседовала с хозяевами друзей Пуся, а Ксюша, вежливо расспрашивала о здоровье питомцев, о настроении хозяев, а потом тискала, невзирая на размеры, всех друзей Пуся.

Вскоре Ксюшу и Пусю полюбили все соседи. Ну почти все. Конечно же, кроме Петра Семёныча. Он стал раздражителем, и при встрече со Светланой Ивановной, Ксюшей и Пусей молча отворачивался. Но это случалось редко, потому что Светлана Ивановна

теперь гуляла в другое время с Пусей и Ксюшей. Пусе был необходим моцион именно перед сном, и поэтому они втроем выгуливались около девяти часов вечера.

Через месяц Пётр Семёныч заметил, что единственный человек, с кем он ещё снисходил до разговоров, а это была именно Светлана Ивановна, вдруг перестала ему встречаться в отведённое для его моциона время. Сначала его это нисколько не озаботило. В конце концов, наговорить гадостей можно было и продавщицам в соседнем магазине. Ну чтобы уж совсем не разучиться говорить, иногда приходилось вступать в вербальное общение с представителями человечества. Но это было не так интересно. Продавщицам было положено по должностным инструкциям терпеть все закидоны покупателей, поэтому достойного ответа Петр Семёныч не получал. А соответственно, не получал удовольствия от того, что он опять наговорил гадостей Светлане Ивановне, она опять не смогла ему достойно ответить и ушла, пыхтя и бормоча себе под нос литературные ругательства.

Поэтому он стал наблюдать в окно, во сколько выходит теперь во двор его любимая жертва Светлана Ивановна. И вдруг обнаружил, что она теперь выходит не одна! Светлана Ивановна обзавелась мелкой шавкой и девчонкой.

И Пётр Семёныч постепенно сдвинул время своего моциона. Выходил во двор, проходил мимо Светланы Ивановны. А она не обращала на него внимания! Только девчонка зачем-то улыбалась Петру Семёнычу и здоровалась.

Пётр Семёныч на это «здравствуйте» корчил недовольную мину и старался пройти так, чтобы как бы случайно подпихнуть противную шавку.

Но Светлана Ивановна, зная привычки своего соседа, брала в это время Пусю на руки и молча улыбалась Петру Семёнычу.

Это бесило Петра Семёныча невероятно. И сегодня он решил наговорить ей гадостей, потому что это уже, в конце концов, безобразие, столько времени никому не говорить неприятные вещи, так и разучиться разговаривать можно! А все продавщицы, уже завидя Петра Семёныча в магазине, приклеивали на свои глупые лица глупые улыбки и делали вид, что не слышат его. Это было невыносимо!

— А как вас зовут? — и мелкая именно сегодня решила пристать к Петру Семёнычу.

Он опешил, скривился и не ответил.

— Ксюша, — Светлана Ивановна, держа на руках Пусю, сказала внучке, — Пётр Семёныч его зовут. Только он тебе не ответит. Он у нас глухонемой старичок, — нарочито громко произнесла Светлана Ивановна, — и улыбнулась соседу.

— Бедненький! — жалостливо сказала Ксюша. — Поэтому он мне не отвечает? Да?

— Да, — согласилась Светлана Ивановна.

— Я тогда научусь говорить на его языке, — сказала Ксюша, подошла к Петру Семёнычу взяла его за руку и заглянула ему в глаза. — Я видела по телевизору, что есть специальный язык жестов для тех, кто плохо слышит, — она пожала руку Петру Семёнычу. — Вам, наверное, очень грустно, что с вами никто не может поговорить? Да?

— Да! — рявкнул Пётр Семёныч.

— О чудо! — обворожительно улыбнулась Светлана Ивановна. — Чудо! Глухонемой старичок, оказывается, умеет разговаривать!

— Ду... — хотел по привычке сказать Пётр Семёныч, но взглянул на Ксюшу и сдержался.

Выскочил из двора и почти побежал по тротуару, бормоча про себя «дура, дура и шавка у неё дурацкая». Ему бы сейчас помогла успокоиться любая шавка или кошка, но, как назло, ни одной не попалось. Так бы подопнул со всей силы, глядишь — и полегчало бы.

Пётр Семёныч бродил до темноты по городу. Ждал, когда эта училка с внучкой уйдут домой, чтобы прошмыгнуть по двору, не видя в её глазах торжества и сожаления в глазах этой глупой малявки.

С этого дня он стал выходить на прогулку, как и раньше, в семь часов вечера, чтобы не столкнуться со Светланой Ивановной.

А Ксюша весь вечер ходила задумчивая, и уже перед сном спросила бабушку:

— Наверное, он очень несчастный, да, бабушка?

— Наверное.

— С ним никто, никто не разговаривает?

— Он сам ни с кем не разговаривает. А когда что-то и говорит, то обычно говорит гадости.

— Это он оттого, что несчастный и очень одинокий.

— Это оттого, что вредный! — не удержалась Светлана Ивановна.

Пётр Семёныч и Светлана Ивановна встретились только через два месяца. Случайно. Он вышел на свой регулярный моцион, как обычно, в семь часов вечера, совершенно точно зная, что не натолкнётся на эту вредную старушку.

Но в этот раз что-то пошло не так. Светлана Ивановна бежала по улице в совершенно невменяемом состоянии. Что-то бормотала, размахивала руками и о чём-то расспрашивала всех встречных людей.

Пётр Семёныч остановился и присмотрелся. Это, конечно, было интересно, кто же так смог довести его «любимую» соседку до такого состояния. Даже ему не удавалось так её довести! Особенно в последнее время.

Это было обидно. Очень обидно Петру Семёнычу. Будто у него отобрали его законную добычу или... игрушку.

Пока он размышлял, что же ему делать: уйти в другую сторону, чтобы не сталкиваться с вредной Светланой Ивановной, или, наоборот, пойти ей навстречу и показать, что ему совершенно всё равно, — она успела подбежать к нему и схватить его за руку. Это было невыносимо!

— Семёныч! Родненький!

Вот это было уж совсем невероятно! Пётр Семёныч дёрнулся, как от удара электрошоком.

— Помоги!

— Что у тебя? — надменно спросил Пётр Семёныч, и осторожно, с некой долей брезгливости, освободил свою руку из мёртвой хватки Светланы Ивановны.

— Пуся! Пуся потерялась!

— И ладно, — пожал плечами Пётр Семёныч, — одной шавкой меньше!

— Ты не понимаешь! — словно не услышала его гадости Светлана Ивановна, — Ксюшенька заболела! Я пошла гулять с Пусей и заговорила с хозяйкой Рейчел, а Пуся...

И Светлана Ивановна зарыдала. Горько и безутешно. Беспомощно прижимая руки к груди.

— На, — Пётр Семёныч вытащил из кармана безупречно чистый платок в синюю клеточку и протянул двумя пальцами Светлане Ивановне, словно боялся, что она опять схватит его за руку. — Нечего тут выть, иди домой к внучке. Бегаешь, а ребёнок больной дома сидит!

— Нет, ты не понимаешь! — вскрикнула Светлана Ивановна. — Как я ей покажусь на глаза? Без Пуся!

— Нормально, — пожал плечами Пётр Семёныч. — Другую шавку купите.

— Да ты что?! — расвирирела Светлана Ивановна. — Может, мне и другую внучку купить? Подумаешь, эта заболела!

— Ну и дура ты! — хмыкнул Пётр Семёныч. — Внучка — это внучка! А шавка... — он махнул рукой в сторону дороги, — шавок полный город, выбирай любую!

— Ай! — разрыдалась Светлана Ивановна и пошла, скорбно опустив плечи.

Пётр Семёныч постоял, раздумчиво глядя на такую несчастную и убитую горем Светлану Ивановну, и не выдержал:

— Хватит ныть! — он догнал её и дёрнул за руку. — У тебя ребёнок один дома сидит! Больной! А ты тут рыдаешь на глазах у всех. Иди займись делом!

— А Пуся? — и Светлана Ивановна вытерла слёзы белоснежным платком Петра Семёныча, оставив на ткани разводы чёрной туши.

Он поморщился, но выдержал.

— Иди, — твёрдо сказал он, сам не понимая, зачем он это делает. — Поищу я твою шавку.

Светлана Ивановна всхлипнула и посмотрела на Петра Семёныча так, что у него всё перевернулось внутри. Это было приятно и непонятно.

Вернулся во двор Пётр Семёныч уже в темноте. Он подошёл к подъезду, где жила Светлана Ивановна, и остановился. В окне на втором этаже горел свет и было хорошо видно, что там, на подоконнике, сидела маленькая девочка, прижавшись к стеклу, и всматривалась в темноту двора.

Пётр Семёныч вздохнул и зашёл в подъезд. Поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру.

— Пуся! — закричали за дверью.

— Семёныч! — дверь распахнулась так быстро, будто Светлана Ивановна стояла за ней.

— Ты что, под дверью ждала? — проворчал Пётр Семёныч.

— Нашёл? — вдвоём воскликнули Ксюша и Светлана Ивановна, с надеждой смотря на Петра Семёныча.

— Не знаю, — сказал Пётр Семёныч.

— В смысле, не знаю? — рассердилась Светлана Ивановна.

— Я не знаю вашей шавки, — ворчливо ответил Пётр Семёныч, — поэтому собрал всех, кто более-менее на неё похож. — Он поставил большую сумку на пол и открыл её. Из сумки выскочили сразу три

собаки, действительно похожие на Пусю. — И вот ещё одна, — добавил он, доставая собаку из-за пазухи: — Самая вредная, ни за что не хотела записываться в сумку!

— Пуся! — закричала Ксюша и схватила перепуганную собачку.

— Семёныч! — Светлана Ивановна бросилась и обняла опешившего Петра Семёныча.

— Так, — он неловко отодвинул Светлану Ивановну и немного покраснел. — Забирайте своих шавок, а мне давно спать пора. У меня моцион в семь вечера, а не по ночам.

— Семёныч, — воскликнула Светлана Ивановна, — миленький!..

— Всё, мне некогда! — Пётр Семёныч схватил сумку и выскочил за дверь. Бегом спустился на первый этаж и судорожно вздохнул: — Господи, сумасшедшие бабы!..

В это время Ксюша подошла к бабушке:

— А что мы будем делать со всеми остальными собачками, бабушка?

— Вот и я думаю об этом, — сказала Светлана Ивановна, испуганно глядя на собак, радостно носящихся по квартире.

— Надо найти их хозяев! — решительно сказала Ксюша. — Я, конечно, несколько не против такой компании для Пуся, но хозяева грустят без своих собак.

— Да, Ксюша. Мы напишем объявления и найдём хозяев!

Хозяева двух собачек нашлись почти сразу. Они в ужасе рассказывали, как у них украли собак практически на глазах! Это был старый мужчина с большой сумкой. И они собирались уже писать заявление на этого маньяка.

Светлана Ивановна, тихо смеясь про себя, только представив, как Семёныч воровал собак у беспечно беседующих хозяев, не сознавалась, что знает этого маньяка, и уговаривала не писать заявления.

— Наверное, он просто несчастный человек, — говорила она вздыхая.

А третья собака так и осталась у Светланы Ивановны, хозяева не нашлись. Её называли Дуся. И теперь по квартире Светланы Ивановны бегали две счастливые собаки: Пуся и Дуся.

А через три месяца вернулись родители Ксюши.

— Вы что, почкованием их размножаете? — первое, что спросил папа Ксюши, когда его вышли встречать две похожие собачки.

— Так получилось, — тяжело вздохнула Ксюша. — Я расскажу по дороге домой эту историю.

— Наша только одна собака, — нахмурилась мама Ксюши. — Я на зоопарк не подписывалась!

Так собачка Дуся осталась жить у Светланы Ивановны. И как-то весенним вечером Светлана Ивановна вышла на прогулку с Дусей чуть раньше обычного. И встретила с Петром Семёнычем.

— Что, шавку тебе оставили? В награду за труды? — поздоровался со Светланой Ивановной Петр Семёныч.

— Я сама её оставила. Грустно одной, без Ксюши и Пуся. Вот теперь хоть с Дусей на прогулки хожу.

— Да-а, — вздохнул Пётр Семёныч. — Ну пошли вместе погуляем, коли уж встретились.

Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 11)

И ЗАВТРА ТАК ЖЕ?.. Стихи

* * *

Бредёт селом последняя кобыла
И, всхрапывая, душу болью рвёт.
Отзолотила осень, отбагрила —
Заоктябрила. Дышишь: воздух — лёд.

Нет у неё ни друга, ни подруги:
Не пошептаться ей, не полюбить.
А ветер — слышишь? «Скоро снег да вьюги...»
А время — слышишь? «Долго не прожить...»

Бредёт селом последняя кобыла:
Пропавшие и прошлое, и стать.
Листком последним птаха в небо взмыла —
И не вернуть её, и не догнать.

* * *

Дед корову забил хромоногую:
Не понесть! И доиться не стала.
Говорил, шкуру рыжую трогая:
«Молочко-то какое давала!»

Щи хлебал — мясо брал да выбрасывал:
Чем жевать, коли зубы повypпали?
Бабке дёсны пустые показывал:
«Так вот грядки морковные выполи!»

Бабка шла в огород — тихо плакала,
Златошкурому солнцу не рада:
«Ни понесть, ни поесть всяко лакомо —
Как корову, забить меня надо!»

ПОДРУЖКА

У бабушки Ньюры в деревне подружка —
В часах на стене чудо-птица кукушка:
Всё знает про время, всегда сообщает,
Когда ровно час, когда два наступает.

И в полночь подружка-кукушка кукует!
А ежели бабушка Ньюра тоскует:
«Года мои, годы! Ох, жить не могу!»,
Кукушка тотчас ей: «Ку-ку!» да «Ку-ку!»,

Мол, жить тебе, бабушка Нюра, да жить
И долго, и счастливо: жить — не тужить!

И бабушка Нюра с улыбкой идёт
То дров принести, то полить огород —
Выходит во двор... «Ох ты, мне, деревушка!»
Во всей деревушке она да кукушка.

* * *

Сквозь облака дырявые
Лучи — на землю — стылые.
Картина неприглядная,
Печальная, унылая.

Не серебро разбросано
Дорожками-тропинками,
А будто зло раскрошено
И так и колет льдинками!

И до последней косточки
Дрожь пробирает — ветрено.
И все закрыты форточки,
И окна странно-мертвенны.

И в дверь стучать не хочется,
И подходить к прохожему,
Чтобы спросить намеренно:
«И завтра так же сложится?»

Наталья ГУМЕРОВА

ПЕРВЕНЕЦ СТУЖИ. Стихи

* * *

Друзья, конечно, я не гений,
Мне до вершины далеко,
Но манят творчества ступени
Туда, где дышится легко.

Где рифмы бабочками вьются,
Садясь порою на плечо,
То горько плачут, то смеются,
То обнимают горячо.

Туда, на поприще Парнаса,
Где обитают девять муз.
Они мечты мои раскрасят,
Дадут понять и дух, и вкус.

Внушат и радость, и тревогу,
До корня душу обнажив.
Там я познаю волю Бога —
Слагать стихи, покуда жив.

* * *

Ах, память, куда же мне деться?
Не в силах от мыслей уснуть:
Сегодня дорогами детства
Провёл меня жизненный путь.

Под хрупким асфальтом — брусчатка,
(На ней спотыкалась не раз),
И горько на сердце, и сладко,
И слёзы невольно из глаз...

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1972 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работает в газовой отрасли (инженер-проектировщик). Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» (под руководством Ф. С. Вострикова) при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в том числе Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. в «Литературной Перми». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновенье» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016), «Улыбнись восходящему свету» (2019), «Воспевая красоту» (2021). Член Союза писателей России (2020). Живёт в городе Перми.

Вдруг, ставши на миг невесома,
Душа воспарила легко:
Вот крыша родимого дома,
Белёных колонн молоко.

И липа совсем одичала,
Ветвями бросаясь в окно.
Признаюсь, я очень скучала.
Но как это было давно...

Когда-то на этом крылечке,
Пока не наступит темно,
Играли в открытки, в «колечко»,
В лото, в «города», в домино...

И бабушка прямо из печки
Несла нам печенье сюда
(Калачики, «звёзды», «сердечки»)
Но годы... Они как вода.

Уплыли сквозь пальцы, миражно
Меня и лица, и быт.
Ах, память, не дай мне однажды
Дорогу до детства забыть.

* * *

Нельзя налюбоваться снегом,
Что молча падает с небес,
Воздушным, чистым берегом
Укрыв луга, поля и лес.

Как будто ангел невесомый,
Встряхнув перины пышный стог,
Припорошил тропинку к дому
И приземлился на порог.

А следом облако метели,
Вершины трогая едва,
На малахитовые ели
Плетёт снежинок кружева.

Так тихо... Кажется, и шёпот —
Лишь отдалённый эха глас.
А снег торопится заштопать
Все ранки, ссадинки на нас.

Он, словно лекарь, добр и светел,
Врачует мир, покой неся,
И мы, как маленькие дети,
Вновь свято верим в чудеса.

* * *

Над русской деревней восходит луна
И звёзды — что дети Вселенной...
Всё так же невинна, всё так же полна,
Всё так же светла и нетленна.

Ей ветры лихие, и те — нипочём,
Не ранят ни грозы, ни вьюги,
Встаёт на охрану, как воин с мечом,
И Землю берёт на поруки.

А здесь, на Земле, серебрятся снега
Под взором её непрерывным,
Здесь каждая веточка ей дорога —
Не в пользу заезженным странам.

И в этом убогом, но милом краю
Ей каждая тропка знакома.
Ни в космосе звёздном, ни в чистом раю
Не будет прекраснее дома.

* * *

Родные, бабушки-старушки,
Вся ваша память на лице,
Как аппликация из стружки,
Как драгоценности в ларце.

У каждой чёрточки-морщинки
Своя история и боль:
То углубляли их смешинки,
То ела слёз горючих соль.

По ним, по линиям глубоким,
Как в книге можно прочитать
Прошедших лет живые строки,
Нелёгкий путь перелистать.

Скажите, где вы брали силы
Терпеть невзгоды и войну?
Ах, если б только можно было
Былую молодость вернуть!

Красу былую и беспечность,
Как ценный жизненный трофей.
Но тихо забирает вечность
Вас в светлый мир небесных фей.

* * *

Желтеет бескрайнее поле:
Сурепка, осот, зверобой...
Такая краса и раздолье,
Такой солнценосный прибор!

Ромашка глазастая манит,
Как встарь, на любовь погадать,
А взор и влечёт, и туманит,
И хочется бабочкой стать.

Порхать над цветастым раздольем,
Нектар медоносный вкушать.
Так вот она — русская воля:
Забыть обо всём и дышать!

А там, за границей дурмана,
Закрыв горизонта поталь,
Дымится кадиллом тумана
Лесная дремучая даль...

* * *

Мы в детстве порой обижали друг друга,
Бывало — кричали, бывало — дрались,
Не зная тогда, что надёжней подруги
Не встретим, быть может, за целую жизнь.

Сестра... Это слово такое родное,
В нём слышится трепет весенней листвы
И запахи трав, утомлённых от зноя,
И ласковый шёпот цветов полевых.

И бриз уходящего бабьего лета,
И самого первого снега восторг,
В нём столько тепла, столько чистого света,
Что высказать всё не хватило бы строк.

Когда на душе пустота и тревога,
Кто вынет из сердца лихие ветра?
Кто вымолит капельку счастья у Бога,
Чтоб только жила в этом мире сестра?

* * *

Я б хотела тебе подарить
Эту тихую звёздную ночь,
Эти алые краски зари
В сладострастную пыль истолочь.

Эти ласки, что горе затмят,
Лишь коснутся до хрупкой души,
Влажных губ опьяняющий яд,
Воскрешающий чувства в тиши.

Подарить цветоносный прибой,
Что бушует в полях на ветру,
По тропинкам росистым с тобой
Беззаботно бежать поутру.

Каждый радостный миг подарить,
Каждый стих нерастраченный свой.
Чистым ангелом ввысь воспарить
Над усталой твоей головой...

* * *

Простила? Да, опять простила...
Он так похож на снежный ком:
То заморозит что есть силы,
То запорхает мотыльком.

То на губах моих растает,
Стечёт слезою по щеке,
То вновь тропинку замечает
И льдом мерцает вдалеке.

В нём уживаются спокойно
И штиль, и вьюга, и буран.
То обоймёт, то ранит больно —
Душа болит от рваных ран...

Душа от холода простыла,
Но в сердце — жаркий оберег.
И что, простила? Да, простила.
Бессмысленно роптать на снег.

* * *

Мой дед не любил говорить о войне,
Лишь изредка, взор затуманя,
Припомнит бои и замкнётся вдвойне
Закрутку достав из кармана.

Тихонько закурит, окинет закат
Немым застилающим взглядом,
А в нём — и тревога, и взрывов раскат,
И Красное знамя Парада...

Из банки, бывало, кваску отхлебнёт,
 Достанет дымарь из подполья,
 И хитро, по-деловски, мне подмигнет:
 «Ну что, позабавимся вволю?..»

Посмотрим, как пчёлки собрали медок?
 Не будешь шалить — не обидят!
 Вот видишь, как села пчела на цветок?
 Она с высоты его видит».

Идём в магазин предвечерней порой —
 Накинет пиджак с орденами.
 Я шла и гордилась: со мною — Герой,
 Вся Родина русская с нами!

* * *

Всю жизнь за нами наблюдает
 Немая, бледная луна:
 То старая, то молодая,
 То в паре с солнцем, то одна.

А мы живём себе на свете
 В каком-то странном полусне,
 Зимой думаем о лете,
 А в осень грезим о весне.

И каждому — судьба иная:
 Кто ввысь летит, а кто до дна,
 Луна о всяком что-то знает,
 Такая склонность ей дана...

Возможно, ею, с тёмных высей,
 Наш путь предвиден наперёд —
 Луна, людей читая мысли,
 Печаль и радость с них берёт.

Переживает наши беды,
 Как сказы о добре и зле...
 В душе Луны сокрыты веды
 О том, как выжить на Земле...

* * *

...Она пришла и села у окна,
 Тихонечко, чтобы никто не слышал.
 А за окном — сплошная пелена,
 Лишь рыжий кот мяукает на крыше.

А за окном — медовая листва,
Как сложенные письма без конвертов...
Не сомневайся, Осень, ты права, —
Не возродить обратно бабье лето...

Ну не грусти! Тебя я не сужу.
Наоборот, безмерно благодарна!
В тебе изъянов я не нахожу,
И горевать о прошлом слишком рано...

Ценю в тебе невинности печать
И яркое, но скромное убранство.
Умеешь, там где нужно, промолчать, —
Мне б перенять такое постоянство...

...Задумчива, неспешна и вольна,
Листву, как оперение, роняя,
Она пришла и села у окна,
Весь мир собой, как ширмой, заслоняя...

* * *

Скажите, где найти вакцину,
Чтоб навсегда забыть о нём?
Лишь я немножечко остыну —
Он разгорается огнём.

И вновь и вновь терзает душу,
Крича о пламенной любви,
И я опять спешу разрушить
Все отрицания свои.

Опять и верю, и прошая,
И забываю о плохом,
Опять ошибки совершаю,
Сознание балуя стихом.

Опять люблю, неосторожно
Бросаясь в омут с головой.
А там — зима! Там — невозможно!
Там — лёд и ветер снеговой!..

Но лишь от холода остыну —
Он разгорается огнём!
Жаль, не придумали вакцину,
Чтоб навсегда забыть о нём.

ШЕСТОЕ ИЮНЯ

Шестое июня... По тёплой подушке
 Доверчиво солнечный зайчик скользнул...
 Мне снилось, что в гости пожаловал Пушкин
 И на ухо что-то тихонько шепнул.

Я видела явственно берег скалистый
 И скованный цепью раскидистый дуб,
 И месяц, затянутый дымкою мгlistой,
 И в чаше лесной покосившийся сруб...

Прошла по песчаной косе лукоморья,
 Заметила рыбку на пенной волне,
 И влажные брызги солёного моря
 Игриво бросались на волосы мне.

Меняла наряды, обличия, маски,
 Вкушала чужую и радость, и боль...
 И чудилось мне, будто я в этой сказке
 Живу и играю заглавную роль.

* * *

Я похожа на лист обронённый
 Среди вьюжных горбатовых снегов —
 Ярко-алый, как губы влюблённых,
 Как лучинка среди угольков.

А метели и злятся, и воют,
 Заунывную песню поют,
 То заботливо пледом укроют,
 То взвихрят безмятежный уют, —

Мол, вставай, хватит нежиться в дрёме,
 Из последних силёнок — лети!
 Ну а лист засыпает в истоме,
 Словно путник, сошедший с пути.

До весны притаился под снегом,
 Всех пытаясь понять и простить,
 Чтоб с весною, звенящим побегом,
 Вновь на грешную землю взойти...

* * *

Город спит... Соловьиные трели
 Побуждают на светлую грусть,
 И черёмух седые метели
 Дарят воздуху сладостный вкус.

Ветви дышат в ночном полумраке,
Всюду тишь и безмерный покой,
Чудо-тени, как тайные знаки,
Кто-то пишет незримой рукой.

Так спокойно... На небе далёком
Мутной дымкой плывут облака,
В душу просятся думы о Боге,
В мысли — стих, за строкою строка.

Спят спокойно и люди, и солнце,
Лишь соловушка песню творит,
Да в моём одиноком оконце
Беспокойная лампа горит.

* * *

Свобода... Какая свобода!
В снегах утопают поля.
Бегу по лыжне небосвода,
И тает из виду земля...

Вдали исчезают границы,
Стираются контуры крыш,
И снежные звёздные птицы
Спускаются с облачных ниш...

Морозно и девственно чисто,
Ветрами опутана высь,
Там вьюга, с душой пианиста,
Поёт про небесную жизнь...

Трепещут еловые вены,
А лес — будто бережный страж.
И нет ничего совершенней,
Чем этот январский пейзаж...

* * *

Я в годы детские мечтала
Иметь большой велосипед
Из ярко-красного металла
И с катафотами под цвет.

Совсем такой, как у соседки:
С сиденьем мягким и звонком,
Чтоб все мальчишки-малолетки
Пускались вслед за мной бегом.

А я бы, рассекая ветер,
 Перегоняла детвору
 И, забыв про всё на свете,
 Стремглав летела по двору.

Увы, сейчас мечты иные,
 Но иногда, в мельканье лет,
 Мне снятся те же сны цветные
 И красный тот велосипед,

Как я легко кручу педали
 И воспаряю в облака —
 В недостигаемые дали,
 Непостижимые пока...

* * *

Вновь читаю Радкевича...
 Ах, Владимир Ильич!..
 Моей нежности девичьей
 Этих строф не постичь, —

Сильно, гордо, неистово
 И с такой глубиной!
 Ох, боюсь, что не выстою
 Пред такую волной...

Будто влагою жгучею,
 С невесомых страниц, —
 Кама, Кама кипучая,
 Пала под ноги ниц.

Потолок — словно облако,
 Стены — своды лесов,
 И с причудливым обликом
 Гнуты стрелки часов,

И ликуя, и радуя,
 Солнце лампой встаёт...
 Что ни слово — то радуга,
 Что ни строчка — полёт!..

* * *

До Нового года неделя,
 И зимушке надо успеть
 Лохматые синие ели
 В наряд новогодний одеть,

Развесить жемчужные бусы
На длинных упругих ветвях,
Пусть просто, но всё же со вкусом...
Но что это?.. В ярких саях,

Игриво звеня в колокольчик,
В убранстве хрустальный камней,
Средь тихой чернеющей ночи —
Волшебная тройка коней.

Несётся по зимней дороге,
Позёмкой стозвёздной пыля,
И вихрем уходит под ноги
Укрытая снегом земля.

* * *

Половина... Почти половина,
Пролетела, отпела звеня,
Но, как в детстве, крепка пуповина,
Та, что держит на свете меня...

Было всякое, всякое снилось,
Много прожито дней и ночей,
И грустила я, и веселилась,
И любимой была, и ничьей...

Зеркала, лабиринты, тоннели,
Косогоры, леса, полынья,
То берёзки, то синие ели
На дороге встречали меня.

И не раз перед камнем стояла,
Выбирая единственный путь,
Но звезда неизменно сияла,
Помогая с него не свернуть...

Не жалею... Что было — то было.
Что там ждёт, за крутым виражом?
Лишь бы сердце, как прежде, любило,
Лишь бы жизнь не была миражом.

* * *

От тебя — ни слова, ни привета,
Словно между нами города.
А земля в невесту приодета,
И на небе — первая звезда.

Рождество... Такое совершенство
 Воцарилось молча за окном,
 Как секрет из радужного детства,
 Скрытый под отглаженным сукном!

Ни о чём уже не беспокоюсь —
 Приласкает звёздная метель...
 Под её периною укроюсь,
 Обновив пуховую постель,

Прокачусь на лыжах быстроходных,
 Обгоняя с ветром поезда...
 Рождество... Восторг! И я — свободна,
 Как на небе первая звезда.

* * *

Я помню: в детстве ёлку украшали,
 За окнами чудачила метель,
 И часики размеренно дышали,
 Стуча в предновогодней суете.

Мы доставали старые игрушки,
 Хранящие далёкие мечты:
 Бумажные лошадки и хлопушки,
 Сосульки небывалой красоты,

Поделки из стекляруса и ваты,
 И серпантин, и дождь из серебра —
 И красовалась ёлочка богато
 От этого нехитрого добра.

А после возле ёлки новогодней
 Устраивали маленький концерт...
 Ах, как же не хватает мне сегодня
 Задора тех далёких детских лет!

Но будет день, снега завьюжат тропки
 В преддверье новогодней суеты,
 И наши дети вынут из коробки
 Минувших дней забытые мечты.

* * *

Заварю тебе чай с терпким привкусом счастья,
 Брошу ласки шепот и пригоршню любви,
 Чтобы душу согрел в холода и в ненастье,
 Чтоб и в хмурые дни пели в ней соловьи...

Я добавлю в тот чай доброты и покоя,
Подмешаю ванильную пыль облаков,
Вместо сливок разбавлю тягучей строкою
Самых сладких, душевных и светлых стихов...

Подойду со спины. Обнимая за плечи,
Нежно-нежно губами затылка коснусь.
И на пару с тобой разделю этот вечер,
Чтоб запомнил ты каждый глоток наизусть...

* * *

Любовь — это желанье прикоснуться,
Желанье бескорыстно отдавать,
И пусть тебе давно уже за двадцать —
Безмерное желанье танцевать,

И чувство бесконечного полёта,
И трепетные бабочки внутри,
Когда в душе отстукивают ноты
Мелодией предутренней зари...

Любовь — это неопытность и зрелость,
Любовь — это свобода и острог,
И робость небывалая, и смелость,
И тысяча признаний между строк...

* * *

Всю ночь на Донбасе бомбёжка,
А утром, тропой заревой,
Курносый парнишка Алёшка
На пост отправляется свой.

Он ждёт у дороги упрямо
Колонну российских солдат,
Чтоб только при встрече, за маму,
Приветственно честь им отдать.

За мирное небо, за право
Учиться, трудиться и жить,
За то, чтоб когда-то, во славу,
И он мог за Русь послужить.

Встречает он их, провожает,
А в сердце и гордость, и страх:
Кого-то снаряд поражает,
Кого унесут на руках...

Бывает, пристанут иные:
«Зачем тебе думать о них?»
Ответит: «Они же — родные.
А разве оставишь родных?!»

* * *

Вы не отмените Россию!
Россию отменить нельзя
Ни клеветой, ни грубой силой,
У ней особая стезя!

Врачи, писатели, поэты,
Стратеги, тактики, творцы...
Она несёт частички света
Во все края, во все концы!

Россия — Мать, Земли основа,
Её душа и красота,
От миротворческого слова
До оборонного щита.

Она — спасительный мессия,
И как ни вейся жизни нить,
Предназначение России —
Весь мир земной объединить!

Алексей МАЛЫЦЕВ

УЙМИСЬ, КОНОПАТАЯ! Рассказ

Так иногда случалось по понедельникам: вечером в воскресенье забыла переключить будильник на телефоне. И проспала.

Как вчера вырубилась — не помнит. Наверняка сидела до полуночи в соцсетях, пока не начала клевать носом. Автоматически разделась, добрела до кровати и...

И вот результат: на часах почти десять.

Ещё эта головная боль... Вика поморщилась.

Может, во всё виновата подушка? Сколько раз зарекалась купить ортопедическую, которую и мануальный терапевт давно советовал. У неё проблемный шейный отдел позвоночника, и очень важно, чтобы во время сна всё там расслаблялось как надо, чтобы утром просыпаться посвежевшей и отдохнувшей.

Вика кое-как приподнялась на локтях, стараясь лишний раз не шевелить головой. В левый висок словно кто-то шурупом методично вворачивал саморез, причём каждый поворот совершал после того, как она двигала головой. Если головой не шевелить, то и боль вроде меньше.

Кое-как села на кровати — двуспальной, под балдахином — всё, что осталось от замужества.

Впрочем — не всё. Ещё головная боль. Именно после многодневной изматывающей нервотрёпки под коротким именем «развод» она и появилась. Или раньше?

«Так... Спокойно, конопатая! Первое, что надо сделать — позвонить в клинику, объяснить ситуацию. Пусть линейку вместо неё проведёт Эдичка... Бывший муж, кстати. В миру — зам главврача по лечебной части Эдуард Геннадьевич Красильников...»

Она к одиннадцати подъедет.

— Вот видишь, Викуш, — замурлыкал голос в трубке, едва она изложила причину своего временного отсутствия. — А... будь я рядом — ты бы проснулась вовремя. Теперь понимаешь, какую глупость мы совершили?! Вернее — ты, конечно. Но... понимаю — неосмотрительно. Совсем от рук отбилась. Небось, вернулась домой глубоко за полночь?

— Можешь так и сказать на линейке, что главврач... такая-сякая... проспала. От моего авторитета не убудет, — бросила она в трубку и отключилась.

С Эдичкой у них была типичная студенческая свадьба...

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми — «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии Правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Когда-то, в другой жизни...

В общаге медакадемии выделили им отдельную комнату. Зажили как все... Вскоре, на третьем курсе, родился Антошка. Обошлась как-то без академотпуска...

Сессии, дежурства, капустаники, распределение... Оглянуться не успели, как стали врачами.

Приехали в этот городишко как молодая семья, сразу же вселились в квартиру. Вике казалось, что по-другому не может быть — Красильников существовал в её жизни как бы всегда, изначально, до её рождения.

Она особо и не задумывалась. До поры...

Да и некогда было задумываться: сначала пелёнки-распашонки, потом ветрянки, корь, свинка... Потом садик, школа, армия...

Опомнилась, когда Антон привёл в дом невесту.

Вечером, сидя перед зеркалом и стирая с лица макияж, как-то взглянула на своё отражение по-другому, спросила мысленно: «Ну что, конопатая, дело к свадьбе, однако. Что дальше?»

Последняя, кстати, не заставила себя долго ждать: у Оксаны, невестки, «тикал срок», молодые друг без дружки не могли прожить и пяти минут, так что родители как с той, так и с этой стороны особо не сопротивлялись.

В ресторане под шум, смех и тосты подруга Нелька, обдав ароматом шампанского, неожиданно шепнула на ухо:

— Вот отделите Антоху, останетесь вдвоём, поживёте в своё удовольствие наконец-то...

Вика тогда впервые сморщилась от боли в виске. Да, да, тогда и прострелило первый раз. Звоночек, так сказать...

От озвученной перспективы она удовольствия никакого не испытывала: скукота ж смертная... Однообразие... Любую фразу Эдички предвидит за полчаса, готова голову дать на отсечение, что ненаглядный супруг «выдаст» в том или ином случае. Никаких импровизаций, всё четко выверено, расписано на недели и месяцы вперёд.

Взяла да и брякнула в ответ Нельке:

— Скорее уж разбежимся!

Пошатываясь и держась за виски, подошла к трельяжу.

«М-да, конопатая, сороковник не спрячешь. Можно, конечно, ботоксом кое-что расправить, но тогда... Глядя в зеркало, ты будешь мысленно говорить: «Привет, ботокс!» — а этого не хотелось бы!»

Веснушек почти не осталось, а кличка — Конопатая — живёхонька. Под рукой, всегда наготове. От детства осталась, когда Вика с местной пацанвой носилась во дворе до полуночи.

Поначалу обижалась, а потом привыкла. Сейчас жить без этой клички не может, хотя давно её никто так не называет.

Подойдя к окну, произвольно кашлянула: «Конопатая, сюрприз!» Место на стоянке перед домом, где всегда её «Опель Мокка» терпеливо ждал хозяйку, было пустым. Не сразу вспомнила, что в субботу после работы заехала в сервис и своего железного коня оставила там. Как сказал менеджер, требовалось послушать работу «на холодном движке» — а значит, машину следовало оставить в сервисе до утра понедельника.

Ох уж эти спецы! На холодном движке... В понимании Вики холодным может быть рассудок, сердце, взгляд... Чай, наконец...

Предстояло заказывать такси, а вечером после работы мотаться в сервис. Если учесть, что она и так проспала, — перспектива не из приятных.

Вика уже собралась идти в ванную, как вдруг увидела такси, остановившееся возле подъезда.

Надо же, только подумала про неё...

Когда разглядела, кто выскочил из «Логана» с шашечками, невольно поморщилась от нового приступа боли в виске. Этот мохеровый шарф она бы узнала из тысячи — сама выбирала по бутикам нужную расцветку.

Сомнений не осталось: это Стас Заривчацкий, её новый знакомый.

Уточним: не только знакомый!

С ним, собственно, она вчера до полуночи и переписывалась во «ВКонтакте». Несколько неуклюжий из-за чрезмерного увлечения культуризмом, или, как он сам любил выражаться, «качалкой», сероглазый, широкоскулый брюнет появился в её жизни почти сразу после развода.

Или одновременно с ним? Или до него?

Какая сейчас разница! Возможно, даже помог развестись, ускори...

Скрасил одиночество, так сказать, подставив могучее плечо, на которое Вика смогла опереться.

Ох уж этот переход из одного состояния в другое! Да, плавание бывает одиночным, но... одиночества она почти не ощутила. Все пустоты заполнил Стас.

Чего там, помог морально...

Выждав «для приличия» пару месяцев, начал проявлять законную настойчивость... Дескать, всё одна да одна...

Вчера, к примеру, ей стоило немалых усилий, чтобы в десять вечера выпроводить ухажёра домой, пообещав «смягчить режим изоляции» в ближайшее время.

Хотя сдерживалась из последних сил, чего там... Говорила всякие глупости про то, что ещё не поняла, нужен ли он ей, чтобы не торопил, она сама решит, даст знать... Чего только не говорила, потом ругала себя.

Конечно, нужен, давно для решила... Но...

Так уж, для порядка, чтоб традицию соблести, решила тянуть до последнего.

Она в городе известный человек — главврач медсанчасти. Её знают тысячи людей. Это Стас должен понимать.

Она всегда на виду... Развод с Красильниковым скрыть не удалось, в ЗАГСе тоже люди работают... Народ сложил «два и три», и поползли сплетни.

Говорят, всё познается в сравнении.

Стас — как ураган... Ураган всего: новостей, сумасбродств, глупостей всяких.

Не проходило и дня, когда бы он что-то этакое не предлагал.

«Давай продадим твою машину и слетаем на Бали... Отвлечёмся... Разведемся. Мне по контракту через месяц заплатят стопудово — новую тебе куплю...» Или: «Переезжай ко мне, а твою двушку будем сдавать... Какой-никакой, а заработок!»

Она вдруг поймала себя на том, что подобная «наглость» её не коробит. Вернее, коробит, конечно, но уже не так, как месяц назад, к примеру.

Вчера Стас вообще ошарашил: «Тут Антоху твоего подвозил до института, подозревает про нас что-то, пострел... У меня чуйка... Она не подводит».

То, как её «ураган» начал обходить такси, насторожило: похоже, Стас был пьян. Это с утра-то!

Через пару секунд Вика чуть сознание не потеряла от прострела в виске: обойдя машину, Заривчацкий кое-как открыл дверцу, и оттуда выпорхнуло... нечто, не поддающееся объяснениям. Что никак не укладывалось... в то, что Заривчацкий говорил буквально вчера, о чём писал ей в личку...

Эта пичуга ему в дочери годится! Юбочка коротёхонькая, блузка наполовину расстёгнута, бюстгалтер с третьего этажа видно...

Они чем в такси-то занимались?!

Вика не успела рассмотреть лицо соперницы — блондинка, точёная фигурка, стройные ножки... На что ещё мужики клюют? Ясный перец!

Сладкая парочка направилась в подъезд.

Судя по тому, как девица позволяла себя «лапать», это была или путана, или... Или... у них всё «на мази», как любил выражаться её бывший супруг.

Вика вспомнила, что недавно дала Стасу ключи от своей квартиры — те самые, который оставил Эдичка при разводе.

Этакий мужской поступок: «Всё равно ведь вернусь рано или поздно... Одумайся, уверен, оценишь. Зачем замки-то менять? Они ж не виноваты! Не прощаюсь...»

Повинуясь какому-то первобытному порыву, Вика метнулась в прихожую, открыла засов, вставила ключ в скважину и повернула два раза.

«Пусть думает, что я уже на работе! Я тебя выведу на чистую воду! Повелас! Я тебе покажу, как в мою квартиру водить... этих...»

Вика лихорадочно соображала.

«Так... Конопатая... Сама спрячешься в кладовке. На днях Красильников приезжал за раскладушкой — как раз место освободилось, должно хватить!»

Плаш с вешалки прочь, туфли с собой, зонтик, — чтобы никаких следов реального пребывания.

Всё, ты на работе... Тебя нет! Слышите, молодёжь? Не-е-ет!!!»

Чёрт с ней, с пульсацией в обоих висках. Не до этого.

Всё в ней сопротивлялось: негоже главврачу прятаться в кладовке! Не по чину! стыдоба! Низость! Однако желание раз и навсегда расставить точки над «i» пересилило. Это будут точки невозврата!

«Итак, конопатая, последние штрихи, не забыть бы ничего: постель застелила, подушку аккуратно пристроила, покрывало... Кофе ты пьёшь на работе, так что холодный чайник на кухне его не насторожит».

Плаш на плечиках, туфли, косынка, ключи на тумбочке, мобильник — всё перекочевало вместе с ней в кладовку. Как будто она действительно ушла на работу, её нет!

Занимайтесь любовью, птенчики!

И откуда в ней взялась спросонья такая рассудительность, предусмотрительность, расчётливость?! Как будто собиралась не любовника с бабой застукать, а строила игрушечный город в песочнице.

Ну, Казанова недоделанный! Вот, значит, зачем ему ключи от её квартиры понадобились! Баб сюда водить! Неслыханно!

Насчёт ключей... Она, конечно, сама предложила, дескать, раз уж мы фактически вместе... А он, слегка растерявшись, с подтекстом — если ты настаиваешь, то так и быть — как небольшое одолжение, сунул связку в карман. Её слегка кольнуло это — надеялась, что откажется, но не подала виду. Неловкости как не бывало.

И вот во что это выливается! В одну гигантскую, чудовишную неловкость. Океан неловкости! Кто бы мог подумать!

Вика едва успела притворить дверь кладовки, как в замочной скважине повернулся ключ. Потом — шорохи, возня, знакомый сдавленный шёпот:

— Я же говорил, она на работе... Напрасно паниковала. Изучил её распорядок досконально. Вика — железная леди, как Маргарет Тэтчер...

— А кто это? — неимоверным усилием подавляя в себе желание чихнуть, Вика разобрала писклявый тонюсенький голосочек. — Маргарет Тэ.чер?

— Ты не знаешь, была такая женщина в Англии... А в больнице сейчас — о-го-го... линейка, обходы — дел невпроворот.

— Всякое бывает, — отвечал девичий полуписк-полушёпот. — Работа-работой, а, например, забыла мобильник, без него как без рук, — возьмёт и вернётся.

— Ты её не знаешь! Это для тебя, для меня мобила — неотъемлемый гаджет, а она человек старого воспитания. Без мобильника может вполне обойтись.

— Как это? Без мобильника?!

Вику кольнуло, что Стас как бы провёл черту, оставив её в одиночестве по эту сторону. А он с пискушей, выходит, по ту...

— Как, как... делает пару звонков с рабочего телефона и всё... А так даже лучше — не отвлекает от работы, она же трудоголик. Если не напоминать — может в больнице пропадать сутками.

«Тут он прав, конопатая», — прострелило от одного виска к другому.

Она винила себя, ругала последними словами — дескать, глупо так отдаваться работе. Есть ещё личная жизнь, тем более сейчас, после свадьбы сына и развода, можно пожить в своё удовольствие, заняться собой, но... Наступал новый день, и иные аргументы вертели в голове. И ценности другие всплывали. Всё менялось, растворяясь в суете, в писанине, в рутине...

Наблюдая в щёлку за раздевающимися, она вдруг подумала, что девчонке, пожалуй, и двадцати ещё нет, она ничуть не старше Оксаны — её невестки...

Вдруг движения в прихожей затихли на какое-то время.

Любовники целовались врасос, не замечая ничего вокруг. Здрав девице юбку, Стас стягивал с неё колготки, та бесцеремонно расстегивала его ремень.

Потом оба прерывисто задыхались, замычали, захрюкали... Как будто до этого были в противогазах, а теперь сняли.

Вике с обидой подумалось, что её он ни разу так... страстно, в прихожей... У них всё по-другому, чинно, при свечах, с прелюдией. Каждое движение, каждое слово — выверено, отточено. Она предстала, что Стас скажет в своё оправдание, материализуйся она сейчас перед ними: у них с Викой — любовь, а здесь... похоть, гормоны и так далее. Он будет оправдываться из последних сил, вертеться, как уж на сковороде. Но... пока до этого не дошло.

Кстати, возможность не разрушать, сохранить иллюзию пока оставалась.

Точка невозврата не пройдена. Вика представила, как пройдёт на цыпочках мимо спальни в прихожую, осторожно откроет дверь и...

Она не будет спешить, даст им полностью раскрыться, пусть освободят чакры... А то застоялись в длительном ожидании, каналы закупорились... В конце концов, она врач и должна приносить людям облегчение, разрядку какую-то.

Когда Стас пронёс свою полуголую пискушу в спальню, Вика вздохнула. Можно было немного расслабиться: теперь им её не услышать, даже если она выйдет из кладовки. Им не до этого, они на середине пути.

На глаза ей попались колготки, куртка, юбочка, рубашка Стаса. Всё это — на паркете, брошенное абы как... Вот что значит невтерпёж. Почему бы не взять да не спрятать всё это, пусть эта сучка добирается домой с голой задницей!

Что ж он с ней так ничего не срывал, не разбрасывал в порыве страсти? Значит, не было её, этой страсти?!

Вика приоткрыла дверь кладовки и осторожно выглянула. Ритмическое поскрипывание кровати окончательно рассеивало иллюзии, сжигало мосты. Пора разгримировываться! Когда, если не сейчас?! Потом будет уже не то!

Она всегда считала себя довольно хладнокровной и владеющей своими эмоциями. Что ж у неё так сердце сейчас колотится?! Вот-вот выпрыгнет из груди. Про голову можно не говорить — она с ней проснулась, вроде как привыкла.

Она осторожно выбралась из кладовки, при этом ноги её в чём-то запутались. Оказалось — в брюках этого похотливого самца. Этого прелюбодея! Вика со злостью отшвырнула их с дороги и крадучись направилась к дверям спальни. Поскрипывание усиливалось, вскоре она различила лёгкое постанывание.

На глаза ей попала одна из зеркальных створок трельяжа — в ней отражалась элегантно задранная стройная ножка с болтающимися на ней кружевными трусиками. С обеих ног снять некогда — трубы горят.

Постанывание давно перешло в покрикивание. Вика ни за что бы не подумала, что такой соплячке могут быть доступны столь глубокие женские ощущения. «Да, конопатая, молодёжь взрослеет нынче быстро! Причём внутри быстрее, чем снаружи. Пискуша-пискушей, а дышит как натурально!»

На фоне покрикивания и поскрипывания начал проступать кабаньих рык Стаса. Он не вписывался в ритм, существуя как бы отдельно от него.

Он хоть понимает, сукин сын, что для него это всё, никаких шансов? Оправданий и смягчающих обстоятельств не существует

в природе. Его сюда не на привязи приволокли, скорее уж он эту пискушу...

И тут... Предусмотреть такого Вика не могла...

Кто бы мог подумать, что трель её мобильного способна напрочь перечеркнуть и мгновенно оборвать столь разношёрстно звучащую какофонию. словно верёвочный мостик над пылающей бездной греха, она спасла её. Обрывки фраз, до этого пульсирующие в её мозгу, мгновенно выстроились в единственно верную линию поведения.

Она поступит именно так! Это — самое правильное и надёжное!

Вика дёрнулась, доставая из кармана сотовый. При этом непроизвольно задела локтем дверцу спальни, которая поехала в сторону, как бы поднимая занавес в самый неподходящий момент. Не только труппа оказалась не готовой к спектаклю, декорации, освещение — всё находилось в состоянии полного раздора. И это — при единственном зрителе в зале. Которому, казалось, нет никакого дела до происходящего. Более того, ему противно и ненавистно то, что он увидел по ту сторону занавеса.

— Да, Эдик, я уже иду, — отчётливо произнесла она в трубку, по-хозяйски проходя мимо «греховной бездны». — У меня машина в сервисе, надо такси поймать ещё.

— Поск-к-корей бы, Вик-куш, — заикался на том конце бывший супруг. — Тут комиссия из горздрава пожаловала. Сама понимаешь, не просто так...

— Да, я уже одета и спускаюсь...

Равнодушно скользнув взглядом по смятому покрывалу, по барахтающейся, не знающей, что прикрыть в первую очередь, пискуше, по покрасневшему лицу Стаса, которое сначала исказила гримаса, потом неприкрытая злость, она вдруг поймала себя на мысли, что испытывает огромную благодарность Эдику за этот звонок. Потянув за одну-единственную ниточку, он элегантно развязал, распустил весь клубок из её сомнений и комплексов. Он позволил ей быть естественной, сделав в одночасье победительницей, хозяйкой этого крайне идиотского положения.

— Ты что?... Р-разве не на работе? — отводя глаза, нервно дёргая при этом щекой, поинтересовался Стас, которому она «обломала кайф» самым бессовестным образом. — Почему не предупредила?

— Ой... из-звините... — пропишало из толщи покрывал и одеял. — Я не знала... я...

— Значит, так, — прервала она жалкий поток оправданий. — Заправлять постель не надо, всё равно после вас на помойку отнесу... Даже стирать не стану...

— Ну зачем же так? — Стас хотел развести руками, но в последний момент понял, что при этом недопустимо обнажится, и застыл в непривычной промежуточной позе. — Не выслушав, не поговорив... Мы же люди... И заслуживаем...

— Ключ оставишь в почтовом ящике. Всё! — отрезала она, выходя из спальни.

Уже на лестничной площадке увидела, что телефон не отключен. Неужто Эдуард до сих пор на связи? Слышал то, что никак не предзначалось для его ушей?! Проверять не стала.

На улице, вместо того чтобы вызывать такси, решила пройтись пешком. Подождёт комиссия из горздрава, Эдуард не переломится

пополам, найдёт что сказать. Вообще-то надо предупреждать, коллеги, о подобных визитах...

На глаза попалась вывеска кофейни «Аромат пустыни». Недолго думая, она поднялась по ступенькам.

«Итак, конопатая, ты снова одна-одинёшенька».

Хотя... почему снова? После развода она одиночества не чувствовала. Деловая, рассудительная, сделала рокировку, поставив на клетку, где обычно находился Эдуард, Стаса, она продолжила игру... Так ей казалось.

Сейчас поняла, что проиграла.

Она обожглась горячим напитком, едва не расплескав чашку.

Как это ни противно сознавать, но Заривчацкий оказался обычным кобелём, привыкший разбрасывать своё семя направо и налево. Качества, которые она ему приписывала до этого, оказались фикцией, искусной игрой, чтобы завоевать её, оказавшуюся в спутанных чувствах на распутье...

Кофе не помог. Отчаяние словно окутывало сердце наждачной бумагой со всех сторон и начинало потихоньку шлифовать, всё убыстряя его бег. Пока сердце не споткнётся. То, что произошло — чудовишно! Только она раскрылась навстречу этому... гуляке, оттаяла. Только доверилась... И вдруг — бац!

Как сейчас себя дальше вести?

Впрочем, ясно как. Вычеркнуть из жизни раз и навсегда. Вырвать с корнями! Пусть таскается со своей пискушей по чужим квартирам. Ей наплевать! Хотя — почему по чужим? У него своя есть! Правда, Вика в ней ни разу не бывала. Отказывалась под разными предлогами. Несмотря на его настойчивые приглашения. Боялась: на его территории она либо полностью покорится, либо всё испортит, сожжёт мосты. Ей не хотелось ни того, ни другого.

«Теперь, конопатая, мосты сжёг он. Не ты. Твоей вины в происшедшем нет ни капли. Почему тогда так тягостно, так беспросветно всё? Ну, вычеркнешь ты его отовсюду, откуда только можно... А дальше что?»

Не возвращаться же к Эдику! Бред!

Оставив недопитый кофе, она вышла из кафе и побрела в направлении больницы. Кажется, целую вечность она не была на улицах. В качестве пешехода, разумеется. Всё за рулём да за рулём... Правда, повод прогуляться сегодня — не очень. Унять kloкoтaвшyю внутри обиду. Которая, казалось, норвила вот-вот вырваться наружу.

Однако надыхаться мартовской прелестью любимого города ей не дали. Стоило отойти от кафе метров сто, как возле неё затормозила вишнёвая «мазда».

— Привет, Викуш, — выскочивший из-за руля бывший супруг едва не сграбастал её в охапку. — Я всё слышал, ты забыла отключить телефон, уж извини, но...

— Слышал и слышал, — отстранившись от него, бесцветно пробормotala Вика. — Успокойся, засунь себе это в карман, любуйся перед сном... Это теперь тебя никак не касается. Не лезь в мою жизнь!

— Хорошо, договорились, — безропотно согласился Эдуард. — Но комиссия ждёт, садись в машину... Я как чувствовал, что ты решила пешком прогуляться после такого...

— Какого — такого?!

Садясь в машину рядом с бывшим мужем, Вика почувствовала нарастающее раздражение. Ничего не изменилось! Именно такой реакции она и ожидала: не хочешь обсуждать, оставим на потом, до лучших времён. Супермегапокладистость! Ни единой заусеницы, всё отшлифовано до блеска. Может, ей как раз и нужен сейчас взрыв, ползком по пересечённой местности, гребля против течения, типа: «Нет, мы всё выясним сию минуту! Это как раз моё дело, чёрт возьми!!! Я тебя увезу туда, где этот потаскун ни за что не найдёт, и там ты поймёшь, наконец, что потеряла на самом деле! А ему я морду так начищу, что в темноте светиться будет!»

Вместо этого — спокойный разворот на пяточке, медленный разгон, дождевые капли на лобовом стекле, шансон в динамиках. И молчание. До самой больницы.

С комиссией из горздрава Вика разобралась быстро. Ближе к обеду чиновники «отчалили» восвояси. Аппетита не было, поэтому предложение бывшего «перекусить в ресторане» было безапелляционно отвергнуто.

Потом навалилась рутина.

Сначала — подписать бумаги, которые накопились. Стопка на столе секретарши Лидочки показалась сегодня толще раза в два, чем обычно. Потом — звонки от различных фарм-менеджеров. Куда же без лекарств! Больница всё-таки. От предложений не скрыться. И на закуску — отчёты, статистика, бухгалтерия...

Ближе к трём проснулся сотовый.

— Виктория Юрьевна? Добрый день, извините, что по мобильной связи... Просто так быстрее, тем более... ваш... знакомый... дал мне номер...

Слушая хриловатый, как бы надтреснутый голос на том конце, она чувствовала, как саморез, застрявший в левом виске утром, кто-то вновь начинает с силой проворачивать. Какой знакомый может дать этому хрилоголосому её номер? Ясно, какой... Тот самый, который...

— Это участковый беспокоит, — продолжала тем временем трубка сотового. — Лейтенант Борщук... Вы не могли бы подъехать к нам в отделение на Кировоградской? Я вас немного знаю, мы с вами как-то общались по наркотикам в районе... Помните?

Ещё бы! Визит лысоватого гипертоника с испариной на лбу пару месяцев назад впечатался в её память надолго. На стене больницы снаружи кто-то написал адрес сайта, на котором обычно оставляют заявку на закладку наркотиков. Она ещё удивилась тогда, поскольку не встречала раньше ничего подобного, не подозревала, что вообще существует такой способ распространения.

— Сейчас все осуществляется через Интернет, — сипел участковый, вытирая лоб выдавшим виды платком. — Заказ, оплата... Даже если удастся забанить один сайт, сразу же появляются десятки других.

— Можно вычислить IP-адрес, — помнится, посоветовала она, демонстрируя свою продвинутость.

Лейтенант снисходительно усмехнулся:

— У нас в горУВД отдел информационных технологий только этим и занимается.

Вечером состоялся разговор с Антоном — оказывается, сын

знал несколько подобных адресов, чем вызвал у матери очередной приступ головной боли. Проверка локтевых ямок на предмет инъекций, помнится, очень обидела парня. Неделю потом она по вечерам присматривалась, не спеша уезжать со стоянки — не пишет ли кто чего-нибудь на стенах её заведения, но всё без толку. А у Боршука сразу после беседы измерила давление и направила на обследование. На этом всё тогда закончилось...

Сейчас воспоминание пронеслось в её голове, пока перекладывала трубку из левой руки в правую.

— Добрый день, лейтенант... Припоминаю что-то... Как, кстати, ваше здоровье?

— Спасибо, вы мне тогда очень помогли. Если бы не ваша настойчивость, всё могло плохо кончиться...

— Продолжайте. Что случилось?

— Ваш знакомый... Заривчацкий Станислав Владимирович... восемьдесят пятого года рождения... избил до бессознательного состояния гражданку Андриюшенко Евстолию Игнатьевну, девяносто девятого года рождения... Её «скорая» к вам везёт... Возможно, уже довезла.

— Заривчацкий задержан? — чувствуя, как саморез в виске невозмутимо продолжает своё поступательное движение, Вика прикрыла глаза.

— Да, он сейчас у нас... Утверждает, что вы его хорошая знакомая и сможете ему помочь... Я не думаю, что...

— Диктуйте адрес.

В столе у неё хранилось сильное лекарство от мигрени. Проглотив сразу две капсулы, она отодвинула стакан с водой в сторону и подумала, что такого поворота не ожидала. Впрочем, оставался ещё крохотный шанс, что всё окажется ошибкой, совпадением. Такой крохотный, что и не рассмотреть.

Уже пробегая по вестибюлю, заметила вырывающуюся в больничном дворе «скорую». Ноги сами свернули в приёмное отделение.

«Брось, конопатая! Всё сделают за тебя, зачем главврачу лично интересоваться поступающими больными, пусть и избитыми. Зачем так подставляться? Она тебе не дочь, не племянница, никто! Вы с ней соперницы!»

— Зрачки реагируют, давление в норме, пульс восемьдесят, рефлексy вроде живые, — долетело до её ушей в санпропускнике. Она не сразу поняла, что это врач «скорой» вводил в курс дела принимающего коллегу.

— Срочно невролога, глазное дно, мочу на эритроциты... Что с рёбрами? — коротко бросила Вика дежурному доктору, а сама, не останавливаясь, стремительно двинулась к той, что лежала на каталке.

Это была она, пискуша... Конечно, далеко не в том эротичном виде, что несколько часов назад, но... Ошибка исключалась. Зря Вика надеялась.

От злости, которую она испытывала утром, ничего не осталось. Перед ней лежала жертва, только за что она поплатилась?

Как мамонт на девчонке потоптался — вся в кровоподтёках, ссадинах.

Руки доктора на автомате делали то, что требовала профессия: ошупывали, проверяя на прочность, кости, измеряли давление.

Как из глубины, откуда-то из солнечного сплетения всплывала неприятная догадка: «Господи... Это из-за тебя, конопатая, он её так. Ты виновата! Зачем вмешалась? Кто просил? Втихую ушла бы на работу, и ничего бы не произошло. Была ведь возможность!»

— Что это ты здесь делаешь? — нарисовавшийся в кадре Кра-силыников был совсем некстати. — Твоя родственница? Племяшка?

— Не всё ли равно? Так, мимо проходила, — бросила она и метнулась к Илье Семчуку, дежурившему в санпропускнике доктору. На ухо продиктовала самое необходимое, что нужно сделать в первую очередь.

Уже на крыльце вспомнила, что машина в сервисе, и едва слышно выругалась: по-быстрому добраться в отделение на Кировоградской не получится. Разве что такси или частника какого поймать прямо у больницы.

— Возьми мою, коробка автомат, удобно.

Она вздрогнула, обернулась. Эдуард стоял сзади и протягивал ключи от своей «мазды».

— А если разобью?! — решила съязвить она, забирая ключи.

— Переживу как-нибудь, — пожал плечами бывший муж. — Не чужие ведь люди. Зря замыкаешься, что я, не понимаю?

Перестроившись в крайний левый ряд, Вика подумала, что ситуация переворачивается на сто восемьдесят градусов: после развода ей помогал Стас, пытаясь как-то оградить от житейских неурядиц, сейчас Эдуард подставляет плечо. Как-то не получается у неё одинокой побыть. Не судьба, видимо.

Мест на парковке у отделения полиции не было, пришлось пристроить машину абы как — рискуя, с одной стороны, привлечь внимание гаишников, с другой — создать трудности для выезжающих со стоянки водителей.

— За что ты её так? — накинулась она на бывшего любовника. — Что она тебе плохого сделала? Сам её заташил...

Вика вошла в роль, хотела уже раскрыть подробности утренней сцены, но вовремя одумалась: в кабинете кроме них со Стасом находились ещё двое полицейских. Заривчацкий сидел в наручниках на широкой скамье, смотрел в одну точку и молчал. В глазах стояли слёзы, следы от слёз были на щеках. Он никак не отреагировал на её появление. У Вики сложилось впечатление, что он успел что-то принять: то ли выпил, то ли «ширнулся» — она знала, что такое случается в его жизни.

Рядом с ним перетапывался с ноги на ногу прыщеватый паренёк — вроде как охранял. Вика поймала себя на том, что легко могла представить прыщеватого в белом халате в какой-нибудь лаборатории с подопытными мышами... но никак не в полиции. Форма лишь подчёркивала его угловатость и какую-то незащищённость. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: если задержанный рванётся, его не остановит и взвод таких... прыщеватых.

Участковый Борщук сидел за столом, переводя одутловатый взгляд с вошедшей Вики на задержанного и обратно.

— Извини, я не должен был тебя вызывать, — монотонно, словно робот, произнёс Стас. — У тебя своих дел полно. Смалодушничал, признаю...

— Раз уж вызвал, говори, за что ты её?

— Ты же со мной не поговорила, убежала, — так же монотонно прозвучало в тишине. Он «перепрыгнул» с одной темы на другую, даже не заметив. Во всяком случае, так Вике показалось. — А зря... Видишь, как получилось? Жизнь, она не укладывается... как там у вас? В один диагноз.

Вика почувствовала, как щёки начинают краснеть, а всё тело изнутри словно наполняется горячим гелием: ещё немного, и сквозняк её подхватит и понесёт далеко-далеко.

Стас тем временем продолжал:

— Любишь эффектные сцены закатывать? Что ж, валяй! Видишь, я тоже закатил. У кого получилось круче?

— Я спрашиваю, за что?! — не выдержала она. Голос сорвался на крик. Вика чувствовала, что ещё немного, и вцепится ему в волосы, начнётся истерика.

— Пусть фильтрует базар, — со вздохом выдал вердикт задержанный. — Решила, мандавошка, блин, что раз ты нырнула за борт, то ей можно... это... всю лодку занимать! Такое про тебя начала... А сама... твоего мизинца на ногу не стоит. Сучка! Оборзела, дальше некуда. Пришлось показать, где её место.

Услышав сказанное, она задохнулась. Набрала в грудь воздуха, но сказать ничего не смогла. Словно вмиг забыла, как это делается.

— Виктория Юрьевна, думаю, достаточно, — явно занервничавший, потный Боршук, изменившийся за эти месяцы, кажется, не в лучшую сторону, поднялся из-за стола. — Зебзеев, уводи задержанного.

Чтобы присутствующие не смогли разглядеть слёз в её глазах, Вика отвернулась. Она слышала за спиной шаги, тяжёлое дыхание Стаса — чувствовала, как ему не по себе. Он был мужчиной, не привыкшим держать внутри то, что требовало выхода. Он мог взорваться в любой момент. Невзирая на полицейских, наручники, прутья решёток... Его ничего бы не остановило... Она вдруг поняла это. Между ней и Стасом никого не было. Никаких преград.

И он взорвался. Неожиданно.

С каким-то грохотом, вознёй.

— Вик, ты прости... Нашло на меня что-то... Виноват... Без тебя я погибну просто, мне не жить... Без тебя...

Она обернулась и обомлела. Как в замедленном кино, неуклюже шаркая брючинами по паркету, он двигался к ней на коленях, вытянув вперёд руки в наручниках. Неопытный молодой Зебзеев, видимо, не сориентировался сразу, и теперь безуспешно пытался до него дотянуться. Боршук с округлившимися глазами бесплатным приложением к происходящему маячил в коридоре.

Грохот, который несколько секунд назад «оглушил» Вику, скорее всего издали коленные чашечки задержанного, чудом не расколовшись от удара о паркет.

— Прекрати паясничать! — крикнула она, понимая, что паясничаньем тут и не пахнет. Внутри предательски прозвучало:

«Всё, конопатая, ты не выдержишь. Признайся хотя бы себе. Какое сердце тут устоит! Такая безоглядность дорогого стоит!»

— Вика, родная, мы с тобой должны быть вместе, — продолжал умолять, приближаясь к ней, тот, кого ещё полчаса назад она собиралась вычеркнуть из жизни. — Не отворачивайся, прошу! Прошу...

Она поняла, что ещё секунда — и он обхватит её колени, от него невозможно будет оторваться. Сгорая от стыда, метнулась в сторону, пытаясь увернуться от приближающегося любовника, потом со всех ног кинулась к выходу. Она почувствовала касание его пальцев... Оно её обожгло сквозь плащ, сквозь юбку.

Прыщеватому Зебзееву наконец удалось втиснуться между ними, преградив путь «агрессору». Парнишка обнаружил завидную ловкость и сноровку. Во всяком случае Стас перестал причитать.

В узком коридоре Вику ждал Борщук:

— Я так понимаю, Виктория Юрьевна, заявление Заривчацкого не лишено оснований? Вы его определённо знаете.

— Что вы от меня хотите услышать? — она остановилась посреди коридора, не особо заботясь о том, слышит её сейчас кто-то или нет. — Что нас связывает? Сплю я с ним или нет? Вы это хотите узнать?

— Ни в коем разе! — тряхнул щеками участковый, забегав глазами. — Пройдёмте в кабинет, там поговорим. В спокойной обстановке.

Сделав несколько глотков из предложенного стакана, в кабинете Вика удивлённо прислушалась к себе. Странно, но самореза в висках не чувствовалось! Голова не болела!

Борщук прохаживался между столами, сцепив за спиной руки, не торопя её с ответом, как бы давая время всё взвесить, не рубить с плеча.

— Поймите, Виктория Юрьевна, я на вашей стороне. Никто не узнает о вашем визите и о его просьбе... Вас здесь не было... И быть не могло! Мало ли что между вами было, мы его продержим столько, сколько надо. Факты остаются фактами. Он её отколошматил так, что...

— Где он, кстати, её... это случилось... где? — осторожно, словно ступая по минному полю, задала вопрос Вика.

— Прямо на улице. Задержали на площади перед ТРК «Столица». Причём избивать начал на глазах... не только прохожих, но и проезжавшего мимо наряда полиции не испугался... Ему всё было «по барабану», вот что странно. Он адекватен вообще-то?

«Ты всё поняла, конопатая? Он не испугался! Ни там не испугался, ни здесь, в отделении. Это всё — ради тебя!»

— Может, выпил немного, — заметила Вика, встряхнув головой. — Разве в такой ситуации можно остаться адекватным? Поставьте себя на его...

Вика словно сделала шаг в пустоту над пропастью — нога не ощутила привычной тверди.

— В какой ситуации? — в голосе участкового проклюнулись металлические нотки. Потом, словно спохватившись, он затряс щеками: — Это я в частном порядке, не под протокол, разумеется... Понимаете, пострадал человек. Кстати, как там пострадавшая?

Вика обрадовалась возможности перевести разговор в другое русло, в деловую плоскость. Туда, где чувствовала себя намного уверенней.

— Когда я уезжала, была без сознания. Кстати, мне надо позвонить.

Она достала из сумочки сотовый.

Бывший её огорошил:

— Состояние не очень, если честно. Он ей вдобавок селезёнку порвал, внутреннее кровотечение... Операция заканчивается... Капаем, короче, но насчёт прогноза пока воздержусь.

— Почки?

— Диурез в норме... Правда...

— Что правда?

Они понимали друг друга с полуслова. Работа в медицине причудливо кратка в таких ситуациях. Ей показалось, что его ответ прозвучал в её мозгу раньше, чем влетел в ухо. Даже нет — он словно жил там задолго до того, как Эдуард его озвучил. Только с каких пор?

— Она была беременна... Он из неё выколотил... всё, что можно.

— О господи... Еду! — отрезала она, поднимаясь.

— Операция заканчивается... Можешь не спешить особо...

Она отключилась, не дав ему договорить.

— Я так понимаю, с пострадавшей всё серьёзно? — поинтересовался Борщук, протирая носовым платком фуражку изнутри. — Расставьте точки над «i», проясните ситуацию. Что с ней?

— Пока рано делать выводы, но состояние серьёзное, — бросила она на ходу. — Поступайте по инструкции, по закону, по совести. В конце концов, вы сами сказали, что меня здесь... как будто... не было. Отсюда и танцуйте.

Участковый водрузил фуражку на голову, но получилось как-то кургузо, несолидно, однако поправлять времени не было, Вика могла вот-вот уйти.

— Вы не знаете её родственников? Ну, этой... пострадавшей Андрюшенко?

— Откуда?! Я её вообще не знаю. Кто она? — раздражённо отреагировала она, задержавшись в проеме дверей. — Кто из нас полицейский? Вы или я? Вот и узнайте. У меня других проблем хватает.

«Остынь, конопатая, — успокаивала она себя, перестраивая машину бывшего в левый ряд перед светофором. — Если сейчас тебя остановят гаишники за превышение скорости, как ты докажешь, что «мазда» твоя? При разводе Эдичка по-царски оставил тебе «опель», эту взял, подержанную, но на ходу. Смотри, хоть здесь не вляпайся! Денёк в самом разгаре... То ли ещё будет!»

Она скинула в ординаторской плащ, мельком глянула на часы и удивилась: половина пятого. Уже! После чашки кофе утром в кафе у нее не было маковой росинки во рту. Странно — голова не болела, никто саморез в висок не вкручивал.

Эдичка зашёл неслышно — словно телепортировал.

— Беременность была сколько недель? — спросила она в лоб, не давая ему опомниться. — Гинекологи что говорят?

— Десять-одиннадцать. Точнее никто не скажет. Всё стабильно, не волнуйся. Она уже в реанимации.

— Да, уж... Одно другого хлеще... Интересно... — хмыкнула Вика, подходя к умывальнику. — Она знала о беременности наверняка, и ему не сказала. Что за молодёжь пошла! Впрочем, может и сказала... Тогда у него вместо сердца... это самое... Больше детей у неё не будет?

— Естественно... У неё не будет. А у нас... А мы ещё сможем.

Глаза бывшего как-то нехорошо сверкнули, но Вика не придала поначалу этому значения, пропустила сказанное мимо ушей, быстро направилась мимо Красильникова.

Но что-то в его поведении её насторожило. И тут до неё дошёл смысл сказанного только что. Она на короткое время остановилась, зависнув подобно компьютеру:

— Мы?! Сможем?! Ты о чём?!

Эдуард почувствовал её замешательство, её временную протрацию, быстро зашёлкнул дверь ординаторской на шпингалет, схватил её за рукав и резко притянул к себе.

— Ковать железо надо, — выдохнул ей в ухо, — пока горячо!

Она потеряла несколько драгоценных секунд на осмысление услышанного, этого оказалось достаточно, чтобы его руки замком сцепились у неё на поясище. По телу разливалась страшная слабость — то ли от голода, то ли от того, что поступок Красильникова не вписывался в то, из-за чего она с ним развелась.

Никогда ещё он так не овладевал ею: нахраписто, дерзко. Как бы перечёркивая всю их предыдущую «лав стори».

Она не узнавала его — вроде руки, плечи, рыжеватая щетина на щеках — всё было до оскомины знакомо, но...

«Что за день такой сегодня, конопатая?! Одни парадоксы! Сперва один шокирует, потом другой... Не отстаёт».

Отстранённо, словно наблюдая из окна автомобиля, Вика отметила, что за время после развода нос Эдички стал ещё более мясистым, брови ещё бесцветнее. К щетине она привыкла. Ох уж эта небритость — кому-то она шла, только не ему! Он же отказывался напрочь понимать это.

Резкое ограничение свободы действий почему-то никак не сказало на скорости мыслей. Они продолжали течь в том же ритме и в том же направлении. Организм отказывался всерьёз воспринимать реальность.

Почему?

Может, заехать ему ногой в пах, конопатая? Как-то чересчур банально получится. Тебе не кажется? Он проявил разнообразие, удивил... Сделал то, чего за два десятилетия супружеской жизни ни разу не осмелился... теперь очередь за тобой. Думай, конопатая, думай!

Красильников тем временем судорожно искал губами её губы, держа мёртвой хваткой за талию. Вот он, жирный минус стройных фигур! Будь она в три обхвата — ему вряд ли удалось бы её так ловко стреножить!

Вику вдруг начал разбирать смех.

А ведь она такой и была! В детстве. В том самом, когда с пацанами по двору носилась. Её не только конопатой звали. Ещё и кексом, и ватрухой. В другой жизни это было, что сейчас вспоминать!

Она представила, как бы употел доктор, пытаясь так же сцепить пальцы на её коровьей талии, не похудей она в своё время! Он бы не дотянулся, схватил бы воздух, пустоту.

Ничего подобного бывший не ожидал. Готов был, небось, к сопротивлению, ругательствам, ударам в пах — к чему угодно, но не к этому гомерическому хохоту.

Возможно, сказало нервное напряжение первой половины дня — изнутри поднялось что-то, ей не подвластное, и она... разразилась, отпустила тормоза, захохотала так, что Эдуард испугался, и мигом расцепил свой «капкан».

Пытаться поцеловать в губы хохочущую женщину — всё равно что вдёргивать в игольное ушко корабельный канат.

Освободившись от его объятий, она... тотчас успокоилась, подошла к зеркалу, поправила причёску, юбку с блузкой. Из сумки, лежавшей на тумбочке, достала косметичку, поправила макияж. Потом достала из шкафа халат и, надевая его на ходу, направилась к двери. Мельком взглянув на незадачливого «насилника», отметила, как хищно вздуваются его ноздри.

— Хочешь сказать, умыла? — округлив глаза, с трудом переводя дыхание, прошипел бывший. — Обула?.. Выкрутилась?.. Обвела вокруг пальца?

— Причём не какого-то, а вокруг этого! — она эффектно, словно поставив шелбан, выстрелила перед его носом средним, цвет маникюра на котором отличался от остальных.

Никогда раньше этого не делала — считала ниже своего достоинства, ненавидела этот жест. Теперь не сдержалась.

Как бы не пожалеть, конопатая! Жестоко, однако. Может, стоило уступить, покориться? От тебя бы не убыло. Он-то полгода наверняка ни с кем и никак. Хотя, кто его знает! Это теперь не твоё, конопатая, дело!

Привычно здороваясь с коллегами в коридоре, она вдруг поймала себя на том, что ещё не отошла от поединка с Эдуардом. До сих пор чувствует на поясище его ладони, горячее дыхание на своём лице. Она несёт это всё на себе, как одежду.

Что это? Нервно-мышечная память? Генетический код? Приросла к нему, что называется, с мясом... Почти полгода прошло, а как будто вчера было. Или, может, тоска по остроте ощущений, недостаток... этого самого?

Перед дверью реанимации остановилась, достала из кармана маску.

Забыть и растереть! Не было ничего в ординаторской! Не было!

Обескровленная пискуша лежала под капельницей, веки были прикрыты, чуть подрагивали. Вике показалось, что за четыре часа с момента поступления синяки на лице пострадавшей соперницы приняли другой, более зеленоватый оттенок. Возможно, виновато было освещение.

Приближение Вики прооперированная почувствовала, веки взлетели вверх.

— Вас только что кто-то пытался поцеловать, — без подготовки выдала надрывным шёпотом избитая, безуспешно пытаясь улыбнуться. — Неужто Стасик? Он здесь? В больнице?

Не ожидавшая подобного вопроса доктор смутилась, не сразу нашлась, что ответить. Кажется, даже залилась румянцем.

— Что, сквозь маску видно?

Выходит, конопатая, если не ты заехала в пах бывшему, то тебе заехали... и по-настоящему. Ведь только что за уши с того света девку выволокли, а какова! Учись, как надо!

— При чём тут маска? — продолжала надсадно шептать пискуша. — Мне кажется, я утром почувствовала ваше присутствие в квартире. Вы были в кладовке, верно? Стасик не чувствовал, а я...

— Почему же не убежала? Почему не остановила его?

По бескровному лицу пробежала снисходительная усмешка:

— Поздно было. Если заявила в чужую квартиру с хахалем — какой смысл коней на переправе менять!

Вика быстро представила себя на её месте и поёжилась, так как между лопаток прокатился озноб. Про кладовку девушка знать никак не могла! Если бы она, Вика, ощутила чужое присутствие — ни за что бы в постель не легла с этим... Под любым предлогом смылась с глаз долой. Другое дело, что такого с ней никогда не случилось — не умела она видеть сквозь стены. Не дано!

— За что он тебя так?

— За то, что вы его застукали. Надо же было на ком-то злость сорвать. А под рукой только я. Во всём виноватая, крайняя... Не было бы меня, не было бы такого... как он выразился, засвета.

В реанимации кроме них и анестезистки за столом больше никого не было. Вика взяла со стола историю болезни, пролистала.

— Ну-ну, продолжай... Евстолия, — с трудом разобрал почерк дежурной медсестры на истории, Вика жестом показала, что слушает. — Вот, значит, как он это называет — засвет? Очень интересно. А мне он по-другому объяснял причину избиения... Совсем по-другому.

— Я знаю, — перебила её пострадавшая соперница, хотя каждое слово ей давалось с трудом. — Я ваш разговор в отделении полиции очень хорошо представляю. Он наверняка говорил, что я попыталась... занять как бы всю... лодку, а вам не гожусь даже в подмётки... За это якобы и избил... Потом наверняка умолял на коленах... Я права?

— А на самом деле ты этого не говорила? Про лодку?

— Мы про вас вообще не говорили. Он пытался начать, но я не поддерживала разговор. На душе и так было скверно, к чему всё?!

Вика опустила на стул рядом и медленно перевела взгляд с истории на избитую девушку.

— Евстолия, ты что, ясновидящая?

— Бабушка у меня была такой, а на меня лишь иногда что-то находит... В самый неподходящий момент. Когда не надо бы — тогда и вижу. И обычно то, чего не надо.

Вика перелистнула несколько страниц в истории, и не нашла то, что искала. Не было ничего сказано о беременности и выкидыше, не было даже осмотра гинеколога.

— Как у тебя дела с месячными?

— Нормально. Неделю назад закончились.

Отложив в сторону историю, Вика автоматически посчитала у соперницы пульс, измерила давление. Потом улыбнулась и поднялась:

— Ладно, давай, поправляйся. Всё не так уж плохо.

— Извините, Виктория... Юрьевна, — пострадавшая кое-как разобрала отчество на бейдже. — Из-за меня у вас, кажется, сломалась личная жизнь. Я виновата... в ваших...

Вика жестом остановила её мучительный поток извинений:

— Тебе нельзя много говорить. Отдыхай и поправляйся. Ещё не известно, кто виноват в чьих проблемах. Не проспи я сегодня утром, не зайди в спальню в самый неподходящий момент — глядишь, и не попала бы ты сюда. Так что... мы обе хороши. Давай не будем. А что касается Стаса... Нет, это не он пытался меня поцеловать, он в полиции, а я на работе.

Евстолия собиралась ответить, но Вика приложила палец к её губам.

Телефон бывшего оказался недоступен.

Она быстро шла по больничному коридору и негодовала: никогда её так не обманывали. Бессовестно, низко, подло. Как он мог опуститься до такого?! Ведь знал, что рано или поздно ложь раскроется.

У них самих скоро должен был появиться на свет внук, Эдичка прекрасно знал об этом! Невестка Оксана ходила на последнем месяце...

Дешёвка! Что он выиграл? Чего добивался?

Хотя понятно чего.

Вика вдруг вспомнила душную обстановку кабинета Борщука, когда услышала по телефону слова Эдуарда о прерванной беременности Евстолии. Так ярко представила, что в больничном коридоре ей стало не хватать воздуха. Она остановилась у окна, подробности в голове наплывали одна на другую.

В тот миг она люто возненавидела Стаса.

Бить ногой беременную в живот — невысказанно! В пылу ненависти не стала заходить напоследок в... этот... «обезьянник» — кажется, так называется зарешеченное помещение, куда Заривчацкого временно поместили. Хотя за минуту до этого хотела. А беременности не было! Эдичка соврал!

Сотовый, который она сжимала в руке, неожиданно проснулся.

Звонил сын Антон:

— Ма, привет... Что у вас там происходит? Я понимаю, вы разбежались... Но не до такой же степени! Батяня недоступен, естественно.

Что-то в голосе сына проступало такое, отчего воздуха стало не хватать ещё больше. В виске стрельнуло — саморез уже не вкручивали, по нему долбанули молотком.

— Привет, сынуля! Говори толком... Что ты имеешь в виду? Почему естественно... недоступен? Он и для меня недоступен.

— Потому что сейчас собственными глазами видел из автобуса, как его под белы ручки выводят из полиции, сядят в автозак и увозят в неизвестном направлении.

Вика переложила трубку из правой руки в левую, а освободившейся попыталась открыть окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Но ничего не вышло.

— Какое отделение?... Которое на Кировоградской? — мгновенно пересохшим ртом уточнила она. — Неподалеку от нашего дома?

— Ага. Ты откуда знаешь? — удивился сын на том конце. — Когда я выскочил из автобуса, было уже поздно. Судя по всему, ты в курсе...

— Да в курсе я, в курсе... Не бойся, ничего страшного. Подержат и отпустят... Так же, как и...

Ей наконец удалось приоткрыть окно. Она сделала вдох и... споткнулась на полуслове, прикрыв рот ладонью.

«Ты что несёшь, конопатая? Уймись! Это же твой сын, ему совсем ни к чему знать, что ты видела утром. Пошади хотя бы его психику! У него, между прочим, жена на сносях!»

— Ма, ты в порядке? Что за скрипы там у тебя? Так же, как кого? — невозмутимо поинтересовалась трубка.

— Антош, давай не по телефону. Это я окно открываю... Заезжайте вечером с Оксаной на огонёк...

— Окси я отвез только что в роддом, на «скорой», схватки начались. Ты скоро бабушкой станешь. Колись давай, за что дедушку нашего замели в полицию?

— Так ты из роддома ехал?

— Ну да... Там сказали, что, возможно... ещё не скоро... Я за всеми причиндалами поехал — в спешке-то позабыли. Ну, там, зубную щётку, зарядку к мобильнику... И тут такое вижу... из окна. Прикинь. Она прикидывала.

Бросив в трубку короткое «Я тебе перезвоню!», она сделала ещё один глубокий вдох. Видимо, слишком много свежего воздуха сразу — тоже вредно. Всё поплыло у неё перед глазами, в виске ещё раз прострелило, ноги подкосились, и Вика провалилась в темноту.

Что-то голубоватое, бесформенное и блестящее переваливалось справа налево, будучи привязано к потолку. Не сразу Вика сообразила, что это голова анестезиолога в синей униформе, маске, колпаке и очках. Она лежала на операционном столе, а доктор, стоя у изголовья, легонько похлопывал её по щекам и приговаривал:

— Просыпаемся помаленьку... Приходим в себя, матушка, наркоз закончился, дышим, дышим... Глубже... Вдо-о-ох... Вот, хорошо.

Голос показался Вике немного знакомым. Где-то в мозгу даже сверкнула догадка, но окончательно оформиться не успела — сильные руки переложили её на каталку, при этом тела своего она не почувствовала — словно летала во сне.

Даже голова была чужая, не её.

«Ты и так во сне, конопатая, — менторски прозвучало в «чужой» голове. — Не верь тому, что видишь, что слышишь. Всё пройдёт, расосётся, как гематома. Вот увидишь, это временно».

Горло саднило, нос заложило, хотелось кашлять. Но кашлянуть не получалось — лёгкие отказывались подчиняться. Мелькали перед глазами чьи-то руки, вверху проплывали люминесцентные лампы.

— Куда везём? — неожиданно раздалось справа.

— В реанимацию, конечно... Это ж надо, так испинать бедняжку! Ведь живого места не оставил... Ирод! Беременную бабу пинать — последнее дело!

— Ничего, ишь... отольются кошке мышки... слёзы... Есть... на свете справедливость... Всё потом... глядишь... зачтётся.

Последний голос, прозвучавший как из тумана сверху, Вика узнала. Постовая медсестра хирургического отделения Лариса, как обычно, немного картавила и тараторила быстро, запинаясь и глотая слюги.

Значит, её после операции везут в реанимационное отделение. Кто её запинал чуть не до смерти? Стас? Или кто-то ещё? С ума сойти!

Вообще, она ли это? Зеркало бы не помешало, но, похоже, никому до её самоидентификации сейчас нет никакого дела, все обеспокоены тем, чтобы доставить прооперированную больную по адресу.

Не видят, что ли, кого везут! Она же главврач! Не похоже...

Она не верила в переселение душ, но... Вдруг это... не её тело?

Случилась какая-то дикая мистификация, непонятный сбой этого самого... континуума. Всё не с ней происходит. А с кем тогда? Может, с Евстолией? С той самой пискушей, с которой она только

что разговаривала? Время отмоталось назад и... поменяло тела? Оно что, сбрендило? Свихнулось?

Она — в теле пiskuши?! Чудовишно! Немыслимо!

Только что с ней в реанимации разговаривала, и вдруг — на тебе! Сама на её месте оказалась. Нет, тут определённо что-то не то! Но что именно?!

Подумав об этом, Вика снова провалилась в темноту.

Очнувшись уже в реанимации от вкалывания в вену. Над её локтевой ямкой колдовала незнакомая медсестра. Кажется, что-то при этом говорила...

Вика прислушалась:

—...Вообще-то мы не допускаем... после операции... да ещё такой... обширной... но этому... участковому полицейскому доктор разрешил... в халате и маске. Всё как полагается. Он с вами поговорить хочет.

На этих словах в кадре появился... квадрат, обтянутый халатом явно не по размеру... Вика ещё подумала, что можно было не застегивать... Удобней ведь...

Не может быть! Не может!

Зрение предательски медленно фокусировалось на волевом подбородке, тонких губах, расплывшихся в улыбке, греческом носе... Глаза «проявились» в последнюю очередь. Стас!

Медсестра невозмутимо закрепила пластырем иглу в вене, выпрямилась, чуть покрутила колесико капельницы.

— Не больше трех минут! — строго сказала тому, кто глыбообразно возвышался за её спиной. — Договорились?

— Как скажете... Меня зовут Глеб Аркадьевич, — представился «квадрат» голосом её любовника, не уместаясь в поле зрения. — Фамилия Могильников.

— Странно, — кое-как прохрипела Вика в ответ. — Мне почему-то казалось, что Стас Заривчацкий. Видимо, ошибалась. Извините.

Ей хотелось, чтобы он улыбнулся в ответ и признался в розыгрыше, как бывало не раз и не два... Но она ошиблась. Квадрат раскрыл журнал, достал из кармана авторучку и зашелестел страницами.

— Ничего, Оксана Валерьевна... Знать меня вы не можете... Мы с вами нигде не пересекались. Лучше скажите, вы помните, что с вами произошло?

Как он её назвал? Оксана? Валерьевна? Так звали её беременную невестку, жену Антона, которую тот сегодня отвёз в роддом. Вика недавно с ним разговаривала по телефону. Она хотела ответить, но Квадрат опередил её.

— Вас жестоко избил муж, Антон Черевко...

«Это бред, конопатая! — с помехами, словно кто-то крутил настройки радиоприёмника, прозвучало в ушах. — Твой сын не способен бить женщин, ты знаешь это. К тому же ты не можешь быть беременной женой своего собственного сына. Это чудовишный сюр! Перебор! Хватит фантазировать, это галлюцинация! Уймись! Не верь!»

— Он сейчас в отделении полиции дает показания, — невозмутимо продолжал «гнуть своё» Квадрат в халате. — Вы сами-то как думаете, за что он вас?

— В том, что на Кировоградской? — хрипло уточнила неожиданно для себя Вика. — Отделение я имею в виду.

— Да, именно в этом, а вы откуда знаете? На Кировоградской... Странно! — хмыкнул Квадрат, потом вдруг округлил глаза, неожиданно по-женски взмахнул руками и заговорил нараспев грудным голосом:

— Что с вами, Виктория Юрьевна? Вы меня слышите? Вот, по-нюхайте...

В нос ударил резкий запах нашатыря.

Реальность распустилась в её глазах бутонем энотеры.

Она сидела на паркете больничного коридора, прислонившись к обогревателю. Рядом на корточках с ваткой в руке застыла та самая незнакомая медсестра из реанимации, впусившая недавно к ней квадратного Стаса. Неподалёку валялся сотовый.

И ватка, и округлённые глаза медсестры, и сотовый слегка плавали, как взвесь в аквариуме. Она взглянула на часы: получалось, что в отключке пробыла минуту-другую, не больше.

— Голова что-то закружилась, — коротко объяснила Вика, отодвигая руку медсестры с вонючей ваткой. — Спасибо, ты мне очень помогла. Кстати, как тебя зовут? Я, кажется, забыла.

— Лизой меня зовут, — пояснила смущённая девушка, помогая главврачу подняться. — Я работаю недавно, так что... Вполне естественно, что вы не знали. Вы точно себя хорошо чувствуете?

В глазах девушки читалась нешуточная тревога.

Ещё бы — не часто найдёшь главврача больницы на паркете в обмороке.

— Не бойся, больше не упаду... Спасибо, Лиза, — выпрямившись и отряхнувшись, Вика подняла свой сотовый и, пошатываясь, направилась к себе.

— Ну смотрите...

— Да, и попрошу тебя, — она схватила девушку за локоть, притянув к себе, выдохнула ей в ухо. — О том, что здесь произошло, никто не должен знать! Удержишь язык за зубами — я в долгу не останусь.

— Обещаю... Могила...

Поднимаясь в лифте, Вика мучительно соображала: что её удивило в ответе медсестры. Когда лифт остановился, вспомнила: в её минутной «бредовой галлюцинации» фамилия Квадрата в халате, который был как две капли воды похож на Заривчацкого, почему-то звучала Могильников...

Одетая секретарша, столкнувшись с ней на выходе из кабинета, вскинула брови:

— Виктория Юрьевна?! Так вы ещё здесь? До вас сегодня невозможно дозвониться... Что-то случилось?

— Я знаю, Зоя... Сегодня у меня сумасшедший день. Форс-мажор. Иди, я отпускаю тебя... Завтра всё доделаем, если что...

Оставшись одна в кабинете, Вика закрылась изнутри, прошла в «чайную комнату», как она называла небольшой закуток, предназначенный для отдыха руководителя, открыла там холодильник, достала бутылку армянского коньяка, взяла плитку горького шоколада.

Когда огонь побежал по пищеводу, как по бикфордову шнуру, она вспомнила, что ей надо сделать безотлагательно. Из хаоса мыслей, бурлившего в её голове, на поверхность вынырнула одна.

Эдичка!

Сотовый бывшего не отвечал. Услышав в третий раз «абонент не отвечает», Вика вернулась в кабинет. В кармане плаща она обнаружила ключи от его мазды — так и не вернула после дневной поездки в отделение полиции. Сейчас её путь лежал туда же.

Да, коньячок выпила... Шоколадкой заела. Но ведь форс-мажор! Обстоятельства! С ней за день столько всего приключилось... Имеет право! Её должны понять!

— Что, простите?

Старичок с тростью остановился неподалеку от неё на стоянке и прислушался. Тут она поняла, что рассуждает вслух, привлекая в сумерках внимание прохожих. И это тоже ей простительно!

— Извините, это я о своём. Не обращайтесь внимания!

Лихо вписавшись в поток вечерних машин, она вспомнила про разговор с сыном. Интересно, родила уже Оксана или нет? Стала она, наконец, бабушкой или...

Антон должен непременно позвонить. Сообщить радостную новость. Нет, она первой звонить не будет... Ни к чему форсировать, нервировать парня лишний раз.

После сложного перекрёстка мысли сменили направление. Что за чертовщина ей привиделась за ту пару минут, что она валялась в обмороке!

Какие ещё выкрутасы её подсознание способно выкинуть?

Эдуарда она случайно обнаружила на небольшой скамейке в детском городке за квартал до отделения полиции. Бывший муж сидел, уставившись в одну точку, никак не отреагировав на её появление. Сигарета в углу рта давно потухла, но он этого не замечал.

— Ты знаешь, я, наверное, уйду из медицины, — пробормотал он, когда Вика уселась рядом. — Нельзя мне быть врачом.

— С чего такой вывод? — удивлённо поинтересовалась она.

— Я сегодня дважды её хотел убить. Реально! И убил бы, если...

Он вдруг осёкся, выплюнул потухшую сигарету, достал из кармана пачку, зажигалку, снова закурил. Затянувшись, принялся раскачиваться взад-вперёд.

— Говори ты толком, — заворчала Вика, легонько двинув его локтем, чувствуя, что, кажется, знает ответ. — Кого ты хотел убить?

— Эту... прооперированную... Андрющенко... И так бы убил, что всё списали на тяжесть полученных травм. Ни одна бы экспертиза не доказала. И твой Заривчацкий сел бы надолго... за убийство!

Вика почувствовала, как между лопаток крадёт по телу неприятный холодок, словно, как в детстве, ей за шиворот попали снежком.

— Ты поэтому мне соврал про её беременность, про выкидыш...

Эдуард повернул к ней лицо. В глазах были слёзы.

— Вот видишь, — криво усмехнувшись, он уронил пепел с сигареты себе на брюки, — ты всё понимаешь.

— Ничего я не понимаю! — Вика вскочила и принялась ходить взад-вперёд перед бывшим мужем. — Как ты оказался в полиции? Тебя видел Антон. Тебя вели... под белые ручки.

— А что мне было ещё делать? У меня крыша поехала, я бы её убил... Особенно после твоего гомерического хохота. Чтобы меня как-то остановили, я пошёл в полицию. В самый последний момент

решился. Потребовал, чтобы дали поговорить с этим твоим... Шум поднял... Ты знаешь, это я умею. Ничего не вышло. Думал, упакуют хотя бы на пятнадцать — даже на сутки не упаковали. Так, пальчиком погрозили, дескать, ай-яй-яй, нехорошо! Вот сию теперь, думаю, что дальше...

«Интересно, конопатая, на какие ещё фокусы способны мужики ради тебя? Один избивает до полусмерти ту, с которой ты его застукала. Другой устраивает дебош в отделении полиции, чтобы его посадили. Что ждёт впереди? При этом на тебя выливается по ушату вранья как с той, так и с другой стороны. Один пытается как-то оправдать свою жестокость, хотя кроме своей неумной похоти там её оправдывать нечем. Другой во что бы то ни стало хочет представить соперника такой сволочью, что ты даже и смотреть в его сторону не будешь. Хотя тот и так сволочь... Хотя... они оба сволочи...

Не кажется ли тебе, конопатая, что пора прекращать этот дешёвый, затянувшийся спектакль?! Не пора ли заставить всех играть по твоим правилам? Пока ты лишь расхлёбываешь последствия, развязываешь завязанные кем-то узлы. Так можно до бесконечности...»

— Вот что, Эдичка! Я тебе запрещаю приближаться к больной Андрищенко ближе, чем на десять метров. Сейчас ты ей уже ничего не сможешь сделать, так как она идёт на поправку. И любое ухудшение в её самочувствии будет выглядеть крайне подозрительным.

— Да? Очень интересно, — он выбросил окурок, быстро вскочил и сграбастал её в охапку. — Это если я тебя сейчас отпущу и ты... по-прежнему будешь... исполнять обязанности главврача. А если я тебя упрячу куда-нибудь, и ты не сможешь выйти на свет божий... В подвал, например...

— Ты что, маньяк?

— Почему бы и нет? После того, что случилось...

Викю обдало табаком. И это, пожалуй, было единственным отличием теперешней ситуации от той, которая случилась в ординаторской пару часов назад. В остальном — всё то же самое, те же сцепившиеся руки на поясице, те же противные и неумелые попытки её поцеловать.

До чего же скучен мир!

Нет, сейчас хохотать она не будет. Изловчившись, резко захала коленом бывшему мужу в пах, вложив в удар всю обиду и злость последних часов. Эдуард резко выдохнул «Кхо!», отпустил её, присел на корточки и заскулил по-щенячьи.

— У тебя вот-вот на свет внук появится, — бросила она ему. — А ты никак не можешь смириться, что от тебя жена ушла. Не будь дерьмом, Красильников! Ты всё-таки мой заместитель.

— Bravo! Я уже хотел вмешаться, но... вы сами справились.

В тишине раздалась скудная аплодисменты. Вика разглядела в свете фонаря приближающуюся квадратную фигуру. Голос один в один напоминал голос Стаса, и фигура, и манеры... Но что-то мешало ей окончательно в приближающемся типе признать своего любовника.

Ситуация снова напоминала deja-vu.

Где-то она уже видела этот силуэт. Только в прошлый раз он был обтянут халатом не по размеру, а теперь на нём аккуратно сидел по-

лицейский китель, на голове красовалась фуражка. Однако это один и тот же человек, в этом она была уверена.

В прошлый раз она его спутала со Стасом, теперь она не повторит этой ошибки. Черт, как же его фамилия?

— Могильников моя фамилия, — словно подслушав её мысли, отрапортовал подошедший. — Глебом Аркадьевичем кличут. Я старший оперуполномоченный горУВД...

Она вспомнила, что решила играть во всём на опережение. Раз решила — надо исполнять!

— Хотите, я догадаюсь, откуда вы сейчас возвращаетесь?

— Интересно, и откуда же? — опешил уполномоченный.

— Из второй городской больницы, после разговора с пострадавшей Андрюшенко. Девушка идёт на поправку, не правда ли?

Могильников сдвинул фуражку, чтобы почесать затылок.

— Неплохо для начала. Ума не приложу, откуда вы знаете?

— Я вас видела во сне... вернее, не во сне... но это неважно, — Вика тараторила быстро, не давая полицейскому вставить слово. — Я уверена, что Евстолия не собирается писать никаких заявлений, возбуждать всяких дел. Она просит Заривчацкого освободить.

— Фантастика! — Могильников развёл руками.

— Я тоже об этом же хочу вас попросить. Дело в том, что я частично также виновата в избиении.

— Каким это образом?

Вика бросила незаметный взгляд на бывшего, который оправился от удара и закуривал очередную сигарету, не пропуская ни одного слова из сказанного ею.

— Я застукала их у себя в квартире. Во время этого самого. У же жалею об этом. Не застукай я их — ничего бы не было. Всё бы закончилось как обычный адюльтер. Выпили бы шампанского, закусили шоколадкой и разошлись.

Эдуард поперхнулся дымом:

— Тебя послушай, так он просто агнец божий!

— А застукала я их из-за звонка вот этого! — Вика с обидой ткнула в бывшего пальцем. — Не позвони он в самый ответственный момент...

«Ой, врешь, конопатая! Уймись! Решила всем сёстрам по серьгам? Отлично помнишь, что собиралась вмешаться, только не знала как. А тут как раз бывший со своим звонком. Очень кстати — как ключ к замку подошёл. Тебе не надо было искать повода, притворяться... Зачем же ты его сейчас топишь?»

— Ладно, — бывший выбросил окурок и, взглянув на часы, направился в сторону своей машины. — Достаточно спектаклей на сегодня. Тебя до автосервиса подвезти? Тебе ведь ещё сегодня машину забрать надо. Ты не забыла?

— Подвези, пожалуй, — после небольшой паузы Вика направилась вслед за ним, бросив взгляд на погоны Могильникова. — Извините, капитан. Вы ничего не видели, мы ничего не видели. Разойдёмся любовно. Лады?

— Как скажете, — снова развёл руками служивый, улыбнувшись и почесав себя за ухом. — До свидания!

Всю дорогу до сервиса Эдуард молчал, словно набрав в рот воды.

Это Вику устраивало: ей было не до его приставаний. Она не знала, как себя вести со Стасом. Стоило про него подумать, как рассудок отказывался ей подчиняться. Обними её сейчас не Эдичка, а Стас, к примеру, она бы не смогла ни рассмеяться ему в лицо, ни заехать в пах. Совершенно точно!

Это ли не доказательство, конопатая, к какому берегу надо грести и куда в конце концов приставать?! Ведь ясно же!

Ясно-то ясно, но как только она вспоминала, с каким неистовством Заривчацкий рычал, будучи утром в её постели отнюдь не с ней, как сладострастно попискивала, закатывая глазки, эта травмированная куклолка, с которой они, кажется, даже нашли общий язык потом, ясность мгновенно улетучивалась, не оставляя следа. Снова наплывал туман, в котором ничего невозможно было разглядеть.

Разве такое можно простить? Забыть? Сделать вид, что не поминишь?

Нет, похоже, приставать к этому берегу пока рановато. Хотя — рано или поздно придётся.

Ясно как раз было всё с Эдичкой. Он перед ней чист как стёклышко, в порочащих связях замечен не был.

Вика незаметно разглядывала его скандинавский профиль, покачиваясь рядом на сиденье. Бывший, кажется, восстановился от всех утренних и дневных потрясений, обрёл трезвость рассудка и больше не станет предпринимать радикальных попыток для сближения.

Ну и хорошо, его тоже можно понять...

Оказавшись за рулём своей машины, Вика почувствовала небывалое облегчение. Вот что, оказывается, надо было ей! Она и не догадывалась, что разлука с четырёхколёсным конём подтачивала незаметно её силы, выводила из себя.

— Скорее всего, дребезжит цепь, — сделал заключение усатый начальник сервиса, когда она заплатила всё по счёту. — Не критично, ездить можно.

— Можно-то можно, — возразила автолюбительница, подгоняя кресло под свои — «миниатюрные» — размеры, но я по утрам, пока прогреваю двигатель, бужу всю округу.

— Кто-то громкой музыкой будит, — развёл усатый руками, совсем как Могильников полчаса назад, — а вы, стало быть... Неповторимым этим шумом. Мы можем заменить цепь, но не факт, что после замены...

— Нет уж, поезжу ещё годик, там посмотрим.

Хватит! Ей так хорошо за рулём! Свою машину она больше никому не отдаст! Стоило отдать — и на тебе! Куча приключений на голову!

Только выехала на проспект — запиликал сотовый. Запыхавшийся Антон сообщил, что ждёт сегодня их с отцом у себя, причём — «безлошадных», чтобы скромно отметить рождение сына.

Отказаться было никак нельзя.

Весь следующий день был заполнен суетой до отказа. Только к вечеру, собираясь уходить с работы, Вика вспомнила про Стаса. Несколько секунд смотрела на сотовый, но так и не осмелилась позвонить.

Всякий раз, когда потом собиралась сделать это, перед глазами начинала маячить элегантная ножка с болтавшимися на ней трусиками, в уши влетало постановление и похотливый кабаний рык.

«Надо выждать, протянуть время, — твердила она себе. — Конопатая, уймись! Сотовый у него наверняка конфисковали на время. Так что связь у вас исключительно односторонняя. Он может позвонить, ты — нет. Если хочешь к нему — беги в отделение, тебя пустят!»

Она и хотела сбежать, но что-то удерживало. Нужен был веский повод — например, избитая пискуша без сознания. Она безоглядно тогда полетела разбираться. А сейчас что?..

Нет, сейчас она не побежит.

Как назло, Стас не звонил.

Видимо, не хотел.

Ушла вся в заботу о новорождённом внуке, у которого нарастала понемногу желтуха. И мать, и её малютку перевели в отделение патологии новорождённых. Антон, Эдуард и она — когда порознь, когда вместе, — периодически навешали счастливую родильницу.

Как могла, Вика успокаивала сына, твердя, что желтуха новорождённых — часто встречающееся осложнение, с ним сейчас медицина борется вполне успешно, поэтому расстраиваться молодому папаше не следует.

Как-то поинтересовалась у бывшего самочувствием избитой Андрюшенко: перевели её из реанимации или нет.

Ответ обескуражил: её не только перевели, но и выписали.

— Выписали, кстати, — прозвучало, как приговор в суде. — Сегодня.

Эдуард стоял в её кабинете возле раскрытого окна.

— Что значит, выписали? — Вика растерянно оторвала глаза от монитора, сняв антибликовые очки. — У неё такие гематомы...

— На ней всё заживает как на собаке, — невозмутимо сообщил бывший, не отрывая глаз от того, что происходило за окном. — Кстати, я узнавал, сегодня выпустили и твоего этого... Отелло. Так-то ему пятнадцать суток полагалось, но за хорошее поведение, видимо... Да и ты о нём наверняка похлопотала, опять же... Как его? Заривчацкий, кажется?

— Ни за кого я не хлопотала, — не чуя под собой ног, Вика поднялась из-за стола и медленно подошла к окну. — Больно надо!

— Значит, просто за хорошее поведение. Такое тоже случается.

В следующую секунду она разглядела за окном на скамье в парке целующихся любовников. Коренастый брюнет обнимал хрупкую пискушу. Знакомый мохеровый шарф норовил вот-вот упасть в грязь, но Стасу, похоже, было не до него.

Вика кое-как устояла на ногах. Быстро отвернулась от окна и прислонилась к стене. Резко почувствовала нехватку воздуха.

— Скажи... ты знал?! — навзрыд кое-как выговорила она, потом повернулась к Красильникову, схватила за ладканы халата. — Ты знал, знал и молчал! Потому что... тебе выгодно, на руку это всё! Ну ты и...

— Для меня это такой же сюрприз, как и для тебя, — он с трудом расцепил её пальцы, усадил в кресло, налил из сифона воды. — Честно слово. Ну клянусь тебе! Не веришь?

Дождалась, конопатая?! Тянула, тянула... И вытянула! Фигу с маслом! Надо было бежать в полицию!.. Может, это просто чувство вины? Он её отколошматил, сейчас извиняется... Под твоими окнами?! Хотя — непохоже это на него. Ох, непохоже! У него было время всё взвесить. «За» и «против».

Тот же саморез знакомыми движениями начал ввинчиваться в правый висок, та же предательская слабость появилась в ногах... Невыносимо!

«Господи, за что так жестоко? Что я тебе сделала?»

— Эдик, сходи, пожалуйста, в закуток, — она дрожащей рукой достала из кармана ключи и протянула их бывшему. — Достань из холодильника коньяк, шоколадку... Иначе я сейчас свалюсь.

Он уже поднялся, чтобы идти, как вдруг в кабинет постучали.

— Виктория Юрьевна, можно? — голос Вике показался знакомым настолько, что в горле тотчас пересохло.

Скрипнула дверь, в проёме она сквозь слёзы разглядела улыбающегося Стаса с букетом синих орхидей — её любимых цветов.

Красильников застыл на полпути. Стас подошёл к ней, опустился на колено, протянул букет:

— Прости меня, пожалуйста!

— Где ты достал «Ванду» у нас в городе? — прошептала она, будучи не в силах удержать подарок в руках.

— Пусть это будет моим маленьким секретом, — он помог ей поставить цветы в вазу, стоящую на тумбочке. — Я сейчас наберу воды. Ты сиди.

— А кто тогда сейчас обнимается там? — задал свой вопрос Красильников, всё ещё стоя посреди кабинета, не зная — идти ли ему за коньяком и шоколадкой, или уже не нужно.

Стас подошёл к окну, взглянул куда указывал Эдуард.

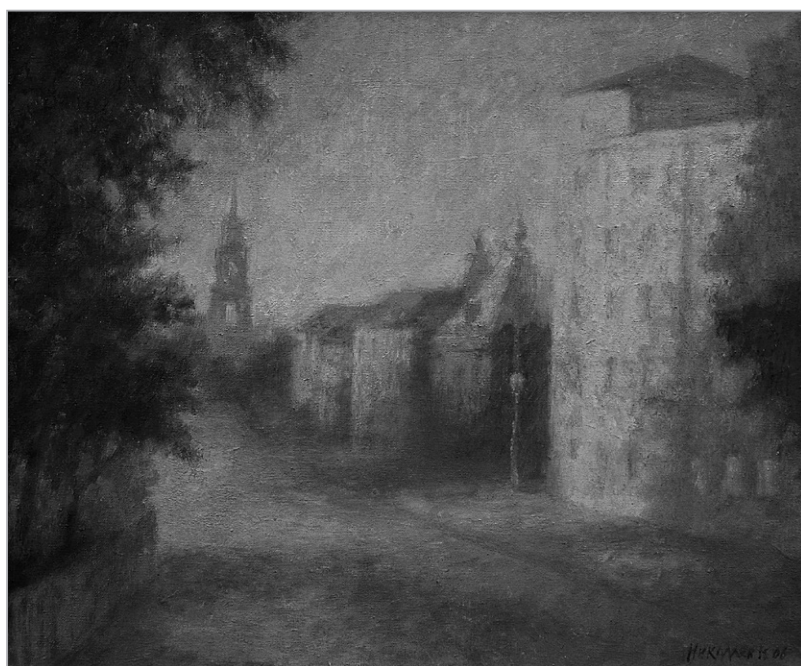
— Это капитан Могильников. Он её навешал... в больнице у вас... Да и влюбился... Что он, не мужик?

— А как же мой подаренный шарф? — поинтересовалась Вика, к которой постепенно возвращались силы.

— Извини, он ему настолько понравился, что пришлось подарить. Меня, собственно, потому и освободили досрочно, что я ему разрешил закрутить роман с Евстолией и... шарф подарил... Кстати, где у вас можно воды набрать?

— Эдуард, — Вика кое-как поднялась с кресла. — Ты забыл, куда я тебя направила? Там же и воду наберёте в цветы.

Когда оба мужчины скрылись ненадолго в закутке, Вика подбежала к столу, взяла с кресла сумочку, достала оттуда косметичку, и, плюхнувшись в кресло, начала быстро приводить себя в порядок.

Часть 3

Владимир ЯКУШЕВ

«ВПАДАЮТ ВСТРЕЧИ В РАССТАВАНЬЯ...» Статья

Эта одна из редких нейтральных, спокойных фраз, констатация грустного факта в непредсказуемой и напряжённой книге любовной лирики Игоря Тюленева. Со всем хорошим и драгоценным приходится расставаться с течением времени. Всё становится воспоминанием, даже если ты остаёшься в тех же местах с теми же людьми, или встречаешься с былым, но это всё уже другое: совсем не то, что живо помнится тебе *«Не только я, не только ты, а вся Россия изменилась!»* — успокаивает своего лирического собеседника в аналогичной общебытийной ситуации Николай Рубцов. И вот ты стоишь, задумавшись, на «звёздном берегу» этой мысли: *«Впадают встречи в расставанья... свистят меж ними расстоянья...»* И понимаешь, в контексте соседних стихов, что любовь жгучая — прошла. Но человек, созидатель мира любви, сильнее, он не ищет утешения. Созданного им мира больше нет. Что ж из того? Вокруг нарождается новый мир. А мир без любви не останется.

Книга Игоря Тюленева «Сто стихов о любви: Стихотворения» вышла в Перми в 2020-м.

В литературной жизни Игорь Тюленев из тех редких поэтов, к которым современники относятся постоянно с завышенными ожиданиями. И он их раз за разом оправдывает. Иногда с большим шумом. Это вызвано радикальностью требований, которые поэт предъявляет к реальности с точки зрения народного идеала, воплощаемой им в образном размахе (по масштабу размах этот у Тюленева и, конечно, у его учителя Ю. П. Кузнецова естественно, как дыхание, совпадает с магической, обрядовой космической народной поэтикой) с русской мечтой, Будущим. В котором совпадает «вечное», «историческое», «идеальное» и деятельное «настоящее».

«Выйду я в чисто поле и стану на восток лицом, на запад хребтом, покрываюсь я всеми небесными облаками, умываюсь росой, утираюсь зарёю, подпояшусь я поясом... поднебесными частыми звёздами» (заговор).

Фото: Владимир Бикмаев

Владимир Викторович ЯКУШЕВ — уроженец Урала. Окончил Чердынский лесотехнический техникум, в Перми — филологический факультет государственного педагогического института, гуманитарный факультет государственного технического университета. Работал на пермских заводах. С 2010-го — председатель Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми.

...Графит прожёт, а вслед за ним глагол
Ударил... и остался отпечаток.
Я в море встал, как подъяремный вол,
И потащил его, от шторма шаток.

...Сказали, что виновен в этом был.
Недавно говорили же другое...
Я море на себе домой ташил,
Как при пожаре ташат дорогое (Тюленев).

...Матерь Божья над Русью витает,
На клубок наши слёзы мотает,
Слёзы мёртвых и слёзы живых,
Слёзы старых, и малых, и средних,

Слёзы первых и слёзы последних...
А клубок всё растёт и растёт.
А когда небо в свиток свернётся,
Превратится он в новое солнце (Кузнецов).

Субъектность народного самосознания, первооснова душевной жизни русского народа — во врождённом глубоком чувстве родства человека со всем, что есть в мироздании. И с самим мирозданием в целом. А родственность — это семья, это, в сущности, изначальная любовь. Упомяну очевидное, знакомое каждому первокурсником по сборнику фольклора, по курсу устного народного творчества. Каждый дом крестьянина представляет модель космоса, где светит солнце, идут дожди... Звёзды, как положено, водят хоровод. Луна и солнце на своих местах. А смысл жизни человеческой, его труда в том, чтобы эта космическая жизнь, одушевлённая и олицетворённая, не прекращалась, продолжалась со всей полнотой своего бытия и красоты. И крестьяне семьями выезжали на покос или хлопотали по хозяйству не просто в силу прагматики, а и потому, что от этого зависело, взойдёт ли завтра солнце, не пропадёт ли месяц. Не сделаешь — обрушится небесный свод. Это источник вечного мифотворчества народа, его жизненной поэзии, которая есть его драгоценный философский камень. Вот этого нельзя не увидеть в творчестве Игоря Тюленева — непрерывной образности. Или, как писал Есенин, непрерывно струящийся, разворачивающийся, длящийся, живущий образ (миф).

Книга о любви... Для поэта — это «Песнь песней»! Пугающая ответственность. Вынуть любовь из русской классики — останутся развалины, что от «Тараса Бульбы», что от «Войны и мира», от любого произведения... А тут книга — исключительно об этой онтологической тайне человека. Пропустить в современной поэзии подобную книгу никак нельзя. Это для понимания состояния современника, народа многое может дать. Может, отрицательного, горького. А может, сильного, обнадёживающего... Особенно если знаком с творчеством автора.

И ожидания оправдаются. Головокружительная космогония любви. Зияющие безднами души стихотворения о плазме переживания любви. Вот одно из них.

«Что есть ад? — Страдание о том,
что нельзя уже более любить».
Фёдор Достоевский

Перечитываю эсэмэски,
И тебя сквозь планету зову...
О стекло бьются звёзды-орешки —
Отлетают и тонут в пруду.

Тонут дни, и уносит их время,
Наши дни — где мы были с тобой!
И молчит телефон, в трубке — немо...
Может, это на станции сбой?

Расцветут под окошком пионы,
Май вернётся, вернётся июнь?..
Не проспать бы и не проворонить,
Ты меня, милый друг, надоумь!

В сны вернись — больше негде встречаться.
Эти сны, как незримая нить...
Обещаю, впредь буду стараться —
Никого никогда не любить!

Помимо того что дорогим ностальгическим чувством стих коротко замыкает на русскую классику — «Что-то всеми навек утрачено. / Май мой синий! Июнь голубой!» (Есенин) — жалит ещё не ушедшее и печёт душу желание: «В сны вернись — больше негде встречаться. / Эти сны, как незримая нить...» А обещание «впредь буду стараться — никого никогда не любить» — это и признание, что любовь взяла лучшее и самое сильное из того, на что способно было сердце.

Или вот признание-стихотворение, в котором сам себе удивляется человек: ранее ему казалось, что подобной слепой, яростной мощи и предательской нежности его хладнокровный ум не допустит.

Синие шорты, как солнце футболка!
Я же похож на сибирского волка,
Сильный, лохматый с душой молодой!
Вы не возьмёте к себе на постой?

Буду лежать у дверей и рычать,
Первым незваного гостя встречать!
Синие шорты, как солнце футболка,
Как же искал тебя, девочка, долго!

Так вот пришла молодая любовь,
Разбудоражив уснувшую кровь.

Задерживаешься на отдельном стихотворении. Останавливаешься на ступеньках строчек... Образы, смыслы пересекаются, пере-

множаются, рассыпаются по текстам как «ядра — чистый изумруд», облачённые в золотую скорлупу строф.

*Ты помнишь, поле колосилось,
Дул в спину лёгкий ветерок,
И птица с криками носилась,
Как в строчку не попавший слог?*

*Река искала вдохновенье,
Свистели вслед ей соловьи,
И месяц плыл, как ударенье,
Над тайной пристанью любви.*

Мягкая нежность, ощущение близости и доступности красоты не отстранены у Тюленева от грубоватой низовой обыденности. Его добрая, ироничная усмешка снижает напряжение, чтобы «...О Господи!.. и это пережить... / И сердце на клочки не разорвалось...» (Тютчев):

*А я стоял в недоуменье,
Поверить всё ещё не мог...
Моё сознание тюлень
Скакало с пятки на носок!*

Течение жизни, её неостановимость, и наша единичность в ней. Острое чувство всепроникающей жалости от того, что как мгновение ни прекрасно, но оно «мгновенно» оборачивается в дымку воспоминания. Это именно наша, ни с чем не сравнимая, восхитительная «светлая печаль», проникнутая сердечным сочувствием...

*Китайка по имени Ли...
Имя втиснет моё в иероглиф.
Её алое сердце продрогло,
Как фруктовая роша вдали.*

*Переправа с обеда пуста.
На террасе бумажный фонарик.
Чёлка тучи на тын завита.
В стороне докурю свой чинарик*

*И заброшу за рисовый холст.
На дорожке, бегущей к утёсу,
Навесной где качается мост,
Громяхают тележки колёса.*

*Ты работай, а я отдохну,
На пригорке у входа в пещеру.
И не слушай мою болтовню,
Говорлив я сегодня не в меру.*

*Над водой наклонился бамбук,
Как медбрат над поверженным телом.*

*На тростинке играет пастух,
Цапля чертит по воздуху мелом.*

*Путник лотос на озере рвёт,
Взбили воду осенние гуси.
Дева слёзы на мельницу льёт
В два ручья из печали и грусти.*

...На столе книжечка, как птаха. Распушились страницы, как крылья. Сто стихов о любви прочитаны. Но стихи не оставляют тебя, они всё ещё рядом. Прислушиваешься... И чудится, что «...*В окошко кто-то женским кулачком / Стучит, стучит, как между рёбер сердце*».

Владимир ГЛАДЫШЕВ

ПЕРМСКИЕ ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ, или СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ. Очерк

Все ждали перемен! И дождались... Во второй половине XIX века, на волне новых веяний в обществе в губернском городе Перми начали устраивать литературно-музыкальные вечера. В сравнении со столицами это были, пожалуй, довольно скромные посиделки. Однако вечер, состоявшийся в пермском доме с колоннами — Дворянском (Благородном) собрании на ул. Сибирской — стал знаменит во всероссийском масштабе.

Что, собственно, произошло в тот промозглый осенний вечерок 27 ноября 1860 года? Евгения Толмачёва, жена статского советника, председателя Пермской казённой палаты, читала «Египетские ночи» А. С. Пушкина. Вот, кажется, и всё. Но выбор темы, но острая постановка вопроса, но разгоревшаяся дискуссия...

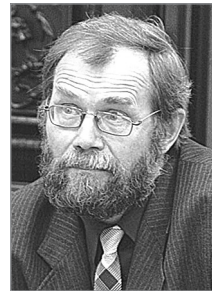
Отвечая на вопросы после чтения, госпожа Толмачёва смело осудила остальные взгляды на роль и место женщины в обществе. Публика была ошарашена столь необычным и даже вызывающим поступком статской советницы. Молодые зрители пришли в восторг, но некоторые слушатели стали выражать возмущение. Возмущались в различной форме, и в открытой, и с помощью подмётных писем и кляуз. И пошла писать губерния...

Вечер, прошедший в пермской «Благородке» (как ещё называли здание Дворянского собрания завсегдагаи), стал поводом для широкой полемики, в которую были вовлечены виднейшие публицисты и писатели того времени: Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Д. И. Писарев, В. С. Курочкин, М. Н. Катков, А. Ф. Писемский, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский и другие.

«НЕ ПО-ГУБЕРНСКИ ПРОСТО И ХОРОШО»

В феврале 1861 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась корреспонденция под названием «Из путевых заметок. От Санкт-Петербурга до Иркутска», подписанная двумя буквами — М. Т. В корреспонденции пером очевидца были детально описаны события того вечера....

Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове/Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Публиковался в различных сборниках, альманахах, журналах и газетах, в т. ч. «Литературная Пермь», «Пермский писатель». Первая книга вышла в городе Перми в 1985 году: «И нам его беречь». Автор более десятка книг, в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/России (1980). Член Союза писателей России (2009). Лауреат нескольких премий, в т. ч. им. А. Гайдара. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

...Молодая, высокого роста женщина, «с очень красивой, эффектной и замечательно-выразительной наружностью» была встречена публикой громом аплодисментов. Её костюм состоял «из чёрного бархатного платья, гладких батистовых рукавов и такого же воротничка мужского покроя, на голове её был чёрный чепчик с длинными полосами из белого газа, усеянного чёрными мушками...». Это и была госпожа Е. Э. Толмачёва.

В тот необыкновенный вечер всё было, как пишет восторженный репортёр, «не по-губернски (!) просто и хорошо».

Толмачёва читала «Египетские ночи», по отзыву того же корреспондента, прекрасно, «просто и вместе с тем эффектно, с полным пониманием внутреннего смысла стихов, с умением придать надлежащее значение каждой мысли и каждой картине поэта».

Выбор стихотворения вызвал у одних удивление, у других — осуждение. У части публики было заметно «чувство оскорблённого достоинства и потревоженной добродетели». Один из слушателей, молодой офицер, задал Е. Э. Толмачёвой вопрос по поводу выбора ею этого, с точки зрения «добродетельной» публики, непристойного стихотворения для публичного чтения. Ответ был дан с удивительной твёрдостью и смелостью:

— Если мы все, и мужчины, и дамы, и девицы, читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевили, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведение великого поэта!..

Она не находила это стихотворение нескромным. «Добродетельную» публику особенно шокировали слова Клеопатры из стихотворения А. С. Пушкина: «Скажите, кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?» По мнению Толмачёвой, если это не говорится, то зато делается на каждом шагу:

— Мы чуть ли не каждый день видим, как молодые женщины продают себя, и не на одну ночь, а на всю жизнь — противным, дряхлым, но богатым старикам.

Она резко отозвалась о существующей системе воспитания девушек с её замкнутостью, мелочной опекой, оторванностью от жизни, науки и знания, высмеяла нелепые, отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе.

В статье, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях», высоко оценивались общественная самостоятельность пермской интеллигенции, её прогрессивные начинания, её планы содействия народному образованию. Автор репортажа не скрывал своей солидарности со взглядами, высказанными Е. Э. Толмачёвой, и выражал пожелание, чтобы её слова «приняты были к надлежащему сведению и в просвещённых столицах» (!).

Как же отнеслись читатели в столицах к пермскому событию, да и к самому факту выбора стихотворения? Это действительно «бесстыдное сочинение» или «чудо поэтического искусства»?

Приведём одно «третейское» суждение.

Во вспыхнувшей дискуссии Ф. М. Достоевский занял вполне определённую позицию. Он не просто не согласился с одним из публицистов (М. Катковым), считавшим пушкинское стихотворение эротическим творением и только, но Фёдор Михайлович с жаром

вступился за поэта, можно сказать, он отчитал критикана как мальчишку. Судите сами.

«Да, дурно мы понимаем искусство. Не научил нас этому и Пушкин, сам пострадавший и погибший в нашем обществе, преимущественно за то, что был поэтом вполне и до конца».

Цитируя эту страстную отповедь писателя, Юрий Селезнёв, автор биографии Достоевского (серия ЖЗЛ), замечает: «Толмачёву, он [Ф. М. Достоевский], конечно, не знал... но дело было и не в ней самой; дети и женщины — так он чувствовал — извечные униженные и оскорблённые, и кто же, как не русский писатель, обязан сказать своё слово в их защиту?»

Вступая в борьбу с катковыми и иже, Достоевский прекрасно понимал, пишет ещё биограф, что легко не будет, да и помощи ждать неоткуда.

Однако, как показали ближайшие события, насчёт помощи Фёдор Михайлович ошибался...

ВОЗМУТИТЕЛЬНИЦА СПОКОЙСТВИЯ

К такой расстановке акцентов в жарком споре хочется добавить: «Да, Толмачёву писатель не знал... а жаль!» Сдаётся нам, что Фёдор Михайлович, познакомившись с пермской деятельницей, смог бы оценить эту личность по достоинству. Оценить, а быть может, и увлечься ею в какой-то степени. Потому как не увлечься этой красавицей, по оценкам современников, «женщиной высокоразвитой и передовой в лучшем значении этого слова» (!), было просто невозможно.

И я начал с увлечением собирать сведения о столь необыкновенной для наших краёв личности. Поиск растянулся на годы...

Евгения Эдуардовна родилась в Оренбурге в 1826 году. Девочка получила хорошее образование в семье, она имела такую возможность: её отец был известный учёный-ботаник, профессор Казанского университета Эдуард Эверсман. Базовое образование она тоже получила: Евгения блестяще окончила Марининскую гимназию в Казани. Увлечшись теориями французских публицистов Прудона и Мишле, стала «эмансипированной женщиной».

На пути её развития в передовую, эмансипированную гражданку не стало препятствием и замужество, последовавшее в 1844 году, когда ей было 18 лет. Муж, Александр Афанасьевич Толмачёв, преуспевающий чиновник, служил некоторое время в Оренбурге, затем в Калуге. Там с семьёй Толмачёвых познакомился молодой офицер М. Тиммерман. Отмечаем сей факт, потому что данному персонажу предстоит сыграть заметную роль в судьбе нашей героини.

В конце 1850-х годов Толмачёв был переведён в Пермь на должность председателя Казённой палаты. Туда же переехал и Михаил Тиммерман, с которым Толмачёвы познакомились как с героической, незаурядной личностью. Шутка ли: служил на Кавказе, участвовал в пленении вождя горцев Шамиля. Был ранен, лишился руки, награждён Георгиевским крестом. Тиммерман явно был увлечён Евгенией Эдуардовной, он следовал за нею, как нитка за иголкой.

В Перми Евгения Эдуардовна оставила о себе добрую память как о благотворительнице и одной из первых феминисток. Она участвует в организации народных библиотек, благотворительных литературно-музыкальных вечеров, в открытии женской гимназии и воскресных

школ. Е. Э. Толмачёва — член Дамского попечительного о бедных комитета, директриса губернского попечительного комитета о тюрьмах. В комитете о тюрьмах Евгения Эдуардовна стала правой рукой председательницы комитета, а председателницей была «первая дама» — супруга начальника губернии (Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г.).

Вечер, о котором идёт речь, проводился как раз с целью сбора средств для учреждения в Перми воскресной школы. Сначала в Благородном собрании выступил Д. Д. Смышляев, председатель губернской земской управы. У Дмитрия Дмитриевича была целая программа с чтением ряда стихотворений, рассказа Глеба Успенского и отрывка из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя. Собравшиеся в зале «Благородки» остались очень довольны появлением видного земского деятеля (который был ещё и краеведом) в столь неожиданном амплуа.

Явно не без влияния этого прогрессивного земца появилась в программе госпожа Толмачёва. И попал в точку! Самый ошеломительный успех выпал на долю статской советницы.

О РОЛИ СУВОРОВСКОГО ПРАВНУКА

Ещё одно важное обстоятельство. Воскресная школа, в пользу которой проводился благотворительный вечер, основывалась при библиотеке А. И. Иконникова, открытой в 1859 году «для успешной пропаганды революционно-демократической литературы». Под прикрытием библиотеки существовал революционный кружок, именуемый в жандармских документах «Обществом вольнодумцев» и объединявший политических ссыльных, разночинную интеллигенцию, военных, учащихся. В уставе кружка было отмечено, что «книга — важнейшее легальное оружие революционного преобразования страны».

Отметим, что именно из-за кружка Иконникова Пермь опять «прогремела» на всю Россию. Поскольку местные жандармы оказались неповоротливы и бессильны в борьбе с крамолой, для искоренения преступных замыслов в Пермь был командирован сам флигель-адъютант царя, 34-летний жандармский подполковник Н. В. Мезенцов¹ (между прочим, правнук Суворова). С пермскими революционерами Мезенцов справился быстро, умело и радикально. Общество было разгромлено в зародыше.

Пермский успех обеспечил Николаю Мезенцову быстрое продвижение по службе; в 1876 году он станет шефом жандармов. Блестящая карьера суворовского правнука будет оборвана террористами: в 1878-м Н. В. Мезенцов был убит революционером-народником С. М. Кравчинским.

РАБИНОВИЧ ПОСТЕСНЯЛСЯ

К тому времени семейная жизнь Толмачёвых заметно разладилась. В обществе уже откровенно шушукались о близких отношениях супруги статского советника с лихим офицером, другом семьи. В этом «треугольнике» всё было вызывающе странно до неприличия. Взять хотя бы то, что Толмачёв устроил Тиммермана в Казённую палату,

¹ Добавим, что именно Мезенцов, получив большую власть в свои руки, возобновил снятый было полицейский надзор за Ф. М. Достоевским.

на хорошее место (руководить библиотекой, которую тогда создали при палате по инициативе неугомонной Евгении Эдуардовны). «Пригрел змею», что называется, на своей груди. На самом деле муженёк просто не мог отказать в такой просьбе своей любимой супруге. Именно она, а не её муж (как гласит официальная версия), выступила в качестве главного организатора библиотеки для чиновников Казённой палаты. И уж конечно, Михаил Тиммерман стал для Евгении Эдуардовны первым помощником во всех начинаниях местной прогрессивной интеллигенции. О революционно-демократической деятельности и конкретно литературных вечерах середины XIX века в Перми ряд работ опубликовал уральский историк Яков Рабинович (см.: Я. Б. Рабинович. Ревнителю прав народных. — П., 1989).

Отметим одну странность: в рассказе о литературном вечере в Перми и всероссийской дискуссии уважаемый исследователь из Свердловска практически обошёл молчаем факт активного участия в данной полемике на злобу дня... писателя Ф. М. Достоевского. Почему-то постеснялся; упоминает только журнал «Время» (издаваемый братьями Достоевскими — Михаилом и Фёдором). Хотя перечисляет в этой связи многих публицистов второго ряда. Я. Б. Рабиновичу показалось странным, что журнал «Время» выступил в защиту... А. С. Пушкина. Выводы уральский исследователь делает сокрушительные для издания: «Журнал назидательно рекомендовал не пренебрегать также и мнениями “старых маменек”».

«Что же делать, — сокрушалось «Время», — если они смотрят ещё на это своими глазами; они опасаются за своих дочерей. Действительно, для отроческого возраста такое чтение может быть даже опасно».

Далее читаем восхитительный пассаж: «Время», выказавшееся на словах (?) «за права женщины», выступило, по существу, противником борьбы за женское равноправие и призывало к пассивному ожиданию такого времени, когда нравственное совершенствование общества обеспечит женщине возможность пользоваться своими правами.

На самом деле всё было совсем не так; критику нужно было дать слово... самому Фёдору Достоевскому, который выступил тогда, как всегда, с открытым забралом².

...И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Для главной возмутительницы спокойствия благотворительный вечер в пермском Благородном собрании обернулся сплошными неприятностями и... новыми горизонтами. Жизнь её круто изменилась.

Важный момент: Евгения Эдуардовна, в сопровождении своего верного друга (того самого пермского корреспондента «М. Т.») и приятельницы Эмилии Европеус съездила в Лондон, где посетила Герцена. Естественно, после такого поступка женщина оказалась

² На ту же тему см. смелые публикации Г. Ф. Коган. Разыскания о Достоевском. Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов (Литературное наследство. — М., 1976, т. 86. С. 583–584). См. также: Н. Ф. Аверина. Ф. М. Решетников и библиотека чиновников Пермской казённой палаты (сб. История библиотеки — история страны. — П., 1995. С. 26–34). Автор последней работы, в частности, выразила мнение: «Личности Тиммермана и Толмачёвой привлекали внимание многих исследователей... но, думается, истинная их роль в политической, общественной и культурной жизни Прикамья не выявлена до сих пор». Сегодня с таким утверждением уже трудно согласиться.

«под колпаком». Управляющий III отделением получает подробную справку о пермской феминистке, подписанную подполковником корпуса жандармов Комаровым 19 ноября 1861 года.

В Пермь Толмачёва не вернулась, переехала в Петербург, затем в Казань. По предписанию начальника Казанской губернии за Толмачёвой был установлен секретный надзор.

В Петербурге новые знакомые устроили её на работу в книжную лавку Н. А. Серно-Соловьёвича, революционного демократа. Эту лавку на Обуховском проспекте и книжный магазин с библиотекой-читальней на Невском проспекте называли штаб-квартирой студенчества. Вскоре, однако, библиотека была разгромлена: Н. А. Серно-Соловьёвич будет осуждён, приговорён к ссылке, где и умрёт в 1866 году.

В те годы Евгения Толмачёва, как установила уфимский краевед Ф. Д. Ахмерова, нередко приезжала в Уфу, жила у брата Александра и у племянницы В. А. Эверсманн-Базилевой. Она словно «брала передышку». Как ни странно, но она, даже находясь под негласным надзором полиции, имела возможность выезжать за границу. Казанский историк М. К. Корбут считал её одним из агентов по доставке запрещённой литературы и распространению её в Поволжье.

«УМОЛЯЮ ИСТОРГНУТЬ РЕБЁНКА»

Интересно, что сложившаяся традиция различного, порой диаметрально противоположного толкования поступков Евгении Толмачёвой удивительным образом прослеживается уже в наши времена, причём и среди потомков рода Эверсман. Один из них, С. Д. Садовников из Уфы, отмечает (в письме автору данных строк):

«Надо понимать, что о дореволюционных женщинах-дворянках архивных документов практически нет — они “при мужьях” были. Ну, разве что сведения об образовании и участии в благотворительных обществах. В связи с этим весьма распространёнными стали статьи о женщинах-дворянках на основе каких-то городских легенд, домыслов, а зачастую и выдумок. Полагаю, так произошло и с Е. Э. Толмачёвой (в дев. Эверсман) — вряд ли дочь прусского барона и сестра статусных братьев-чиновников, супруга крупного чиновника могла стать революционеркой. Конечно, “в семье не без урода”, но даже её встречи с А. Герценом в Лондоне, прочтение “крамольного” стиха, получение и хранение революционной литературы в Перми — это лишь какие-то жизненные эпизоды, отнюдь не подтверждающие “революционный” статус Е. Э. Толмачёвой. Любопытно также, есть ли документы о нахождении Евгении Эдуардовны под надзором полиции».

Как мы убедились, такие документы есть, они опубликованы, хранятся в главном российском архиве — ГАРФе (быв. ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции).

В личном плане у общественной деятельницы всё было сложно. В архиве Казани (ГАРТ) сохранилось жалостливое прошение её бывшего мужа А. А. Толмачёва к начальству (опубликованное упомянутым выше казанским историком Корбутом). Александр Афанасьевич умолял помочь ему «исторгнуть (!) законного ребёнка из рук потерянной матери». Речь шла о пятилетней дочери Софье, а «потерянным» человеком чиновник считал... свою жену, которую предлагал «спасать от угрожающей опасности».

Такая двусмысленная диспозиция обернулась в итоге для г-на Толмачёва вынужденной отставкой и крахом его карьеры. (Это ли не сюжет для писателя Достоевского!)

ПЕРМСКИЕ ТАЙНЫ

Тем временем публицист Достоевский в своей статье «Образы чистосердечия» («Время», 1861, N 3) поддержал писателя М. Л. Михайлова, сотрудничавшего в то время с журналом «Современник». От казанских авторов своего журнала Достоевский, вполне вероятно, и узнал некоторые «пермские тайны», которые журнал «Век» представил «в отвратительном виде».

Полемика нашла отражение и в его романе «Преступление и наказание». Намёк на «пермские тайны» автор вложил в уста не ко-го-либо, а Аркадия Свидригайлова. В своём монологе, обращённом к Родиону Раскольникову, тот напоминает собеседнику «времена благодетельной гласности» (!) и добавляет перцу:

«... Тогда ещё, в тот же самый год, кажется, и “Безобразный поступок «Века»” случился (ну, “Египетские-то ночи”, чтение-то публичное помните? Чёрные-то глаза! О, где ты, золотое время нашей юности!).»

Что за безобразный поступок? Неделю спустя после нашумевшей газетной публикации из Перми Михаила Тиммермана («тот самый «М. Т.» — Прим. авт.) в восьмом номере нового журнала «Век» появился фельетон под названием «Русские диковинки», подписанный псевдонимом «Камень Виногоров». Намек прозрачный: это перевод с немецкого фамилии... редактора журнала П. И. Вейнберга. В качестве юмориста журнала «Век» Камень Виногоров объявлял о намерении «внимательно всматриваться во все диковинки, на Руси происходящие», и помещать их в свои фельетоны, как в кунсткамеру. Первую такую «диковинку» автор нашёл в корреспонденции «С.-Петербургских ведомостей» о литературно-музыкальном вечере в Перми.

«... Не радостно ли узнать, — представлял автор этот первый экспонат своей кунсткамеры, — что эмансипация — вопрос, о котором так сильно хлопочут современные мудрецы, — блистательным образом началась в России — и где же? — в отдалённой Перми, на границах “хладной Сибири”».

Фельетон Камня Виногорова был наполнен пошлыми сентенциями, нечистоплотными намёками, грубыми выпадами против г-жи Толмачёвой. Многочисленные цитаты из «С.-Петербургских ведомостей» автор сопровождал восклицательными и вопросительными знаками и издевательскими комментариями. Его нападкам подверглись и выбор самого произведения для «публичного чтения дамой», и манера чтения, и высказанные Е. Э. Толмачёвой мысли. Он находил в её поступке потерю стыдливости, нарушение светских приличий, её убеждения называл «кавалерскими»:

«... Г-жа Толмачёва прочла публике стихотворение Пушкина “Египетские ночи”... Да, это самое, где Клеопатра предлагает купить ценою жизни одну из ночей её!.. И дама решилась произнести этот стих... Русская дама, статская советница, явилась перед публикой в виде Клеопатры, произнесла предложение “купить ценою жизни ночь её”, и как произнесла!»

Обращаясь к читательницам, Камень Виногоров ханжески взывал:

«Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой светские приличия», — вас приглашают к этому г-жа Толмачёва и почтенный панегирист её, возгласивший миру о невероятном событии устами «С.-Петербургских ведомостей». Не прочтёт ли г-жа Толмачёва ещё другого стихотворения Пушкина, тоже удивительного в художественном отношении, начинающегося стихом «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»? Прочтите, прочтите, г-жа Толмачёва! При чтении его можно ещё лучше принимать вызывающее выражение и делать ещё более выразительные жесты! Уж коли эмансипироваться, так до конца! Зачем останавливаться на полдороге?»

По мнению уральского историка Якова Рабиновича, П. И. Вейнберг в ту пору формально примыкал к демократическому лагерю и имел репутацию передового человека.

СОСЛАЛИ... В «ГЛУХУЮ СИБИРСКУЮ ПОРУ»

Напрасно Фёдор Достоевский опасался, что в своей борьбе за настоящую эмансипацию он останется в одиночестве перед целой командой идейных противников. Помощь пришла с неожиданной стороны. Фельетон Камня Виногорова (Вейнберга) получил достойный отпор. Первым выразил гневный протест и возмущение поэт и переводчик М. И. Михайлов, яркий представитель демократического крыла интеллигенции.

Он отправил письма в журнал «Век», в газеты «С.-Петербургские ведомости», «Северная пчела» и другие. Убедённый и страстный сторонник женского равноправия, активный борец за эмансипацию женщин в России, М. И. Михайлов обрушил на автора фельетона «Русские диковинки» всю силу своего полемического дарования и негодования. Он оценил писания Камня Виногорова как «чёрную клевету», «безобразную», «неслыханную», «пошлую» выходку, которую невозможно оправдать или извинить.

«Такой человек, — заявлял Михайлов, — не может быть терпим в литературе, и суд общественного мнения должен навсегда заклеить его». Михайлов возложил ответственность за появление фельетона и на редакцию «Века», поскольку мнения ответственного сотрудника «перестают быть личными его мнениями и делаются голосом самого журнала».

Михайлов гневно осуждал оскорбительные выпады Камня Виногорова:

«Можно не разделять мнений, которые высказала г-жа Толмачёва, можно находить их смешными и дикими, можно считать решимость её читать публично «Египетские ночи» Пушкина нелепою — всё это, к несчастью, можно ещё в наше время. Но нет, конечно, человека с живым сердцем в груди, который, зная настоящие общественные условия и положение женщины, решился бы публично оскорблять женщину и выдавать её с головою на посмеяние и обиды глупцам и невеждам. И за что же? За то, что она смело заявила своё пренебрежение к невежественным предрассудкам».

В лице Толмачёвой, заявил прогрессивный автор, «оскорблены все женщины — и молчать было бы преступлением».

Дело дошло до того, что «С.-Петербургские ведомости» открыли специальный раздел под рубрикой «Безобразный поступок «Века»». Инцидент стал темой ряда поэтических произведений.

И вот каковы grimасы истории! Михаил Михайлов будет подвергнут уголовному преследованию и наказанию за то, что участвовал в распространении революционной прокламации «К молодому поколению». В 1862 году его отправят в ссылку... в «глухую сибирскую нору». И поведёт его подневольная каторжная дорожка не куда-нибудь, а... в Пермь! Здесь он сделает остановку, чтобы написать пронзительные строки сердечных мук. Посвящал он эти строки своей возлюбленной Людмиле Шелгуновой (Михаэлис), которая была пермской уроженкой.

Лирическое отступление автора...

О, знали бы мы, школяры, изучавшие роман Чернышевского «Что делать?» и «теорию разумного эгоизма», которую проповедовал автор, — знали бы мы, что с нашим родным городом связана потрясающая история неземной любви и холодного расчёта, предательства и героизма! Но в школе мы такие темы «проходили» без погружения в сомнительные подробности сожительства революционеров. (Думаю, не знала о таких историях и наша современница-депутат, по совместительству феминистка, которая недавно бросила через соцсети призыв к землячкам: выходить из тени своих влиятельных мужей, добиваться равноправия на деле...)

Сподвижник Чернышевского, Михайлов воплощал его идеи и в поэзии, и прозе, и... на практике. Да-да, в житейской смуте. Он влюбился в жену своего соратника, писателя Николая Шелгунова. Любовный треугольник разрешился вполне «по-чернышевскому»: Николай уступил сопернику свою супругу, поскольку все трое решили руководствоваться по жизни таким принципом: женщина — это прежде всего друг и соратник. (Сына соратница всё же родила от Михаила.) А когда Михайлова арестовали за «возмутительные антиправительственные сочинения», он взял вину других на себя, в том числе и за прокламацию «К молодому поколению». Лишнее взял, и за это получил «по полной».

Шелгуновы (фактически уже не муж и жена) поедут вслед за Михайловым, в «глухую сибирскую нору», чтобы организовать его побег. И будут схвачены, арестованы, осуждены...³

«ЭМАНСИПАЦИЯ НАЧАЛАСЬ В „ОТДАЛЁННОЙ ПЕРМИ“»

Итог той давней дискуссии можно подвести словами одного из участников полемики: «Какое это общество... может развратиться от того только, что послушает публично художественное произведение? Как же это общество (впрочем, не пермское, а петербургское)... не скандализируется в балете и на публичных балах, баликах и маскарадах развязными танцами? Или канкан (...) художественнее и нравственнее превосходного стихотворения Пушкина?»

С этим выводом в целом был солидарен Достоевский. Он ещё не раз будет возвращаться к поднятым вопросам в публицистике. В той же полемической форме Фёдор Михайлович восклицает:

«Не русскому отречься от своих женщин. Чем наша женщина ниже какой бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны... Не стану тоже говорить о декабристах...» (Дневник писателя, 1876 г.)

³ Подробно об этой романтической истории см. в книге В. Гладышева «Страна любовь».

Время, настрой общества, о котором идёт речь в очерке, лучше всего характеризуется двумя приметам. Как писал публицист Николай Шелгунов, «тогда, при повышенной умственной восприимчивости, землетрясения вызывались легко». И другое общее явление: на знаменах всех журналов того времени была обозначена борьба за равноправие женщин.

Иного мнения придерживалась губернская администрация в Перми. После скандала на всю Россию пермский губернатор А. Г. Лошкарёв (в XIX веке написание его фамилии встречалось с двумя «а»), выждав какое-то время, наложил запрет на литературно-музыкальные вечера. Местная интеллигенция по затронутым в дискуссии вопросам предпочла не высказываться.

* * *

...Евгения Эдуардовна прожила долгую жизнь, почти 90 лет, скончалась в 1915 году в Уфе. Портретов Толмачёвой в молодые годы не сохранилось, но один из представителей её рода, уфимский пенсионер, краевед Садовников любезно прислал мне её фотографию, где она запечатлена уже старушкой, вместе с братом, А. Э. Эверсманом.

В сопроводительном письме потомок пишет:

«Последние годы жизни Е. Э. жила в уфимском доме брата Александра Эдуардовича, моего прапрапрадеда, на углу Губернаторской и Б. Казанской. Снимок сделан на веранде этого дома».

Дом этот не сохранился. Снесено и Старо-Ивановское кладбище, на котором похоронили Евгению Эдуардовну. Сохранился её акварельный портрет неизвестного художника, написанный, видимо, по фотографии; на ней бывшая черноглазая красавица и мятежная возмутительница спокойствия предстает перед нами скромным «божьим одуванчиком»...

Нина БОЙКО

АЛЕКСАНДР.

Главы I–IV из документальной повести¹

«Пусть меня ругают, и после моей смерти ещё будут ругать, но, может быть, наступит тот день, наконец, когда и добром помянут».

Из письма Александра III К. П. Победоносцеву

I

Когда у будущего императора Александра II родился старший сын, названный Николаем в честь деда, с Петропавловской крепости прогремел сто один пушечный выстрел, Петербург и Москва расцветились праздничным фейерверком, молодые родители подарили двадцать тысяч рублей беднякам двух столиц, наследника русского трона крестили, — а дальше пошла привычная жизнь.

Ребенок рос тихим. Зато его брат, родившийся через два года, наверстал за двоих; и если наследника в царской семье называли ласкательно Никса, то брат его Саша надолго остался Сашкой. Росли они вместе, росли как все дети — без слёз и без ссор не обходилось. Никса не дал Саше игрушку, хоть у него было две, Саша ударил его. Воспитатель нашёл, что оба вели себя плохо, и наказал того и другого. Саше купили трубу, чтобы умерить активность, но он так усердно дудел, что мать не смогла это вытерпеть.

«Одной из любимейших наших забав были “лошадки”, а так как у меня были длинные локоны, то я изображала пристяжную. Саша вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком летели вдоль дворцовой галереи, причем в пылу игры Саша нещадно хлестал “лошадей” по ногам. Цесаревич Александр Николаевич и цесаревна Мария Александровна приходили смотреть на наши игры, и помню, как Саша больно ударил меня хлыстом, я рассердилась и ответила ему толчком в спину, а цесаревич заметил ему: “И поделом тебе, Саша, не дерись”.

Особенно доставляло нам удовольствие, когда запрягали мы Александра Николаевича, а сами изображали кучеров и, нисколько не стесняясь, хлопали его бичом. Забавляло водить его на “водопой”, причем всегда упрашивали дать “настоящей

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе Пермской области. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В словесном творчестве тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (номинация «Рассказ», 2005), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (номинация «Очерк», 2010), лауреат литературной премии им. А. Платонова (номинация «Рассказ», 2011). Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе.

¹ При создании произведения использовались переписка и дневники императора, а также воспоминания, переписка и дневники его современников и родных.

воды”, и, в конце концов, сюртук его, пол и окружающие предметы были изрядно облиты. В Царском Селе возле сетки была устроена крепость для игр: воздвигнуты бастионы, выкопаны рвы, стояли пушки; и мы играли в войну. Играли мы и в охоту, я изображала зайца, а мальчики — гончих.

Когда я была уже замужем за тверским помещиком Бологовским, я ещё раз имела счастье увидеть Сашу, впоследствии императора Александра III. Тверское дворянство устроило ему торжественную встречу, мне было страшно, что он не узнает в замужней женщине свою подружку детства, которая была ужасный сорванец, но в зале он прямо подошёл ко мне и, протянув руку, сказал: “А помните, как мы с вами шалили и как нас постоянно бранили? Помните наши игры в Царском и как доставалось вашим локонам?”» (А. П. Бологовская).

Для обучения детей были приглашены лучшие педагоги. Учили молитвам и азбуке, первоначальному счёту; приставленный дядька знакомил с военным делом. Никса в шесть лет уже бегло читал и писал, и мог развести караул. Наставник его отмечал: «Нрав Николая Александровича весёлый, приветливый, кроткий, послушный. Для своих лет он уже довольно много знает, и ум его развит. Способности у него блестящие, понятливость необыкновенная, превосходное соображение и много любознательности».

А Саша был тугодум. Учителя находили в нём простодушие, честность, отзывчивость, однако на этом их положительные оценки заканчивались.

В 1850 году, когда Никсе исполнилось семь, а Саше пять лет, оба были зачислены в 1-й Кадетский корпус и вместе с ровесниками обучались строевой службе в Петергофских кадетских лагерях. Домашнее их обучение с этого года стало отдельным.

Любимым учителем Саши стал Яков Карлович Грот — милый и добрый, обладавший, в отличие от военных воспитателей, богатым педагогическим опытом. Саша встречал его радостными объятиями, и Грот уверял, что он когда-нибудь сломает ему шею. Случалось, Саша шалил во время уроков, прыгал по стульям, прятался под столом, но при этом всегда был ласков и приветлив.

Никсу готовили стать императором в будущем, и потому обучали его профессора Петербургского и Московского университетов, а наставником был сенатор Сергей Григорьевич Строганов. Обучение велось круглогодично, кроме отъездов семьи на отдых, чаще всего за границу. Там Никсу водили в музеи и галереи, знакомили с европейской историей и культурой. Но главный упор всё-таки был на русскую почву, на знание своего государства. Его мать, чистокровная немка, шестнадцати лет приняв православие, считала, что в основу образования детей должны быть положены национальные русские ценности. Она одинаково принимала культурные достижения Запада и славян, полагая, что лучшее надо черпать повсюду, где оно есть, но не стремиться быть «обезьянами и попугаями», ибо не французские и не английские доктрины двигали Россию вперёд, а те чувства и настроения, которые живут в православном человеке и которые во многом противоположны западноевропейским стремлениям и понятиям.

С двенадцати лет Никсу стал обучать русской словесности писа-

тель Иван Александрович Гончаров, уроки которого так полюбились наследнику, что вместо положенных двух он попросил три урока в неделю. Историю преподавал знаток государства российского Константин Дмитриевич Кавелин, но долго не задержался, поскольку составил «Записку» об освобождении крестьян. Шеф жандармов счёл нужным удалить его от наследника.

Обстановка в России в тот год была сложной: умер Николай I, продолжалась Крымская война, о причинах которой историки высказываются по-разному. Одни уверяют, что царь, побуждаемый патриотизмом, решил дать свободу славянским народам Балкан, другие — что он размышлял расширить свои полномочия. Драка католиков и православных в месте рождения Христа — Вифлееме стала началом войны.

Россия оккупировала Молдавию и Валахию. Против выступили Турция, Великобритания, Франция и Сардинское королевство. Русская армия не была подготовлена: оружие устарело, пороховые погреба отсырели, император рассчитывал на благожелательный нейтралитет Австрии, но та, как всегда, предала. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также в низовьях Амура, на Камчатке и Курилах. Наибольшего напряжения достигли в Крыму, и война получила название Крымской.

Жертвы были неисчислимы. В Петербург шли вести, что Севастополь в руинах, флот уничтожен, враг на русской земле! Попытки отразить неприятеля кончались поражением.

«Находясь в столице близ государя и первенствующих лиц, я убедился в общем упадке духа в высшем кругу правления, в слабости правящих. Я видел своими глазами то состояние разрушения, в которое приведены нравственные и материальные силы России тридцатилетним безрассудным царствованием человека необразованного, надменного, мстительного. Он был предан более всего удовлетворению своих страстей, и, наконец, достиг, как в своём царстве, так и за границею, высшей степени напряжения» (Н. А. Задонский).

Русские эмигранты в Европе почуяли: пришло время свести с императором счёты. Кому было выгодно их поддержать — поддерживали. И Николай не вынес. Он разом свалился, и вместе рухнул державшийся им строй.

Позорный для России мир пришлось подписывать уже Александру II. Россия возвращала Турции крепость Карс, взятие которой стоило огромных человеческих жертв, а взамен получила южную часть своего Севастополя. Уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии, подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств; Чёрное море, проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми для торгового мореплавания и закрытыми для военных судов.

«Драться надо! — кричали недалёковидные, но благородные патриоты. — Драться до последней капли крови, до последнего человека!» Но большинство крикунов состояло из лицемеров. Были и те, кто о войне сожалел потому, что в мутной воде можно ловить крупную рыбу.

Коронация Александра II состоялась 26 августа 1855 года.

По этому поводу Высочайшим манифестом были дарованы льготы и послабления ряду категорий подданных, приостанавливались на три года рекрутские наборы, ликвидировались жестокие военные поселения, созданные Аракчеевым, были помилованы декабристы, которых Николай I не выпускал из Сибири и даже их детям не разрешал вернуться на родину. Помилованы петрашевцы, не совершившие преступлений и осуждённые лишь за то, что читали и обсуждали письмо Белинского к Гоголю:

«Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

С воцарением Александра II в общественно-политической жизни России началось потепление. *«Александр II не любовался собой, как Александр I, не играл в великого государя, как Николай I. Он оставался самим собой. Говорил как ни попало, первыми подвернувшимися словами, не заботясь о впечатлении, действовал, как находил нужным в данный момент. Он не хотел казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался».* (Историк В. О. Ключевский).

«Удивительно, но льготы, какими мы ныне пользуемся, важные вопросы, какие выступили на нашу общественную сцену, не породили между нами ни благородных характеров, ни людей с сильною волею, устремлённую на добро, а только привели в движение множество маленьких страстей, мелких самолюбий, ничтожных и эгоистических стремлений» (профессор Петербургского университета А. В. Никитенко).

II

Императрица Мария Александровна не прекратила деловых отношений с Кавелиным. Ценила его ум и глубокие знания истории, она вместе с ним и Горчаковым, лицейским товарищем Пушкина, подготовила программу обучения своих детей. Первый период (с семи до шестнадцати лет) — гимназический. Второй (с шестнадцати до девятнадцати) — университетский. Третий (до двадцати одного года) — практический.

Вскоре Саша и братик Володя, который был младше него на два года, уже занимались по этой программе. Предметов было много, вводились они постепенно, с каждого года — новый. Закон Божий,

русский и церковнославянский языки, чистописание, история всеобщая и русская, немецкий язык, математика, английский и французский язык, география, рисование, игра на фортепиано. Всего набиралось 45 учебных часов в неделю. Кроме того, гимнастика, танцы, фехтование, верховая езда, ружейные приёмы и маршировка.

Разработанная императрицей программа образования и воспитания была обязательна и для других членов царской фамилии. Двоюродный брат Саши, тоже Саша (его называли Сандро), так вспоминал: «Радости беззаботного детства оборвались для меня, когда мне исполнилось семь лет. Впервые в моей жизни я узнал о существовании различных грехов — семилетним ребёнком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским. Не глядя в мои полные ужаса глаза, священник поведал мне о проклятиях и вечных муках, на которые будут осуждены те, которые утаивают свои грехи. Господь Бог, который беседовал со мной в шёпоте пёстрых цветов, росших в нашем саду, внезапно превратился в моём сознании в грозное, неумолимое существо.

До пятнадцатилетнего возраста моё воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Особое внимание было обращено на практические занятия по артиллерии, для чего в нашем саду стояло орудие. В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города».

Никса радовал своих педагогов прилежанием и успехами, а Саша был совершенно иного склада, он предназначался отцом к военной службе и не обременял себя лишней нагрузкой. В семь лет, произведённый в прапорщики, он надел мундир Финляндского стрелкового батальона, получил собственного камердинера и сопровождал императора во время военных церемоний. В 12 лет вместе с Никсой находился в военных лагерях под Петергофом.

В 1859 году вокруг шестнадцатилетнего наследника русского трона собрались самые сильные педагоги. Закон Божий читал протоиерей Рождественский, курс русской истории преподавал профессор Московского университета Сергей Михайлович Соловьёв, историю русского слова читали Грот, Гончаров и Классовский. При этом за профессорами сохранялись кафедры.

31 декабря 1860 года гимназическое образование Никсы закончилось, а уже с января он изучал философию, богословие и церковную историю. Схватывал всё на лету. «Если бы мне удалось хоть раз за десять лет подготовить студента, равного по развитию великому князю Николаю Александровичу, я считал бы, что исполнил свою профессорскую задачу», — признавался С. М. Соловьёв.

Обсуждался вопрос о дальнейшем обучении Никсы в одном из российских университетов. Сделали пробу: он выслушал несколько лекций по математике в Пажеском корпусе, где сидел на одной скамье с пажами. Это был первый случай подобного рода.

Саша боготворил Николая, выделял его из семьи, но не стремился за ним угнаться, что подтверждается дневниковыми записями Николая Павловича Литвинова — молодого помощника воспитателя.

«1861 год.

13 марта, понедельник. Сегодня на гимнастике я заметил признак пробуждения в Александре Александровиче, в первый раз ему пришла фантазия добиться сделать довольно трудную

штуку, и действительно он её сделал, хотя с грехом пополам. Натура добрая, но шероховатая; впрочем, есть надежда её обтесать. Он очень мил со мною, очень послушен, но ужасно любит фамильярничать, и я решительно недоумеваю, как мне избавиться от этой короткости. Его любимое обращение ко мне: «Ты — дитя, поручик». Если промолчишь и угрюмо отвернёшься, он сейчас заметит это и скажет: «Ну вот и рассердился». Если же при повторении той же выходки попросишь его перестать, он торопливо заговорит: «Ну не буду больше, господин поручик», — и в самом деле перестаёт до первого удобного случая. Я ещё не успел заметить, когда наступают эти удобные случаи; если замечу, постараюсь их избегать.

14 марта, вторник. Александр Александрович употребил более получаса на музыку, опять-таки по собственному побуждению. Посмотрим, будет ли знать её завтра. Вечером были у Рихтера; в первый раз мне случилось видеть великих князей в обществе. Владимир Александрович ведёт себя нисколько не стесняясь, так же как дома, а Александр Александрович, видимо, старался вести себя порядочнее, хотя это ему и не совсем удалось.

15 марта, среда. Александр Александрович отвечал свои уроки хорошо. Вечером я читал с Владимиром Александровичем из «Сида». Никак не могу добиться какого-нибудь чтения от Александра Александровича, он его боится как огня.

18 марта, суббота. Говорят, я хорошо сделал, что начал журнал со времени моего поступления, а не позже, потому будто бы, что со временем я мог бы втянуться в привычки и недостатки великих князей, и мне всё казалось бы так, как оно должно быть... Уж не успел ли я втянуться... Боже упаси. Между тем нет ещё месяца, как занял свою должность, а Александр Александрович, мне кажется, уже во многом успел, сделался прилежным и толковым, заметно наблюдение за собою и вообще много утешительного.

20 марта, понедельник. Сегодня уроки Александра Александровича шли очень хорошо; не понимаю, когда он успел их приготовить.

21 марта, вторник. Александр Александрович по-прежнему вдруг ни с того ни с сего делает глупую гримасу... В два часа отправились в красивую и сукновальную фабрику на Гутуевский остров; Александр Александрович и Владимир Александрович были внимательны и вежливы. На фабрике нас совсем не ждали, хозяин был несколько растерян, зато его помощники вели себя молодцами, нисколько не унижаясь, что весьма полезно для князей, особенно для Владимира Александровича.

25 марта, суббота. После обеда отправились в Конногвардейский полк. На обратном пути мне ужасно не понравилась манера Владимира Александровича держать себя перед народом в то время, когда ему кричали «ура». Полное равнодушие и ни следа приветливости на его физиономии. Проезжая мимо одной группы, он сказал даже очень выразительно: «Дураки».

16 августа, среда. После обеда Александр Александрович пошёл с нами играть в кегли; он был очень мил, любезен, и почти ни разу мне не пришлось делать ему замечаний, что бывает

очень редко. По возвращении домой Александр Александрович продолжал работать над утренним переводом, беспрепятственно роясь в лексиконе, чего он терпеть не может. Дай Бог не сглазить.

19 августа, суббота. Встали в пять часов, приговлялись к отъезду в Москву, и выехали из Царского в четверть седьмого. Поезд тронулся ровно в семь. Александр Александрович читал «Искусителя», Владимир Александрович ничего не читал. Великие князья много разговаривали с полковником путей сообщения Зуевым, который рассказывал им весьма интересные вещи о постройке Московской железной дороги. В Москву приехали в половине девятого.

20 августа, воскресенье. Александр Александрович с особенным удовольствием смотрит на то, что носит отпечаток старины; видно, что оно делает на него впечатление. Он особенно жалел о том, что многое возобновлено и, следовательно, утратило прелесть старины. На Воробьёвых горах мы долго любовались прелестной панорамой Москвы и её окрестностей. Нас окружили несколько крестьянок, предложив вишен. Владимир Александрович держал себя с ними очень мило и много разговаривал, но Александр Александрович чувствует себя очень неловко и потому кажется мало любезным.

Великие князья разорились на покупку разных коробочек и папиросниц фабрики Лукутина. Для Владимира Александровича это не удивительно, но от Александра Александровича я не ожидал решимости истратить на это 24 рубля; правда, что он выбирал такие вещи, которые подешевле, и потому он их купил очень много числом*.

21 августа, понедельник. После завтрака отправились в Архангельский собор; там нас ожидал священник, назначенный митрополитом для объяснения достопримечательностей. Александр Александрович восхищался стариною и наивною живописью на внутренних стенах храма, то есть, значит, тем, что именно составляет характеристическую особенность древнего византийского стиля.

22 августа, вторник. Сегодня поехали в Воскресенский монастырь. В святой обители нас совершенно не ожидали, так что мы успели осмотреть часть храма прежде, нежели успели собраться игумен и священнослужители для совершения молебствия. Старичок игумен начал было нам показывать храм и ризницу, но, не желая его затруднять всюду ходить за нами, Александр Александрович откланялся ему, и мы dokonчили осмотр храма под руководством генерала Исакова. Обед заказан был в гостинице, находящейся недалеко от монастыря. Простые щи, каша и жаркое показали великим князьям очень вкусными.

27 августа, воскресенье. В семь с четвертью мы выехали из Кремлёвского дворца, заехали к Иверской Божьей Матери и уже оттуда на железную дорогу. Всё время дороги великие князья были очень веселы, хотя и уверяли, что им жаль так скоро оставить Москву».

* Великие князья не имели собственных денег, за них платила казна, и Александр был бережлив. Это качество особенно сильно проявится, когда он взойдёт на престол.

Поклонение чудотворной иконе Иверской Божией Матери и мошам кремлёвских святых являлось официальным долгом каждого члена императорской фамилии, приезжавшим в Москву. Об этом писал Александр Михайлович Романов (Сандро): «Иверская часовня, представлявшая собою старое, маленькое здание, была переполнена народом, который хотел посмотреть на нас. Мне казалось невозможным, чтобы Господь Бог мог избрать подобную обстановку для откровения своим чадам святых чудес. Потом мы поехали в Кремль и поклонились мошам святых. Пожилой монах в чёрной рясе водил нас от одной раки к другой, поднимая крышки и показывая место, куда надлежало прикладываться. Ещё немного в этой атмосфере, и я упал бы в обморок».

Вероятно, что это и было причиной не слишком печального расставания с Москвой царских детей.

5 сентября, вторник. Александр Александрович встал в шесть с четвертью. Был особенно в духе, что он выражал, испуская дикие горловые звуки. Прилежно готовил уроки до восьми часов. Утром были классы французского языка и математики; как в том, так и в другом Александр Александрович был очень хорош. Ф. Ф. Эвальд сказал даже, что он за счастье считал бы, если бы все ученики были бы так внимательны и понятливы.

6 сентября, среда. Александр Александрович был не в духе с самого утра, заспорил с Владимиром Александровичем о том, кому очередь читать вслух Священное Писание. Вероятно, потому урок от восьми до девяти из русского был так нехорош, что учитель почти во взбешённом состоянии вышел от него. От девяти до десяти у великих князей был протоиерей Рождественский и жаловался на ветреную голову Александра Александровича.

9 сентября, суббота. Александр Александрович приготовил урок Ф. Ф. Эвальда: ни одна задача не была решена верно. Немецкий язык был ещё хуже математики, Александр Александрович не только не знал урока, но стал прибегать к своим обыкновенным замашкам: ребяческим капризам и детским жалобам не было конца; он всё это делал как будто бы с намерением выиграть время до конца урока.

11 сентября, понедельник. От восьми до девяти у Александра Александровича был урок французского. Он знал свой урок, но был рассеян и невнимателен, как, к сожалению, с редкими исключениями почти всегда. Его натура при явно практическом направлении способностей не поддается теоретическим умствованиям, теряем только дорогое время. Учёного из Александра Александровича никогда не сделаем. Зато из него можно бы сделать практически развитого человека, и человека в его положении полезного со временем для общества; но для этого нельзя, как в монастыре, жить уединённо от людей, как мы живём в Царском Селе. После чаю Александр Александрович занялся очищением внутренности тыквы, слушая в то же время m-r Рету, который читал ему путешествия Геродота по Египту.

15 сентября, пятница. От часу до двух у Александра Александровича была география, здесь он был очень хорош, в особенности по ответам, они были очень скоры и совершенно толковы. После обеда великие князья играли в крокет. За игрой

все они входят в такой азарт, что со стороны ничего не слышно, кроме ругательств и насмешек.

19 сентября, вторник. За обедом у Александра Александровича были опять неуместные выходки с Николаем Александровичем, которому он беспрестанно делал замечания, несмотря на увещевания с моей стороны. Я имел с ним об этом серьёзный разговор; он, по обыкновению, сначала делал различные возражения, не имеющие смысла, но потом выслушал молча всё, что я ему говорил, и обещал исправиться.

21 сентября, четверг. У Александра Александровича первые часы была история; он отвечал урок довольно порядочно; но когда Эвальд стал объяснять подробности о персах в образе ведения войны, то Александр Александрович начал свои ребяческие выходки. После чаю отправились к Д. Б. Рихтеру. Великие князья там очень мало стеснялись, болтали вздор. Александр Александрович кривлялся и, наконец, кончил тем, что очень грубо толкнул Владимира Александровича за то, что он довольно грубо подсмеялся над ним.

24 сентября, воскресенье. Великий князь наследник жаловался на Александра Александровича, что во время игры в крокет он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его другой раз не допустят до игры. Он отговаривался, как и всегда делает, что ничего особенного не говорил, а, напротив, к нему приставали больше, нежели он к другим.

1 октября, воскресенье. Сегодня Александр Александрович опять начал обнаруживать желание делать разные глупости; его так и подёргивало, но только он, видимо, воздерживался.

2 октября, понедельник. День у Александра Александровича начался весьма хорошо, урок истории он знал, но делал странные рассуждения, или, лучше сказать, не рассуждая совсем.

15 октября, воскресенье. Великие князья обедали со мною и Дмитрием Борисовичем Рихтером, причём Александр Александрович выказал ужасное упорство в разговоре на французском языке; он всё уверял, что в воскресенье следует говорить по-русски.

23 октября, понедельник. В два часа мы пошли гулять. Заметили, что Александр Александрович был очень расстроен; вероятно, государь дал ему опять нагоняй. Александр Александрович долго шёл молча, несколько в стороне, но Моська как-то смешно перевернулась, Александр Александрович расхохотался и уж потом всё время был в прекрасном расположении духа.

31 октября, вторник. Становится страшно за Александра Александровича, когда подумаешь, что переставление запятой в десятичных дробях представляет ему до сих пор ещё трудности непреодолимые. Он не мог одолеть сегодня самого пустого примера десятичных дробей, уверяя, что это для него слишком трудно.

20 ноября, понедельник. В два часа пошли копать снег лопатами. Я всегда удивляюсь, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу в 16 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой?

21 ноября, вторник. За завтраком Владимир Александрович, с обычной своею неуклюжестью, уронил на пол вилку. Н, сидевший подле него, поднял её, но Владимир Александрович даже не поблагодарил. Александр Александрович приведён был в такое негодование невежливостью Владимира Александровича и так его распушил, что мне оставалось только подтвердить его слова и запретить Владимиру Александровичу грубо возражать брату, который был в этом случае совершенно справедлив.

2 декабря, суббота. Мне кажется очень странным отношение великих князей к девицам в обществе; они почти с ними никогда не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например; разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться. Когда великие князья собираются вместе, то редко обходятся без того, чтобы не покричать на них. Сколько они говорят и делают вздору, какие неуместные выходы и шутки не по летам! А всех больше всегда отличается Александр Александрович.

18 декабря, понедельник. Так как у меня сильно болела голова, то я лёг спать вчера в десять часов, а великие князья вернулись домой без четверти одиннадцать, и я слышал только, как они ложились под одеяло. Утром сегодня я узнал, что они раздевались в соседней комнате, чтобы меня не потревожить.

24 декабря, воскресенье. Поехали в Таврический сад. Там на катке было много посетителей. Александр Александрович значительно изменил свою манеру здороваться. Подойдя к князю Мещерскому, он поспешно снял перчатку, чтобы дать ему руку, и поклонился, не прикладываясь к козырьку, а сняв фуражку».

По результатам экзамена, проведённого в конце года, Саша имел:
география и естественные науки — 3
русский язык — 3
иностранные языки — 3
закон Божий — 3 с минусом.

Зато усердно перегонял вино по рецепту, который ему присоветовал Гофман, занимался гальваникой, рисовал на пленэре, научился играть на корнете-пистоне, и впоследствии под руководством известного корнетиста-виртуоза стал прекрасным исполнителем на духовых инструментах.

III

Желание императора и императрицы обучать Николая в университете не осуществилось: в августе 1861 года в Петербурге начались студенческие волнения, поддержанные Киевским, Харьковским, Московским и Казанским университетами. Казанская духовная академия начала ещё раньше, весной, после восстания в селе Бездна, причиной которого стал манифест об отмене крепостного права.

Народ многие годы ждал волю и землю, но волю дали, а землю — нет; нужно было её выкупать у помещика баршиной или оброком. Дворовые люди и приписные к заводам крестьяне ещё на два года остались в неволе.

Начавшиеся в Бездне волнения охватили свыше 75 селений Казанской губернии. 12 апреля в Бездну вступили две роты под командованием Апраксина, который потребовал выдать зачинщика смуты — Антона Петрова. Люди схватились за колья. По приказу Апраксина солдаты открыли огонь, было убито 91 человек и свыше 350 ранено. Телеграфным распоряжением царя в ответ на донесение Апраксина велено было «...Антон Петрова судить по полемому уголовному уложению и привести приговор в исполнение немедленно». 19 апреля Петров был расстрелян. Студенты Казанской духовной академии демонстративно отслужили панихиду по убиенным.

Александр II понимал, что восстание — это предел человеческим нервам. Но подготовка крестьянской реформы шла тяжело, крупнейшие землевладельцы сопротивлялись, и в результате реформа прошла в пользу помещиков. Единственное, что государь смог предпринять — это частично переселять крестьян на казённые земли в Башкирию и за Урал. На семью выделялось 500 рублей — деньги немалые. В планах имел создание Крестьянского банка — государственный выкуп земель у помещиков с продажей крестьянам по твёрдым ценам, — именно то, о чём говорилось в «Записке» Кавелина. Для осуществления плана нужны были годы, ибо помещик был разный: один понимал государство, другой понимал наживу.

Манифест об отмене крепостного права был подписан царём 19 февраля 1861 года, впервые зачитан 5 марта, до губерний дошёл с опозданием, до деревень — ещё позже, бунт в селе Бездна случился в начале апреля. Один человек, да при этом крестьянин, не смог бы поднять столько народу в короткое время, — была подготовка, кто-то был в курсе, знал, что крестьян обойдут, и этот таинственный «кто-то» был не один человек — организация. (Вряд ли её членов опечалила трагедия в Бездне.)

В Москве и Петербурге появилось анонимное воззвание «К молодому поколению», в котором земля признавалась общим достоянием народа, говорилось, что если бы «пришлось вырезать до сотни тысяч помещиков, то этим не испугались бы».

С началом учебного года в университетах начались сходки. Зачитывались прокламации подпольного общества «Земля и воля», призывавшего к крестьянской революции, выдвигались требования студентов об отмене «поголовной обязанности платы за слушание лекций», о «праве» объясняться с начальством через депутатов, и прочее. Студенты Петербургского университета устроили протестное шествие, поддержанное студентами медицинской академии. Университет был закрыт.

26 сентября Литвинов записал в дневнике:

«За обедом зашла речь о беспорядках в Петербургском университете. Николай Александрович рассказал Рождественскому подробности вчерашнего случая и весьма справедливо карал студентов за их неприличное поведение, но вместе с тем не оправдывал и начальство, которое, не предупредив ни профессоров, ни студентов, как бы тайком закрыло двери университета. Это умное суждение Николая Александровича не понравилось Александру Александровичу, который только и твердил, что следовало «высечь их всех», то есть студентов.

На чьё-то возражение, что так говорили и лавочники в Петербурге, Александр Александрович сказал, что лавочники самые умные люди! Эти слова лучше всяких баллов показывают — на какой низкой ступени развития стоит наш добрый Александр Александрович».

Как ни кощунственны были слова Александра, но он оказался прав. Лидеров высечь, и этим всё кончится. Стыд не позволит им дальше учиться в Санкт-Петербурге, переведутся в Москву или Киев и побоятся уже нарушать дисциплину, иначе их высекут снова. Теперь либеральная пресса раздула из мухи слона. В Европе раздули ещё того больше. Все вдруг признали: студент первых курсов уже семи пядей во лбу и может решать государственные вопросы. Якобы шестине было в несколько тысяч, офицеры стреляли в студентов, а власти дрожат перед праведным гневом.

«Не стреляли, конечно, не стреляли! Не кончив ничем, не получив никакого ответа, студенты разошлись. Артиллериста Энгельгардта и ещё трёх офицеров арестовали за грубость, а студентов брали за всё и везде; их брали ночью с постели, с улицы днём, по несколько человек и по одному. Общество пришло в восторг от студентов, бранило правительство, говорили много о просыпающейся жизни, о шаге вперёд. Некоторые лица написали адрес государю и стали собирать подписи. Адрес этот проникал, размножался в копиях, но подписи? История с подписями просто прелесть! Пятьсот человек подписались! На четыреста тысяч жителей — пятьсот! Да как ещё? Подпишут сегодня, а завтра придут просить, нельзя ли вычеркнуть. Адрес оставалось только сжечь, так и сделали» (студентка Елена Штакенштейд).

Арест в Петербурге был воспринят московским студенчеством как произвол. У дома генерал-губернатора началась драка с полицией, которая уверяла потом, что студенты держали в руках кинжалы и палки (не было!), студенты же демонстрировали повязки, крича, что под ними глубокие раны (хоть были ссадины и синяки).

Волнения стихли только в конце декабря.

«Произведено несколько арестов. Говорят, взят и великий проповедник социализма и материализма Чернышевский. Боже мой, из-за чего только эти люди губят себя и других! Уж пусть бы сами делались жертвами своих учений, но к чему увлекать за собой это бедное, неразумное юношество!» (профессор Петербургского университета А. В. Никитенко).

Министр просвещения был снят с должности. Вероятно, что и других надо было снимать — занимались они чем угодно, но не своими делами. Ещё в январе уходящего года министр МВД записал: «Слушалось дело о воскресных школах. Панин доказал присутствие опасности, приведя пример, что в одной школе на вопрос: “Кто был Авраам?” — ответили: “Миф”. А вечером в квартире Ростовцева было верчение столов и вызывание духов. На вопрос: “Не Яков ли Иванович?” послышался троекратный стук в дверь. Потом магический карандаш дал на следующие вопросы следующие ответы: “Что тебе нужно?” — “Огонь”. — “Для чего?” — “Воевать”. — “Кому воевать?” — “Министрам”. — “С кем?” — “С коварным князем Константином”. — “Какой конец?” — “Вседержитель! Могила!”»

IV

С нового, 1862 года Николай Литвинов продолжил дневник:

«2 января, вторник. У Александра Александровича сильно пошла кровь из носу. Кровотечения эти с ним случаются теперь что-то очень часто. В семь часов великие князья пошли к родителям, а вернувшись оттуда, мы поехали в балет. Мне кажется, великим князьям ещё рано ездить по балетам. У Александра Александровича опять шла кровь. Мы приехали в одиннадцать часов и тотчас же легли спать.

6 января, суббота. В конце одиннадцатого часа мы отправились на церемонию. Александр Александрович встал на левом фланге 1-го взвода лейб-гвардии Гусарского полка, а Владимир Александрович на том же фланге того же взвода лейб-гвардии Драгунского полка. Оба были в соответствующих мундирах в полной парадной форме, с пистолетами, без лент.

7 января, воскресенье. После обеда ходили в Эрмитаж смотреть собрание мраморов и этрусских вещей, купленных в музее Кампана. В семь часов Александр Александрович стал одеваться на бал. Он оставался на балу до половины первого и ушёл оттуда без ужина.

8 января, понедельник. За завтраком Александр Александрович отличился. Когда я стал ему выговаривать за его манеры, то он с самым дерзким видом начал презрительно пофыркивать, прикидываясь, что не понимает, за что я к нему привязываюсь. Я рассердился и сильно на него прикрикнул. От двенадцати до двух у Александра Александровича были уроки русской словесности и английского языка. Он из обоих предметов получил по четыре балла. Дай бог, не спазить.

20 января, суббота. В восемь Александр Александрович с наследником поехали к великой княжне Марии Николаевне. Не могу сказать, чтобы я остался доволен вечером; прятком не было, но зато выдумали костюмироваться, и великие князья, нисколько не стесняясь присутствием дам, надевали при них штаны, снимали и выворачивали куртки и т. п.

24 января, среда. В десять часов пошли к императрице. Великие князья скоро вернулись от неё, и Александр Александрович пошёл к Рихтеру, чтобы не пропустить урока музыки на трубе, он как-то стал дорожить этим.

28 января, воскресенье. Великие князья сели читать — Александр Александрович «Письма Боткина», а Владимир Александрович «Письма Яковлева». В семь часов я вошёл с Владимиром Александровичем в комнату Александра Александровича и застал его спящим крепким сном, облокотившись на руку.

21 февраля, среда. Когда великие князья кончили читать Евангелие, я сказал Александру Александровичу, что не худо было во время говенья читать его по дням. Нужно было видеть, какая поднялась буря возражений, с примесью, конечно, слов, не совсем идущих к делу. Александр Александрович дошёл до того, что сказал, будто это вздор!

12 марта, понедельник. В два часа мы поехали в Таврический дворец. Погода была не особенно хороша, а лёд и горы совершенно были занесены снегом; но Александру Александровичу

это-то именно и понравилось. Он сначала покатался на коньках, а потом вооружился лопатой и деятельно стал помогать дворнику очищать каток и горы.

27 марта, вторник. После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет.

28 марта, среда. Великие князя кончили читать по-немецки к девяти часам, после этого переоделись и пошли на музыкальный вечер к Рихтеру. Александр Александрович принимал несколько раз участие в оркестре.

2 апреля, понедельник. Рождественский читал вслух «Земная жизнь Иисуса Христа», великие князя внимательно слушали. По окончании чтения они надели мундиры и пошли к императрице. В восемь часов была всеношная в Золотой гостиной.

3 апреля, вторник. В два часа мы отправились гулять. Прогулка была хорошая, только Александр Александрович был не совсем в духе. На возвратном пути домой мы зашли к Вольфу, чтобы купить «Земную жизнь Иисуса Христа». От пяти до трёх четвертей седьмого Иван Васильевич опять читал великим князьям «Земную жизнь Иисуса Христа».

5 апреля, четверг. Сегодня встали в половине седьмого, и в семь часов великие князя пошли на половину великого князя наследника на исповедь. Они вернулись назад в 10 минут девятого, что, мне кажется, слишком скоро для исповеди. Перед обедом мы пошли пешком по Дворцовой набережной и встретились с великим князем наследником, гулявшим с Рихтером. Нас сошлось, таким образом, пять человек, а в ряд можно было идти только вчетвером. Так как я умышленно не поторопился занять место, то и оказался один назади. Александр Александрович заметил это и предложил разделить так, чтобы я шёл не один. Обедали у родителей, слушали чтение «Земной жизни Иисуса Христа». В восемь часов пошли ко всеношной.

6 апреля, пятница. После чаю великие князя слушали чтение «Земная жизнь Иисуса Христа». Вечерняя была в час. Обедали дома, а после обеда отправились к родителям. Вернулись около половины шестого и начали красить яйца.

7 апреля, суббота. Великие князя сделали мне подарок, который несказанно обрадовал меня («История цивилизации Англии» Бокля, на английском языке).

28 апреля, суббота. Обедали сегодня у родителей. Возвращаясь от обеда, великие князя Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев: Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался императрице и государю».

На этом дневник Николая Павловича Литвинова заканчивается. Начинаются воспоминания князя-анархиста Петра Кропоткина.

«13 июня 1862 года наступил, наконец, день, которого

калеты и пажы дожидались с таким нетерпением. Александр II произвёл нам род короткого экзамена в военных построениях. Мы командовали ротами, а я гарцевал на коне в должности младшего "штаб-офицера". Затем нас всех произвели в офицеры. Когда парад кончился, Александр II громко скомандовал:

— Произведённые офицеры, ко мне!

Мы окружили его. Он оставался на коне. Тут я увидел Александра II в совершенно новом для меня свете. Во весь рост встал предо мною свирепый укротитель Польши и вешатель последних годов. Он весь сказался в своей речи, и он стал после этого дня противен мне. Начал он в спокойном тоне:

— Поздравляю вас! Вы теперь офицеры. — Он говорил о военных обязанностях и о верности государю, как это всегда говорится в подобных случаях. Но затем лицо его стало злое, свирепое, и он принялся выкрикивать злобным голосом, отчеканивая каждое слово: — Но если, чего боже сохрани, кто-нибудь из вас изменит царю, престолу и отечеству, я поступлю с ним по всей строгости закона, без малейшего попушения!.. — Его голос оборвался. Лицо его исказилось злобой и тем выражением слепой ярости, которое я видел в детстве у отца, когда он кричал на крепостных и дворовых: "Я с тебя шкуру спущу!" Даже некоторое сходство между отцом и царём промелькнуло. Александр II сильно пришпорил коня и поскакал от нас. На другой день, 14 июня, по его приказу в Модлине расстреляли трёх офицеров, а рядового Щура засекли шпицрутенами до смерти».

Но почему об этом никто не писал, кроме Кропоткина? Где и кого Александр II вешал? За что и когда? История это обязана знать. Кропоткина он не повесил. Князь-анархист пожелал нести службу в Сибири, и, возвратившись, нашёл, что за четыре года «Петербург изменился к худшему, это стал город кафешантанов». То есть уже не вешали, не расстреливали, не засекали шпицрутенами, а только плясали и пили...

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 31

Редактор-составитель *В. В. Якушев*
Корректор *Н. Н. Семукова*
Дизайн, вёрстка *С. Э. Неведомская*

Подписано в печать 05.09.2022. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 147353. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6048219-2-3

9 785604 821923

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212-43-28.
Факс 8 (342) 212-31-54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6048219-2-3

9 785604 821923